

Государственное автономное учреждение культуры
Тюменской области

«Ялуторовский музейный комплекс»

Ялуторовск-городок
историко-краеведческий альманах

Выпуск десятый

Ялуторовск
2015

ББК 63.3 (253.3)

Я 20

Явлутур-городок: Историко-краеведческий альманах // Под ред. П.Белоглазова – Ишим: филиал «Ишимская типография» ОАО «Тюменский издательский дом», 2015. - 139 с.

ISBN

Главный редактор П.Белоглазов

Редакционный совет:

Т.Г.Бурлакова

А.Г. Болотова

О.С.Кузнецова

Т.В. Орлова

Е.А.Попцова

Фотообеспечение: В.П.Петров, А.М.Мясников, С.М. Назаров.

Компьютерный набор: Ю.Е.Ивченко, О.С.Кузнецова.

Дизайн и вёрстка: И.А.Редькина.

Главные даты десятого, юбилейного выпуска историко-краеведческого альманаха «Явлутур-городок»: 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, 170-летие основателя и руководителя крупнейшей в России кооперативной организации – Союза сибирских маслодельных артелей Александра Николаевича Балакшина.

ISBN

©ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

СОДЕРЖАНИЕ

Памятные даты

*К выходу 10-го номера альманаха
«Явлайтур-городок»*

*К 70-летию Победы в Великой
Отечественной войне 1941-1945 гг.*

К 175 - летию С. И. Мамонтова

Лики эпохи

6 БЕЛОГЛАЗОВ П.
Печатная трибуна музейщиков и краеведов

10 СУХИХ Г.
Подарок для друзей

12 БЕЛОГЛАЗОВ П.
Хроника юбилейного года

14 *Война и мир капитана Широбокова*

17 ДОЛГИХ Л.
Мой дед из поколения победителей

18 КОЛОМЕНЦЕВА В.
Брат мой, Женька...

20 ДОЛИНГЕР А.
Наши земляки из 229-й стрелковой дивизии

22 РЯВКИНА Е.
Всю войну прошёл связист Рявин

23 МИТРИКОВСКАЯ Т.
Делали мы снаряды к «Катюшам»

24 СОРОКИНА Г.
Они убиты подо Ржевом

26 СТРЕЛЬЦОВА Е.
Дедушка очень мало говорил о войне

27 БЕЛОГЛАЗОВ П.
В Ялуторовске появился Мамонтовский фонд

27 *План работы Мамонтовского фонда*

28 *Встречая юбилей*

30 БОЛЬШАКОВ Л.
Тарас Шевченко и портрет дочери декабриста Пущина

34 МАРКОВА В.
Декабристы на Изюмской земле

41 АРТЕМЬЕВА Н.
Певец сибирской природы

43 БУЛЫШЕВА С.
Место службы – перевал Саланг

Минувшее		
	46	БОЛОТОВА А. <i>Средства существования ялуторовских декабристов</i>
	51	<i>Семьи декабристов в Ялуторовске как пример для подражания</i>
	55	<i>Тайные общества и ялуторовские декабристы</i>
	60	ПАЛОПЕЖЕНЦЕВ Н. <i>История ялуторовских школ</i>
	66	ШЛЫКОВА В. <i>Школьные годы чудесные</i>
	69	<i>Обычаи и обряды</i>
	72	ДАШУНИН Е., НЕЧАЕВА С. <i>Жила одна деревня</i>
	79	МЯСНИКОВ А. <i>Пешком по Вознесенской...</i>
Мир музея		
	82	Материалы «круглого стола» «Вклад А.Н. Балакшина в аграрное развитие региона»
	83	ВЫЧУГЖАНИН А. <i>Контакты А.Н. Балакшина с представителями интеллектуальной элиты</i>
	85	ВАСИЛЬЕВА Т. <i>Главное дело Александра Балакшина</i>
	87	КЛЫКОВА Т. <i>Деятельность Союза сибирских маслодельных артелей в оценке А.Н. Анцыферова</i>
	88	КРОТКОВ Н. <i>История Союза сибирских маслодельных артелей (1907-1920 гг.)</i>
	90	МОРОЧКОВСКАЯ Л. <i>Влияние декабристов на воспитание и мировоззрение будущего кооператора</i>
	91	КОРЖЕНЬ О. <i>Декабристы и купечество</i>
	93	БУРЛАКОВА Т. <i>Особенности экономического развития Ялуторовского уезда Тобольской губернии XIX- начала XX вв.</i>
	96	ЧЕДУРОВА Е. <i>Сибирский промышленник и кооператор</i>
	98	ПЛОСКОВА Л. <i>Ялуторовское маслоделие и его роль в экономике страны</i>

Страницка юного краеведа

Музей и природа

Литературная страницка

Нам пишут

Музей глазами фотографа Валерия Петрова

- 101 АРТЕМЬЕВА Н.
Творческий мир Лидии Корнишкойной
- 102 Рукотворные фантазии Натальи Бородиной
- 104 БЕЛОГЛАЗОВ П.
Наградные документы из 1959 г.
- 106 Выставки Ялуторовского музея в драмтеатре
- 106 «Русская палинтра» в Ялуторовске
- 107 Историческая картинка музея признана лучшей
- 108 БАГАЕВ Н.
Зарождение краеведческого движения в г. Ялуторовске
- 110 БАЯНОВ Е., ОРЛОВА Т., КИСКИНА Н.
Гнездование ходуличника в Ялуторовском районе
- 111 СЕВОСТЬЯНОВА Е.
Ландшафты и пейзажи Ялуторовского района
- 115 ЧЕКУНОВА М.
Альбом уездной барышни
- 115 КАРКИШКО Г.
Я тебя никому не отдам
- 116 СУХИХ Г.
О грибах, и не только
- 119 ВИТЛИН Б.
Я служил в дивизии генерала Уварова
- 120 КУБАСОВА В.
Встретились на фронте
- 121 ГНЕДОВСКАЯ А.
Привет из Портленда
- 121 ПЕШЕВ Л.
Имя Витлина увековечено в списках братской могилы №55 в г. Старая Русса
- 122 Памяти Матушкина
- 123

Памятные даты

К выходу 10-го номера альманаха «Явлутур-городок»

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
главный редактор альманаха «Явлутур-городок»

Печатная трибуна музейщиков и краеведов

Каждый музей мечтает о собственной печатной трибуне, на страницах которой можно вести летопись дел и свершений, публиковать краеведческие изыскания, поддерживать обратную связь с пытливым и любознательным читателем, патриотом большой и малой родины. Мечтать, как говорится, не вредно. Главное, найти действенный механизм реализации идеи, сформировать группу соратников, единомышленников, определить творческое кредо издания, проявить определенную волю. И, конечно, найти источники финансирования. Когда все эти составляющие срастаются в единое целое, мы получим то, о чем долго мечтаем.

Для нас этот момент наступил в 2006 году. Однажды в мой кабинет вошла заместитель по научной работе музеяного комплекса Людмила Ивановна Афонасьева, держа в руках свежий номер «Коркиной слободы».

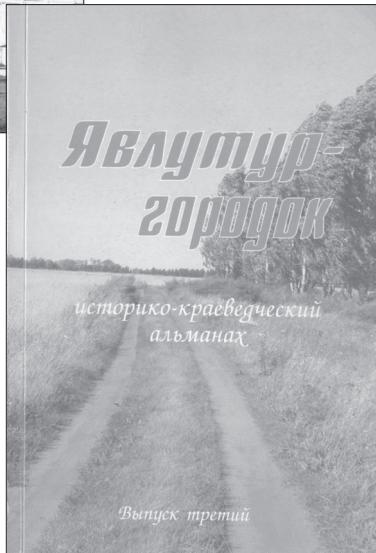
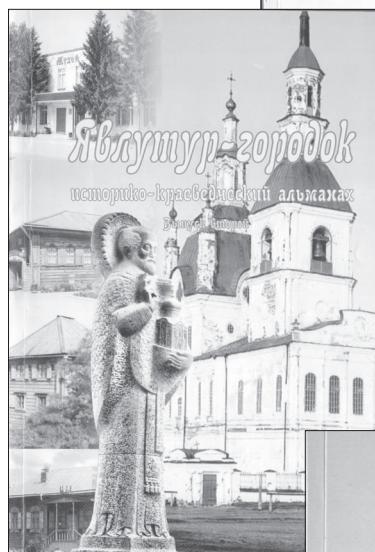
- Вот ишимские музейщики выпустили. Может, и мы попробуем?

Пример коллег вдохновил. И мы попробовали.

Людмила Ивановна придумала и точное, основанное на исторических корнях нашего города название, которое сразу же стало родным, и структуру альманаха разработала. Мне оставалось подставить крепкое мужское плечо, стать редактором, издателем, автором, корректором в одном лице без отрыва от производства. В помощниках – стремление сделать достойный печатный продукт и многолетний журналистский опыт.

Как радостно трепыхнулось сердце, когда я развернул первый номер «Явлутур-городка», пьяняще пахнущий типографской краской, и губы невольно произнесли: «Свершилось!!!». Спасибо директору Ялуторовской типографии Анатолию Петровичу Зубареву, моему другу, ныне покойному, который смог воплотить нашу идею в типографскую форму. Ему тоже было трудно. Одно дело выпускать привычные районные газеты и бланки, а тут

– оригинальный журнал! Его надо было отпечатать на неприспособленном оборудовании, переплести, одеть в обложку. Коллектив под его руководством справился с этой непростой задачей. Причем за сравнительно небольшие деньги.

О первом «блине» стоит рассказать особо. Альманах имел 128 страниц. На первой странице обложки – фотография макета Ялуторовского деревянного острога с рисунка Г. Бетнева (1950 г.), который хранится в фондах музея. На форзацах – чернобелая о доезде слобод и острогов по Тоболу-реке, о расположении Ялуторовского городища (1659 г.), старинные фотографии.

Альманах открывали приветственные выступления депутата Тюменской областной Думы, председателя Попечительского совета музеяного комплекса Н.П. Барышникова и Главы г. Ялуторовска, члена Попечительского совета музеяного комплекса В.Д. Зимнева. И это вполне закономерно. Решение о выходе музеиного издания было принято на заседании Попечительского совета музеяного комплекса 28 февраля 2006 года в рамках городской целевой программы по подготовке и проведению 350-летия г. Ялуторовска. Обращаясь к читателям, В.Д. Зимнев, в частности, отмечал: «Выход первого номера альманаха с таким теплым и узнаваемым названием – «Явлутур-городок» имеет особую значимость имен-

но сегодня, когда начата подготовка к славной дате в истории Ялуторовска – 350-летию со дня основания. Приобщение к историческим корням крайне важно для воспитания гражданственности, патриотизма. Выражаю уверенность, что на пути изучения родного края нас ждет немало интересных открытий, а альманах станет настоящей книгой для учащихся, изучающих историю города, и семейного чтения».

Источником финансирования изначально определялись привлеченные средства. 2006 год был объявлен Президентом России Годом благотворительности. Первый выпуск (и несколько последующих) издан при финансовой поддержке нашего земляка, генерального директора ООО «ЮНГ-Энергонефть», председателя городской Думы г. Нефтеюганска Г.Я. Григорьева, тоже одного из членов Попечительского совета музеиного комплекса. Полный список Попечительского совета с фотографиями печатался в конце номера. В него входили помимо указанных выше: ректор Тюменского нефтегазового университета, депутат областной Думы, председатель Торгово-промышленной палаты Тюменской области Н.Н. Карнаухов, первый заместитель председателя областного комитета по культуре Н.В. Хвостанцева, Глава Ялуторовского района М.Е. Шарашин, председатель городского комитета по культуре И.Ш. Звиададзе, председатель совета предпринимателей г. Ялуторовска Е.В. Алексиенко, предприниматель, депутат городской Думы В.А. Мартюков, руководители ведущих предприятий и организаций города: М.П. Деревянко (ОАО «Ялуторовскмлоко»), П.П. Кривчун (ООО «Фабрика мебели «Интиди»), С.Д. Зимнев (ЗАО «Комбинат строительных материалов»), А.В. Федоровских (комбинат хлебопродуктов), Г.Ф. Соколов (ОАО «Мясокомбинат «Ялуторовский»), Д.Г. Кайгородов (ОАО «Ялуторовскавтормонт»), О.А.

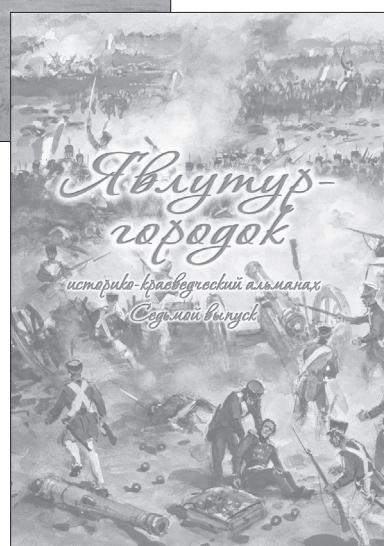
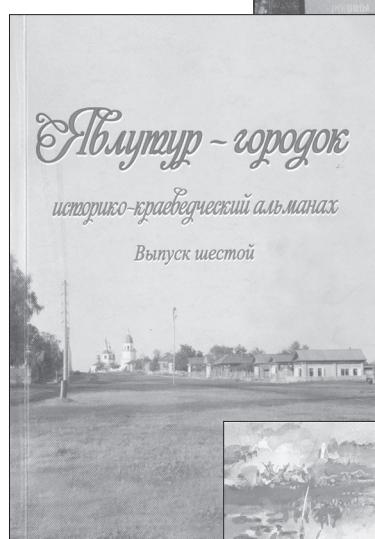
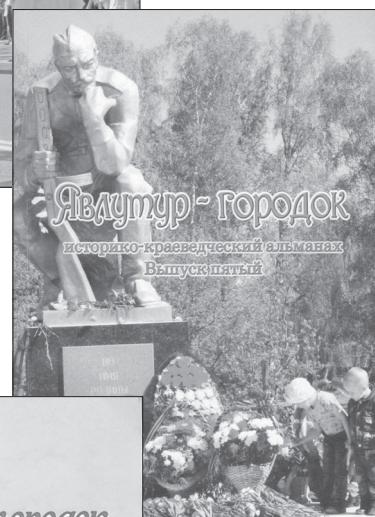
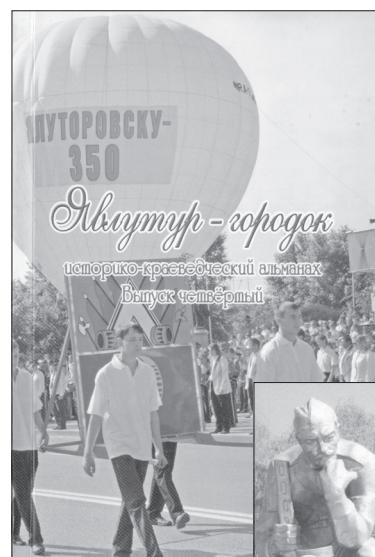
Чубарова (санаторий-профилакторий «Светлый»), заслуженный работник культуры РФ Л.С. Могутова, исполнительный директор Российско-американского совета делового сотрудничества (РАСДС), г. Москва, потомок декабриста Д.Д. Якушкин, заместитель председателя правления РТОО «Наследие Сибири» Ю.В. Бутаков. Большинство из них активно помогали музею в реализации культурных начинаний. (К сожалению, этот общественный орган прекратил существование).

В первый состав редакционного совета входили: мои заместители Л.И. Афонасьева и Н.М. Шестакова, руководители структурных подразделений

Т.Г. Бурлакова (краеведческий музей), А.Г. Болотова (историко-мемориальный музей), Т.В. Макеева (музей «Дом природы»), главный хранитель фондов Л.М. Дорофеева. Первый и все последующие выпуски альманаха иллюстрировал В.П. Петров, компьютерный набор делала Ю.Е. Ивченко, сегодня – заместитель директора.

Структура альманаха выглядела следующим образом: «Памятные даты», «Минувшее», «Лики эпохи», «Мое родословное древо», «Страницы юного краеведа», «Мир музея», «Музей и природа», «Литературная страница», «Музей глазами фотографа Валерия Петрова». С небольшими вариациями эти разделы сохранились.

Читатель первого номера познакомился с дискуссией по поводу возможного установления Дня памяти декабристов, эпистолярным наследием декабристов, купеческими династиями Колмаковых, Воробейчиковых, революционером и исследователем Германом Назаровым, городским старостой Василием Ульяновым, самодеятельной артисткой Тиной Глазычевой, любовной историей Поповых, зародившейся в Ялуторовском эвакого-

спитале, семейным архивом Мясниковых, чертежами и фотографиями Сретенского собора 1908 года, историей школы ФЗО. Юные крае-

веды рассказали об уроженце д. Мыс Федоре Русакове, участнике морского сражения с японской эскадрой при Чемульпо в 1904 году, о Василии Мамонтове, родившемся в д. Малая Тихвина, репрессированном в 1937 году, о Карпе Большакове и других жертвах «большого террора» из д. Южная, об уникальном экспонате – ящике для снарядов, привезенном поисковиками из-под Ржева. Сотрудники музея поведали об итогах акции дарителей «Оставь о себе память», окольцованным свиристеле, запетевшем в Сибирь из Швеции, значимых музейных предметах и коллекциях – колокольчике поддужном «Дар Валдая», полотенцах, процессе реставрации мебели XIX века из мемориального дома декабриста М.И. Муравьева-Апостола – стола преддиванного, кресел «корытце», комода-бюро, ломберного столика. Часть предметов возвращена к жизни благодаря поддержке генерального директора компании «СУЭНКО» П.А. Михеева.

В «Литературной страничке» публиковался цикл стихотворений поэта из Ялты Григория Пяткова, уроженца с. Емуртла, выпускника школы в Ялуторовске, участника Великой Отечественной войны.

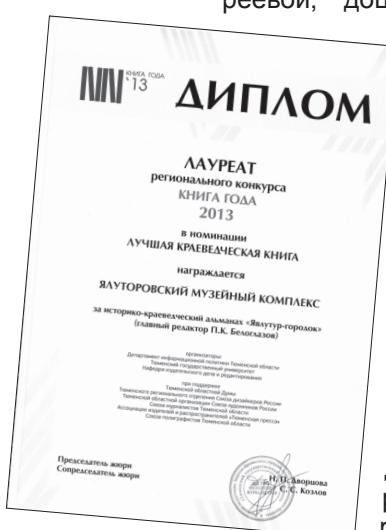
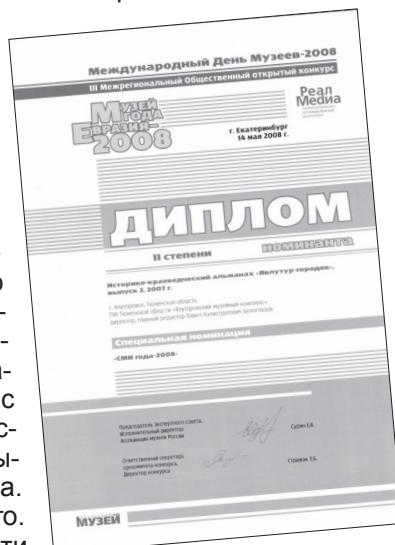
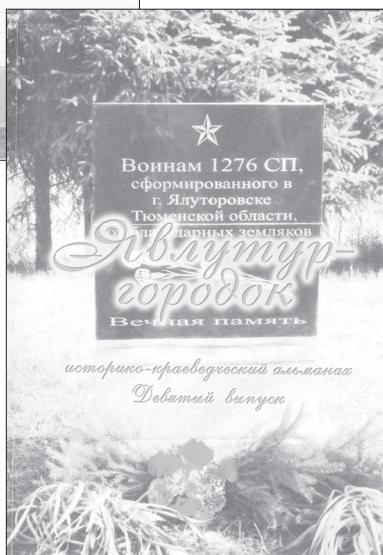
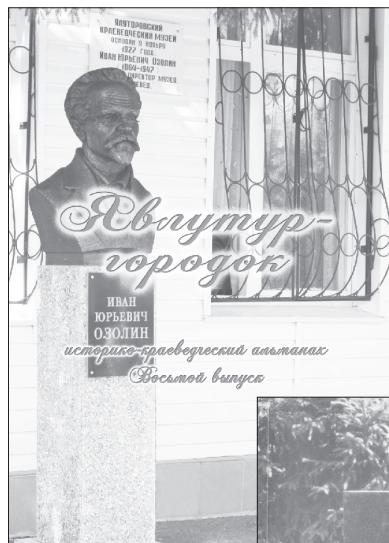
Таким был первый номер. Потом

был второй, третий... И вот мы добрались до десятого, юбилейного! Готовя данную статью, я занялся любопытными подсчетами. Если положить на весы по одному экземпляру девяти уже изданных альманахов, то общий вес в бумажном исчислении едва превысит 3 килограмма. Вроде бы немного. Но если перевести наши труды в страницы, то итог получится весомый – 1564! (Это около 182 условных печатных страниц). А если умножить на тираж... В 2006 году мы начинали с 300 экземпляров, в 2007-м издали пятьсот. Затем все последующие годы типография печатала по 350. Вполне достаточно, чтобы выдать авторские экзем-

пляры, с рассылкой в другие города, и часть пустить в продажу. По закону об обязательном библиотечном экземпляре альманах поступает в Государственную публичную библиотеку и другие книжные хранилища России и региона.

Хотел заняться подсчетом авторов, но быстро понял, что это сделать весьма затруднительно: за каждым выпуском стоит труд нескольких десятков людей – профессиональных музейщиков и краеведов, юных исследователей, маститых ученых. На страницах альманаха публиковались исследования и воспоминания правнука С.И. Мамонтова профессора Московского строительного университета, доктора геолого-минералогических наук Сергея Чернышева, профессора, кандидата экономических наук Сергея Пахомчика, главного редактора журнала «Восточная коллекция Александра Поплещука, редактора газеты «Тюменский курьер» Рафаэля Гольдберга, дочери Юлии Друниной Елены Липатниковой, доктора исторических наук Александра Яркова, потомка известного купеческого рода Евгения Ченцова,

заслуженного деятеля культуры Республики Польша Сергея Филя, кандидата филологических наук, доцента Самаркандского университета (Узбекистан) Рубена Назарьина, члена Московского общества «Наследие декабристов» Людмилы Шипиловой, историка и краеведа Александра Петрушина, доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории РАН, научного консультанта фильма «Звезда пленительного счастья» Раисы Киреевой, доцента кафедры филологии и культурологии Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, кандидата филологических наук Татьяны Савченковой, писателя Леонида Иванова, доктора исторических наук, руководителя

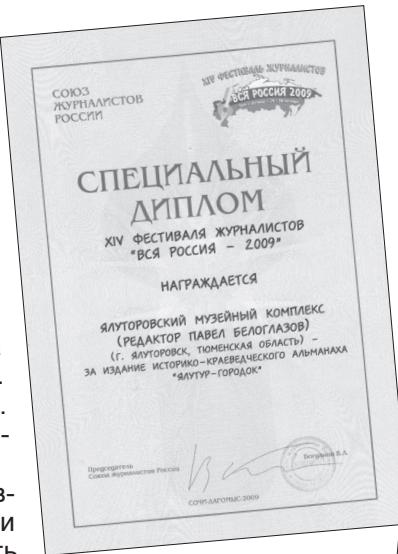
проекта «Тюмень сквозь глубину веков» Александра Вычугжанина, писателя Татьяны Тепышевой и многих других. Среди авторов публикаций потомки и представители рода декабристов Т. Ознобишина, А. Максин, В. Маркова.

Следуя заявленной миссии популяризировать исторической наследие, редколлегия знакомила читателей с трудами известных исследователей нашего края: Капитона Голодникова - «Ялуторовский округ губернии Тобольской» и сказка «Ковер-самолет», Германа Назарова - «Опыт обзора Ялуторовского округа в естественно-историческом отношении», Николая Абрамова - «Река Тобол с ее притоками», Константина Носилова - «По Туе, Тоболу и Исети», Михаила Сиязова - «К ботанической характеристике Ялуторовска и его ближайших окрестностей», Михаила Знаменского - «Детство среди декабристов».

Но мы не забывали и о современности, в отличие от многих подобных изданий, замкнутых на тематике давно минувших дней. Каждый номер альманаха посвящался каким-либо крупным датам в жизни страны, Тюменского региона или нашего славного города. И в начале номера часто можно увидеть нечто вроде обзора текущих событий

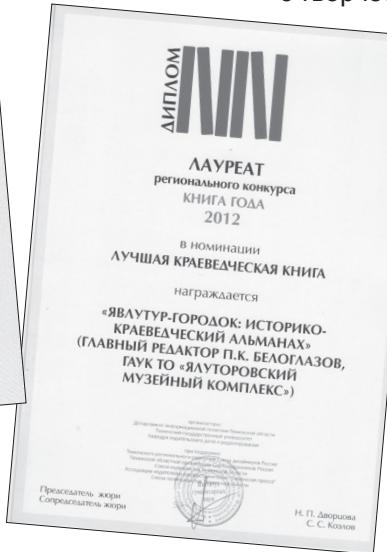

Памятник в горах Словакии.

за определенный период, наиболее заметных с нашей точки зрения.

В каждом выпуске мы знакомили читателей с творчеством местных поэтов, чаще всего лауреатов и дипломантов фестиваля народного творчества им. С.И. Мамонтова. И

это тоже выделяло наше издание. В девяти альманахах опубликованы стихи Анатолия Марласова, Юрия Бутакова, Маргариты Чекуновой, Оксаны Ануфриенко, Геннадия Каркишко, Федора Нечаева, Михаила Артемьева, Виктора Колодки, Татьяны Молодых, Натальи Бородкиной, Геннадия Сухих, Марка Льва (Израиль). Литературный сценарий «Друг мой тайный», подготовленный Л. Афонасьевой по переписке И.Пущина и Н.Фонвизиной, стал спектаклем Ялуторовского народного театра.

Горжусь тем, что мне довелось опубликовать в альманахе достаточно много материалов, значимых, надеюсь, не только для меня. О жизни и деятельности известных земляков – художнике Евгении Ушакове (Иркутск), прославившемся берестяной пластинчатой мозаикой, одним из первых в СССР диссидентов

Валентине Полетаевой, Ялуторовском раввине Соломоне Айзенштадте, который причастен к открытию синагоги в Тюмени, авантюристе и исследователе Сибири Ипполите Завалишине, генерале Петре Уварове, возглавлявшем первую в СССР ракетную дивизию, командире 1276-го стрелкового полка (Ялуторовского) 384-й стрелковой дивизии Борисе Витлине, погибшем в 1942 году под Старой Руссой и других. Родословные исследования - «Старообрядцы и старообрядчество. Горячий пепел Березовки», «1914» (о первой мировой войне). С особым удовольствием работал над очерками, которые несли печать эксклюзива – «По страницам Тобольских епархиальных ведомостей», «Город Ялуторовск и Ялуторовский округ во второй половине XIX века» (обзор первого периодического издания в нашем крае «Тобольских губернских ведомостей»), «Историческая сенсация. Еще раз о доме Бронникова-Пущина».

Подводя итог десятилетней издательской работы, могу сказать, что альманах получил известность, сформировал круг авторов и своего читате-

Виктор Астафьев и Григорий Пятков.

ля, на него ссылаются в краеведческих кругах как на серьезный источник информации. «Явлутур-городок» дважды становился лауреатом регионального конкурса «Книга года», а также побеждал в конкурсе журналистских проектов. Журнал представлялся на Всероссийском фестивале прессы в Дагомысе и на заседании Союза краеведов России в Москве.

Десять лет издательской биографии. Сама по себе живучесть издания, не имеющего гарантированного источника финансирования, на мой взгляд, заслуживает уважения. Альманах, по его адресности, жанровости и широте интересов, можно без всякой натяжки назвать Ялуторовской летописью. Что будет дальше, жизнь подскажет.

Геннадий СУХИХ,
ветеран журналистики
(г.Ялуторовск)

Подарок для друзей

Это издание с первых выпусков (без малого десять лет назад) привлекло моё внимание, а когда я углубился в чтение его публикаций, ознакомился с вёрсткой и оформлением, то оно подкупило меня своей зрелостью, совсем не любительским, а вполне профессиональным уровнем редактирования текстов, умелым подбором иллюстраций.

Спустя два-три года историко-краеведческий альманах «Явлутур – городок», солидно зарекомендовавший себя несколькими десятками публикаций, интересных и ценных не только для краеведов-любителей, но и для историков с известными всей России именами, стал моим любимым изданием. Поскольку выходит он не периодически, как газета или журнал, а выпусками, каждый из которых является как бы продолжением предыдущего (что главным образом и отличает альманахи от периодики), то каждая новая встреча с «Явлутур-городком» воспринимается как праздник.

Считаю, что для города с населением менее 40 тысяч человек люди, делающие альманах, преподносят каждым выпуском престижный подарок. И, думаю, наберётся порядочно россиян в самых разных уголках страны, которые узнали о существовании Ялуторовска и нашего солидного музейного комплекса именно из «Явлутур-городка». Я, например, на просьбы друзей, живущих в основном на Урале и западнее «Каменного пояса», рассказать о местах, с которыми связал судьбу около 40 лет назад, отвечаю подарком – высыпаю бандероль с новым выпуском нашего альманаха. И от бывших моих одноклассников и однокурсников идут благодарности и за знакомство с городом, где сформировано целое объединение музеев, где бережно хранят память о декабристах и где выходит издание, которое сделало бы честь и некоторым мегаполисам, не говоря уж о райцентрах. Конечно, «Явлутур-городок» не отличается глянцевостью, не претендует на то,

чтобы его признали подарочным эксклюзивом. Но возьмите любой экземпляр из первых или последних выпусков – и вы убедитесь, что это не какая-то затрапезная книжонка, а вполне культурно, на неплохой бумаге сработанное умелыми руками издание. Потому и не боюсь я посыпать его друзьям в качестве подарка. Уверен, что так же поступают десятки жителей города и района.

Не ставлю своей целью подробный разбор публикаций всех вышедших в свет девяти выпусков альманаха или хотя бы одного из них. Приведу лишь несколько примеров (из разных выпусков), которые бы убедительно иллюстрировали то или иное моё суждение об издании. Редакционный совет «Явлутур-городка» адресует своё детище широкому кругу читателей, а не только историкам и краеведам. И большинство материалов любого из девяти выпусков отвечает этой «фирменной заявке». Немало и таких, начав читать которые, невозможно оторваться. Некоторые вполне деловые публикации, содержащие биографические данные о земляках, воспринимаются как трагические детективы. Вот, например, статья Людмилы Афонасьевой «У истоков создания музея»(второй выпуск). В ней появилось новое имя. Оказывается, среди тех, кто в далёких 30-х годах предыдущего века начинал в нашем городе краеведческую работу, давшую толчок открытию музея, видную роль играла Марфа Дмитриевна Чукавина, объявленная врагом народа, осуждённая тройкой и расстрелянная в Тюмени в 1937 году. Фамилия её была на многие десятилетия вычеркнута из официальных списков. Она была неожиданно обнаружена в мартирологе погибших от рук НКВД в годы большого террора. Этому поспособствовала «Книга расстрелянных» Р. Гольдберга. В небольшой статье Людмилы Афонасьевой довольно подробно описана трагическая судьба М. Д. Чукавиной.

Ещё один пример. Автор статьи «Ялуторовск сквозь призму мировых столиц», кандидат философских наук Татьяна Осинцева, живущая в Санкт-Петербурге и Праге (видимо, попеременно то в том городе, то в другом), довольно много рассказавшая о себе в публикации, совсем вроде бы не позволяющей таких «вольностей». А получилось очень интересно и вполне уместно.

Т. Осинцева побывала, по роду работы, в большинстве музеев мира. Интерес к этой работе у неё возник в Ялуторовском музее. Вот выдержка из её статьи: «...я выросла в музее, здесь, на историческом секретере готовила уроки и спала на диване 19 века по вечерам, если мама-учительница была на собрании, а отец работал... объясним мой интерес к разнообразным музеям во всех городах...» И далее: «...как правило, каждый музей продаёт некую полувымыщенную историю, современный ремейк».

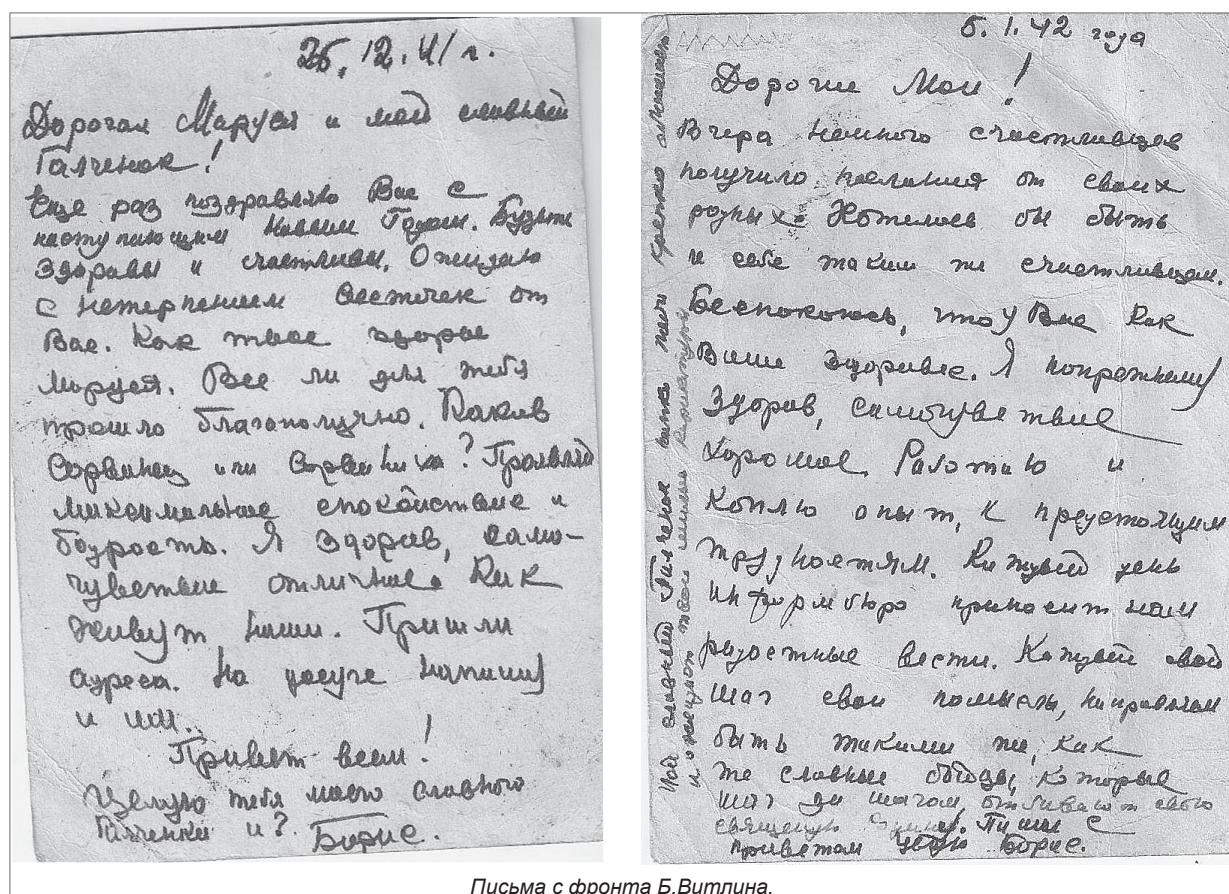
Там же: «А в Ялуторовске история настоящая. Настоящий дом настоящего человека, Матвея Ивановича Муравьёва-Апостола, прожившего в этом доме двадцать лет своей единственной драгоценной жизни, настоящее письмо в таинственной бутылке под печкой, отправленное в плавание не в пространство, но во время...»

Пример третий, последний. В девятом выпуске альманаха опубликована небольшая, но добротная статья Павла Белоглазова «Командир Ялуторовского полка» - подробное

повествование о трагической судьбе майора Бориса Витлина, командира воинской части, сформированной в Ялуторовске в августе-ноябре 1941 года. Полк был укомплектован бывальными воинами – запасниками старших возрастов, мобилизованными в нашем городе и районе... Цитата из статьи: «Фронтовая судьба оказалась жестокой... к этому полно-кровному подразделению численностью около 3200 человек...» Полк, можно сказать, погиб за два дня – 24 и 25 февраля 1942 года. В бой вступили с марша, не было проведено ни разведки местности, ни артподготовки, не было контакта с соседями, следовательно, и поддержки с их стороны. После невосполнимых потерь приказ командования выполнить было невозможно. И командир полка лично повёл в атаку по снежной целине последний резерв – роту автоматчиков и взвод разведки, и получил смертельное ранение. Вместе с ним полегли комиссар артиллерийской батареи Монченко (бывший инструктор Ялуторовского райкома партии), комбат Воронин, рядовые С. Ухалов, И. Ушаков (бердюгинац), Ф. Калинченко (маслодел).

В истории трагедий немало. И рассказывать о них морально труднее, чем о «штатном» течении жизни. И очень правильно, что «Явлутургородок» освещает настоящую историю, не выбирай «цветочки». Поэтому я и дарю друзьям книжки альманаха.

Ведь это издание – наш бренд, можно сказать, визитная карточка города.

Письма с фронта Б. Витлина.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
директор ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Хроника юбилейного года

Ялуторовская эпопея пришла к читателю

24 апреля во Дворце культуры прошла презентация книги «Ялуторовск в годы Великой Отечественной войны», подготовленной научными сотрудниками ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс», краеведами, юными исследователями. Новый книжный проект посвящен 70-летию Великой Победы и основан на редких, неизвестных широкому читателю документальных источниках из фондов музея, архивов, военкоматов, семейных альбомов и воспоминаний участников войны и тружеников тыла. Здесь тысячи фактов, имен, фотографий, и этот фундаментальный труд по истории города уже получил неофициальное название «Ялуторовская эпопея». Накануне более шестисот экземпляров уже поступили в дома и квартиры участников войны и тружеников тыла вместе с подарками губернатора.

Презентация прошла в торжественной, запоминающейся обстановке, со слезами на глазах.

Та самая Катюша!

У парадного входа во Дворец культуры играл муниципальный духовой оркестр, а в фойе встречали маржоретки. На сцене выступали лучшие творческие коллективы МАУК «Артвояж» с новой программой, подготовленной к 70-летию Победы. Особо стоит отметить появление на публике заслуженного работника культуры РСФСР, артистки народного театра, вдовы участника войны Александры Бородиной, которая выступила в роли легендарной Катюши. В течение всего мероприятия на специальный экран проецировались фотодокументы из книги, и каждый зритель в зале смог в основных чертах познакомиться с электронной версией эпопеи.

Официальная часть началась с церемонии передачи книги от издательства городу. Этую

А. Двигов и В. Смелик.

миссию выполнили генеральный директор ОАО «Тюменский издательский дом» Алексей Двигов и глава г. Ялуторовска Вячеслав Смелик. Депутат Тюменской областной Думы, инициатор этого проекта Владимир Зимнев поблагодарил авторскую группу за плодотворную работу и вручил подарки и благодарственные письма. Почетным гостем презентации стала директор Государственного архива социально-политической истории Тюменской области Елена Долгушина, партнер музейного комплекса в реализации этого проекта.

О подвиге тылового города

7 мая в краеведческом музее ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» открылась новая экспозиция «Ради жизни веков грядущих», посвященная 70-летию Победы. Используя современные дизайнерские технологии, сотрудники музея под руководством Татьяны Бурлаковой придали новый колорит музыкальным предметам, которые поступали в фонды в течение нескольких десятилетий и в последние годы.

В серии широкоформатных баннеров полно представлена жизнь тылового города, который формировал воинские соединения, выпускал необходимую для фронта продукцию, лечил раненых, принимал эвакуированных детей из блокадного Ленинграда и других областей прифронтовой полосы. На специальном экране демонстрировались уникальные фотографии. Оригинально использовано экспозиционное пространство двухэтажного здания советской постройки. Экспозиция начинается на первом этаже, где представлены новые предметы, переданные в дар музею жителями города накануне юбилейной даты, и захватывает лестничный переход. Поднимаясь на второй этаж, посетитель невольно замедляет шаг при виде объемной панорамы с десятками портретов

земляков – участников войны. И также невольно замирает сердце, когда взор останавливается на клине журавлей, летящем над головой.

Впечатляет предметный ряд основной части экспозиции. Здесь можно увидеть и знамя Государственного комитета обороны СССР, переданное Ялуторовскому лесозаводу на вечное хранение за успехи в выпуске оборонной продукции, и парадный мундир генерала П.П. Уварова, командира первого в стране ракетного соединения войск стратегического назначения, и личные вещи генерала П.М. Фитина, руководителя Службы внешней разведки СССР в годы войны, подаренные музею его потомками, и швейную машинку, на которой ремонтировали одежду, доставленную с фронта...

Новую экспозицию открыли глава г. Ялуторовска Вячеслав Смелик, ветераны войны Тасисия Василевская, Людмила Пяткова, Михаил Воробьев, Николай Пахомов, Анатолий Ахапкин. В театрализованных постановках приняли участие сотрудники музея и учащиеся средней школы №1.

Со Знаменем ГКО СССР впереди

По давней традиции главным символом праздничного шествия 9 Мая в Ялуторовске является Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР, врученное в 1946 году Ялуторовскому лесопильному заводу на вечное хранение. За годы Великой Отечественной войны эта реликвия 8 раз присуждалась коллективу, выпускавшему шпалы, спецукропку для снарядов, аэродромные катки и другую оборонную продукцию. Сегодня Знамя хранится в фондах ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс», и каждый год выносится на парад. В последние годы музейный экспонат перемещается по главной улице города до мемориала

на раритетном автомобиле ГАЗ-51, возвращенном в строй умельцами ОАО «Автотранс», в сопровождении знаменной группы. Так было и на этот раз. Уникальные фотографии из музеиного собрания, на которых запечатлены лица и события тыловой поры, демонстрировались на баннерах, окружавших площадь Победы, где развернулось основное действие. Повышенным вниманием пользовалась Стена Памяти, проект станции юных туристов, на которой помещена информация о почти семистах земляках, участниках войны и тружениках тыла.

В год 70-летия Победы организаторы существенно скорректировали программу праздника. Митинг проходил не на мемориальном комплексе, а на городской площади. Это было сделано для удобства тысяч и тысяч горожан, и в первую очередь ветеранов, которые могли видеть и выступающих ораторов, и само театрализованное действие, подготовленное творческими коллективами МАУК «Арт-вояж». На самом же мемориале к подножию памятника Неизвестному солдату и на чугунные плиты с именами погибших земляков и умерших от ран в Ялуторовском госпитале возлагались живые цветы. И если бы не экстремальная погода, с дождем и пронизывающим ветром, то праздничная программа была бы выполнена идеально.

Несколько тысяч ялуторовчан приняли участие в праздничном шествии, проявив творческий подход к формированию колонн. Слаженно смотрелись воины запаса, казаки, представители силовых структур, кадеты. Впечатляюще выглядел «Бессмертный полк» во главе с главой города Вячеславом Смеликом,

депутатом Тюменской областной Думы Владимиром Зимневым, председателем городской Думы Владимиром Агаповым, волонтерами Молодежного социально-делового центра. Множество портретов земляков, которые полегли на поле брани, стали коллективным ответом тем, кто готов в центре Европы разжечь третью мировую войну. Всего же, по сообщениям СМИ, в акции «Бессмертный полк» приняли участие 12 миллионов россиян. По улицам Ялуторовска и всей страны прошагала сама Память.

Без грифа секретности.

Книга и фильм о чекисте

В тюменской прессе уже публиковались материалы о нашем земляке Павле Михайловиче Фитине, который в 1939-1946 гг. возглавлял Службу внешней разведки СССР. 14 августа 2014 года, в день 70-летия нашей области, в Ялуторовске, на здании школы второй ступени, где с 1922 по 1926 годы учился выдающийся чекист, в память о нем установлена мемориальная доска. Не остался незамеченным и приезд в Ялуторовск его потомков – Андрея и Павла (назван в честь деда), которые передали в дар музею семейные реликвии – подвеску от сабли и пуговицу от парадного мундира. Известно также, что Ялуторовская городская Дума поддержала инициативу курганцев, обратившихся в Администрацию Президента РФ с ходатайством о присвоении П.М. Фитину посмертно звания Героя России за выдающийся вклад в обороноспособность страны. А в апреле ветераны госбезопасности организовали автопробег по местам, связанным с памятью разведчиков.

Накануне 70-летия Победы сказала свое веское слово Москва. Сначала в серии «ЖЗЛ» вышла книга «Фитин», написанная военным журналистом, в прошлом корреспондентом газеты

Потомки генерала Фитина в музее.

«Красная Звезда» Александром Бондаренко. А 28 апреля на канале «Россия 1» увидел свет документальный фильм «Без свидетелей. Павел Фитин против Шелленберга» (автор сценария Людмила Романенко, режиссер-постановщик Екатерина Китайцева).

Фильм снят при содействии Службы внешней разведки РФ. В нем впервые представлены рассекреченные документы из архива Службы внешней разведки: аналитические материалы, сообщения и донесения разведчиков. Интересно, что внук и правнук П.М. Фитина выступают в роли своего легендарного предка при постановке сцен исторической реконструкции.

Все мы не один раз смотрели «Семнадцать мгновений весны», но только самые осведомленные могли предполагать, что под псевдонимом «Алекс», отправляющим приказы «Юстасу» (Исаеву, Штирлицу), скрывался руководитель советской разведки Фитин. Теперь тайное стало явью.

Война и мир капитана Широбокова

У Великой Отечественной войны еще немало «белых пятен». Пройдясь ножом по судьбам народов и конкретных людей, она разделила сражения на «выигрышные» и «невыигрышные», а фронтовиков - на «удобных» и «неудобных». Почему столь не похоже протекала послевоенная жизнь у, казалось бы, одинаковых по фронтовым заслугам людей? Одни сидели в президиумах, принимали ребятишек в пионеры, ездили по местам боевой славы, открывали памятники и мемориалы, другие – пили горькую и стыдились показать честно завоеванные награды. А «иконостас» у некоторых был – Брежневу под стать.

Готовя книгу «Ялуторовск в

годы Великой Отечественной войны», посвященную 70-летию Победы», я не раз столкнулся с этим парадоксом. Вот взять судьбу капитана Широбокова... Награжденный орденом Суворова III степени, как и недавно ушедший из жизни Василий Прокопьевич Малков, председатель совета ветеранов г. Тюмени и почетный гражданин Тюменской области, Александр Тимофеевич канун в безвестность. Мне даже долго не удавалось найти его фотографию. Почему? Ведь по нашему региону только два награждения этим орденом, которым отмечали полководческое искусство командиров.

Я не сразу получил ответ на мучивший меня вопрос. При-

шлось провести расследование. И что же мы имеем?

Александр Тимофеевич Широбоков родился 26 августа 1919 года в д. Земляная (ныне Голышмановский район). В РККА с 1936 года. Место призыва – Юргинский РВК Омской области. Участие в Великой Отечественной войне – с 23 июня 1941 года. Имеет несколько ранений. Умер 12 декабря 1997 года в с. Киево Ялуторовского района. Звонки в администрацию села, школу, голышмановскую районную газету оказались бесполезными. Сведений о Широбокове не сохранилось. Удалось лишь узнать, что какое-то время он работал сторожем в школе и не всегда вел себя безукоризненно.

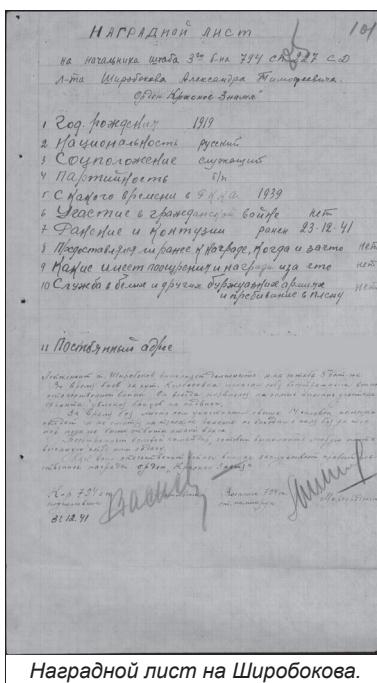
Гораздо красноречивей оказался сайт «Подвиг народа», который рисует образ бесстрашного воина, умелого командира. В перечне наград отмечено 4 награждения. 20 марта 1942 года А.Т. Широбоков, еще в звании лейтенанта, получил медаль «За отвагу». 14 ноября 1943 года он, уже в звании капитана, награжден орденом Суворова III степени, а чуть позже, 28 декабря 1943 года, – орденом Отечественной войны I степени. Занесено еще одно награждение, к 40-летию Победы, 6 апреля 1985 года – орденом Отечественной войны II степени. В этот период ветеран жил в с. Киево.

Из наградного листа на командира 2 стрелкового батальона 463 СП 118 СД старшего лейтенанта А.Т. Широбокова, составленного командиром 463 СП капитаном Бачковым 1 октября 1943 года:

- Тов. Широбоков в боях с немецкими захватчиками показал умение управлять батальоном в бою и проявил храбрость, мужество и отвагу. В ожесточенном наступательном бою 30 сентября и 1 октября 1943 года за высоту с отметкой 29.0 Мелитопольского района Запорожской области со своим батальоном стремительно бросился вперед и овладел рубежом высоты с отметкой 29.0 и 29.1 и мгновенно закрепился. Противник предпринял три контратаки, которые были отбиты с большими для него потерями в технике и живой силе. Захвачены при этом трофеи: одна 50 мм пушка, пулеметов станковых 8, 100 винтовок, 10000 патронов.

Ходатайствую о награждении тов. Широбокова орденом Красного Знамени.

Из наградного листа на командира стрелкового батальона капитана А.Т. Широбокова, подписанного 29 октября 1943 года командиром 118-й Мелитопольской стрелковой дивизии

гвардии полковником Добровольским:

- Широбоков – молодой талантливый командир. Свое высокое мастерство, исключительную отвагу и мужество проявил он в боях с 30 сентября по 17 октября 1943 г. в районе реки Молочная на ближних подступах к Мелитополю.

Перед батальоном стояла задача – прорвать сильно укрепленную полосу обороны противника, преодолев болотистую водную преграду и противотанковый эскарп – стену в 4-5 метров высотой. Под сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем, при беспрерывной бомбейке и обстреле авиации противника, через камыши и болото, неся на себе минометы, пулеметы, переправляя на руках пушки, бойцы и офицеры батальона Широбокова штурмом форсировали реку, овладели господствующей высотой на правом берегу реки. Вместе с бойцами штурмовал этот рубеж лт. Широбоков. 120 часов продолжался бой. Батальон, руководимый Широбоковым, выдержал 18 воздушных атак больших партий немецких бомбардировщиков, отбил 53 наземных контратаки превосходящих сил немцев, навязал врагу 3 рукопашных схватки в лесу. На батальон шло 6 танков, 4 самоходных пушки, до батальона пехоты. Ряды бойцов редели с каждым часом, но в эту минуту во весь рост поднялся комбат и с криком «За мной, на врага, вперед!» поднял бойцов в контратаку. И так 4 раза личным примером героизма Широбоков поднимал людей в контратаку. Грудью ломая оборону врага, бойцы и офицеры шаг за шагом продвигались вперед и, продвинувшись на 6 километров, заняли соехоз, перерезали железную дорогу, идущую на Мелитополь-Джанкой. Только за 1 день 1 октября батальон истребил до 120 немцев, захватил 6 пулеметов, 2 миномета, 1 пушку, 62 винтовки, взял в плен 11 фашистов. Будучи раненым, Широбоков окровавленными руками держал рукоятки станкового пулемета, ведя из него огонь по немцам, и лично истребил до взвода фашистов, руководил батальоном до тех пор, пока задача была не выполнена.

Ходатайствую о представлении Широбокова к высшей Правительственной награде званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

В обоих случаях А.Т. Широбокова наградили не теми регалиями, к которым его представляли непосредственные командиры, а на ступеньку ниже. Так нередко бывало в практике фронтовых буден. Вместо Героя Советского Союза и Боевого Красного Знамени наш земляк получил ордена Суворова III степени и Отечественной

войны I степени – тоже очень высокие воинские отметины. Приказы о награждениях завизированы командующим войсками 4 Украинского фронта генералом армии Толбухиным, членом военного совета генерал-майором Кириченко, начальником штаба генерал-лейтенантом Бирюзовым.

Личное дело А.Т. Широбокова хранится в областном военкомате. Оно-то и проливает свет на некоторые превратности его судьбы.

Прежде всего, хотелось бы дать, с несущественными сокращениями, автобиографию, заполненную им собственноручно на 4 листах красивым учительским почерком.

Автобиография

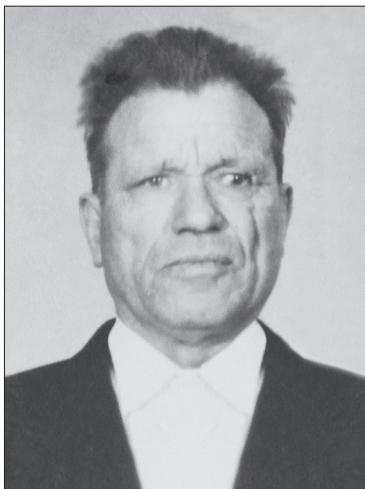
Родился в 1919 году в д. Земляная Голышмановского района Тюменской области в семье крестьян-бедняков. Отец мой в том же 1919 году погиб в партизанском отряде, который боролся против Колчака.

В 1920 г. мать вышла второй раз замуж за Широбокова Тимофея Петровича, до революции рабочего, который меня усыновил, и фамилию которого я и ношу. От второго брака у матери было еще четверо детей: 1) брат Широбоков Станислав Тимофеевич, 1922 года рождения, который из средней школы ушел в Погранучилище и в первые дни погиб на западной границе в боях с немецкими захватчиками. 2) сестра Валентина Тимофеевна, 1924 года рождения, в настоящее время работает на авиазаводе в Омске. 3) сестра Лидия, 1926 года рождения, в настоящее время работает машинисткой в Тюменском горторгге. 4) сестра Агния, 1928 года рождения, работает бухгалтером Велижанского Райпотребсоюза. Отец умер в 1939 году, а мать в 1947 году. Других родственников не имею. Никто из моих родных под судом и следствием не был.

Жена Широбокова (до брака Олькова) Валентина Тимофеевна, 1922 года рождения, из семьи крестьян-бедняков деревни Боково Викуловского района Тюменской области. Отец ее, Ольков Тимофей Федорович, умер в 1933 году, оставив своей жене Ольковой Ульяне Степановне 7 человек детей. Мать жены в настоящее время проживает в дер. Боково Викуловского района. Член колхоза. /.../

Жена работает с 1940 года воспитателем, последнее время в Жедоусовском д/доме Сорокинского р-на Тюменской области.

Я в 1936 году окончил Ялуторовское педагогическое училище и в звании учителя начальной школы был направлен в Юргинский район Тюменской обл., где 1936-37 учебный год работал учителем Соколовской начальной школы. 1937-38 и 1938-39 учебные годы работал преподавателем Бушуевской семилетней школы того же района.

В 1939 (август) был призван в ряды РККА. С августа 1939 г. по сентябрь 1939 г. – рядовой 5 мотострелковой бригады 17 армии ЗабВО.

С сентября 1939 года по июнь 1941 года – курсант Тюменского военно-пехотного училища, откуда выпущен в звании лейтенанта.

С июня 1941 года по декабрь 1941 года адъютант старший 646 сп 227 сд 40 армии Юго-Западного фронта.

С декабря 1941 года по июнь 1942 года – слушатель курсов командиров стрелковых батальонов при академии им. Фрунзе в г. Ташкенте.

С июня 1942 года по май 1943 года – командир роты курсантов Ашхабадского ВПУ САВО.

С мая 1943 года по август 1944 года командир стрелкового батальона 646 сп 118 сд 3 гв. корпус 5 ударная армия 4 Украинский фронт.

С августа 1944 года по декабрь 1944 года – командир роты воспитанников Саратовского суворовского училища

ПриВО. С декабря 1944 по май 1945 г. – командир роты курсантов Кемеровского ВПУ СибВО. С мая 1945 по декабрь 1945 г. – преподаватель тактики 2-го Тюменского ВТУ СибВО. С декабря 1945 по 3 июля 1946 г. преподаватель тактики Западно-Сибирского ВПУ. С 3 июля по 20 июля 1946 года старший преподаватель тактики Западно-Сибирского ВПУ.

20 июля 1946 года уволен в запас со званием капитан запаса.

За участие в Великой Отечественной войне награжден: 1) Орденом Суворов III степени.

2) Орденом «Отечественная война» I степени.

В боях получил два легких ранения. В плену и окружении не был. За границей был в составе действующей армии в Румынии.

После демобилизации 1946-47 учебный год работал учителем семилетней школы при Исетском детдоме «Путь к труду» Тюменской области. По семейным обстоятельствам переведен в Сорокинский р-н Тюменской области, где 1947-48 уч. год работал учителем Готопутовской семилетней школы. С июля 1948 по февраль 1949 года работал директором Пинигинского д/дома Сорокинского района, откуда был уволен за утерю казенных денег. С февраля 1949 по январь 1950 года работал преподавателем Пинигинской семилетней школы. 28 января 1950 года осужден на 2 года лишения свободы за утерю денег детдома. Срок наказания отбыл 28 января 1952 года.

С 1 апреля 1952 года по 25 августа 1953 года работал воспитателем Жедоусовского д/дома Сорокинского района. С 25 августа учитель Жедоусовской семилетней школы.

С 12 февраля 1955 г. член к-за «Знамя» Сорокинского района.

На этом автобиография, заверенная военкомом Сорокинского района майором Болдыревым, заканчивается. Интересующие нас сведения биографического характера содержатся также в служебном списке и других документах. К примеру, о роде занятий отца героя нашего повествования до 1917 года есть следующая запись: «Рабочий Воткинского завода, слесарь», после 1917 года: «Служащий, прораб совхоза «Скотовод» Голышмановского района». Оказывается, у А.Т. Широбокова было трое детей: сыновья Виктор 1945 г.р., Юрий 1952 г.р. и дочь Галина 1960 г.р. Где они сегодня?

В 1956 году Александр Тимофеевич окончил годичную школу механиков колхозного производства, и с этого времени его жизнь связана с сельским хозяйством. Через десять лет он оказался в совхозе «Ялуторовский», где, как свидетельствует запись, начинал механиком.

Имеющиеся документы не дают никакого представления о том, как боевой офицер за год до окончания войны оказался командиром роты в суворовском училище, а затем в тыловых сибирских городах – Кемерове и Тюмени. А вскоре в его судьбе произошел еще один болезненный надлом: увольнение из армии, которой он отдал

лучшие годы, с «волчьим билетом», по причине профнепригодности к преподавательскому делу. Увы, в это сложное для него время вел он себя не лучшим образом, совершая необдуманные поступки, конфликтовал с окружающими и для меня совершенно ясно, что к мирной жизни Александр Тимофеевич так и смог адаптироваться. Отсюда – его частные перемещения по Тюменской области и смена места работы. Жизнь героя войны завершилась трагично, и хоронили его чужие люди.

Еще одна загадка. В военкоматовских документах ни разу не упоминается медаль «За отвагу». Неужели «Подвиг народа» ошибается? Вряд ли. Скорее всего, и сам Александр Тимофеевич не догадывался об этой награде. В конце 1941 года представляли его, лейтенанта, к ордену Красного Знамени, но начальство рассудило: хватит медали. А потом – ранение, перемещение в другую часть... И вот только сегодня, в процессе оцифровки наградных дел, выяснилось, что грудь фронтовика должна была украшать еще одна достойная награда родины.

Вот такая она разная судьба у капитана Широбокова! На войне – герой, в мирной жизни – потерянся. Так тоже бывает.

Людмила ДОЛГИХ,
младший научный сотрудник историко-мемориального музея
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Мой дед - из поколения победителей

9 мая 2015 г. Нескончаемый людской поток на Красной площади, в городах и селах России с портретами участников Великой Отечественной войны. «Бессмертный полк» шагал по России и странам мира. Действительно океан Памяти. Это действие произвело неизгладимое впечатление. Российский писатель А.А. Прокханов сравнил его с «Крестным ходом». Отгремел праздничный салют в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Эмоции, возникшие от увиденного, переполняют, не дают покоя. И мне захотелось рассказать о моем дедушке, простом солдате, каких миллионы, одном из тех, без участия которого не было бы этой Великой Победы, Митрофане Андреевиче Воробьеве – уроженце села Старый Кавдык, Ялуторовского района, 1906 года рождения.

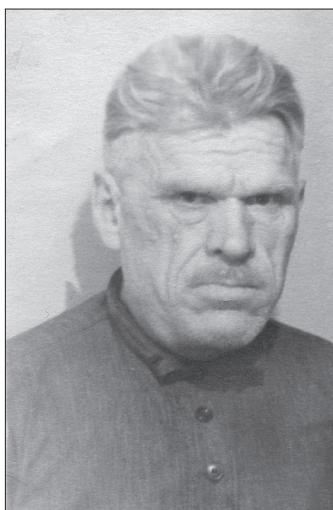
Митрофан Андреевич Воробьев призван в июле 1942 г. Ялуторовским РВК. Воевал на Ленинградском направлении телефонистом, в звании ефрейтора.

Награждён орденом Славы 3 степени, медалями «За оборону Ленинграда» (01.06.1943), «За боевые заслуги» (30.04.1944), «За отвагу» (12.09.1944).

Привожу выписку из приказа № 012 по 167 Артиллерийскому полку 85 стрелковой Павловской дивизии Ленинградского фронта от 30 апреля 1944 г.: «от имени Верховного Совета СССР наградить медалью «За боевые заслуги» телефониста старшего штабной батареи, ефрейтора Воробьева Митрофана Андреевича за то, что он в период боевых действий по овладению опорных пунктов противника в районе дер. Анисимово, Стремутка, Оленино, Уварово 31.03.44-3.04.44 г., находясь на передовом наблюдательном пункте в боевых порядках пехоты, обеспечил беспрерывной связью КП командира полка со штабом полка, лично поправил под сильным артминометным и пулеметным обстрелом до 50 порывов в линии связи, чем способствовал успешному управлению боем».

После тяжелого ранения в декабре 1944 г. комиссован. Едва оправившись от ран, был назначен председателем колхоза им. Гнаровского.

Был дед по-сибирски крепкого телосложения, по характеру суровым человеком, требовательным к окружающим и особенно к себе, немногословным. По воспоминаниям односельчан деда искренне

Митрофан Андреевич Воробьев.

уважали. На пенсию ушел с поста председателя Старокавдышского сельского Совета. О его непростом характере говорит тот факт, что он отказался от получения пенсии по инвалидности.

Помню задумчивый, суровый взгляд, очки, с круглыми толстыми линзами, дед читает книгу Г. К. Жукова. «Воспоминания ...». Несколько страниц, и опять книга отложена.

Какие картины из военного лихолетья всплывали в памяти деда?

Мы никогда не узнаем этого, так как воспоминаниями он не делился ни с кем, как впрочем, никогда не смотрел фильмы о войне.

Более 30 лет прошло со дня его смерти, однако и сейчас перед моим взором встает его мощная фигура, совершенно седая голова и

трость, без которой он не мог обходиться, по причине последствия тяжелого ранения.

У деда было 7 детей, доживших до взрослого состояния, 14 внуков.

Волею судьбы, один из внуков принимал участие в боевых действиях в составе ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. В настоящее время один из правнука, имея офицерское звание, служит на Южном Урале, другой защищает рубежи России на далеких Курилах.

Увиденное в день празднования 70-летия Победы дает право надеяться, что память о поколении победителей сохранится не только на современных электронных носителях информации, но и в умах, и душах последующего поколения.

Валерия КОЛОМЕНЦЕВА
(г. Ялуторовск)

Брат мой, Женъка...

Летит время. Вот уже и 70-летний юбилей Победы. И вспоминаются те далекие годы нашего детства, предвоенные и военные.

*И плачут, и плачут окошки.
Слезинки бегут по стеклу.
Сегодня мне грустно немножко,
Почему – сама не пойму.
Наверно, мне вспомнилось детство...*

В наших играх почти всегда принимал участие брат наш Женя. Что только они и придумывали со своим закадычным другом Толей Казанцевым. Смастерили машину, и вмонтировали в нее педали, а мы, детвора, на ней поочередно катались по ограде. А когда она сломалась, мы прекрасно ездили на одной педали, держась за воздух. Во дворе установили турник, на нем крутили «солнышко», а мы, детвора, делали всякие выкрутасы. На лыжах любили кататься, а они еще к ним какие-то приспособления придумали, и при сильном ветре тебя так гонят по дороге, что боишься на столб налететь.

Помню, в школе лыжные соревнования. Женя всегда в них принимал участие, а если кто-то из нас бежал, он всегда находился на обочине рядом, и подсказывал, где скорость прибавить или сбавить.

Так шли годы. Женя закончил только семь классов и пошел работать на лесозавод. Но в свободное время не упускал случая с нами подуреть. В семейных наших походах он всегда был первым.

Наступил 1941 год. Мне в то время было 10 лет. Помню я хорошо и день 22 июня. Мы

играли во дворе в мячик. И вдруг как-то все изменилось. Кто-то из старших вышел во двор. Тревога на лице, какая то настороженность. Но никто нам не говорил, что случилось. Позднее мы узнали – Война.

Даже и мы присмирили, притихли. Многие отцы и братья наших подружек ушли на фронт. А Женя с другом Толей тоже мечтали побыстрее попасть на фронт. Почему-то они всегда мечтали стать снайперами.

Шел уже второй год войны. Мы с сестрой Люсей гостили в Тюмени, когда узнали, что Женя призван в армию и находится в военкомате в Тюмени. Ежедневно мы ходили к нему. Большой двор, и в глубине его у самой глухой стены сидят наши будущие солдаты. Да какие солдаты – просто-напросто мальчишки! Кто-то что-то пишет, другой, печальный, о чем-то задумался. Женя, как обычно, был всегда веселым, шутил с нами, рассказывал всякие небылицы, чтобы мы не грустили. Однажды он сказал нам, что вечером их будут отправлять. И вот мы вместе с тетей пришли его провожать. Вели их строем на железнодорожный вокзал, а рядом шли провожатые. Женя выбежал из строя, обнял нас и снова – в строй, а когда заходили на перрон, он оглянулся и помахал на прощание рукой. Больше мы его не видели. Позднее узнали, часть их стояла на озере Андреевском. Не раз туда по возможности ездили папа или старшая сестра Тамара – на подножке. Вот почему-то ни Женя от нас, ни мы от него не получали писем, он обижался

на это, а так был всегда веселым.

Время бежит, бежит, и те годы, как странички в книге, так ярко стоят перед глазами...

В конце февраля уже 1943 года часть, где служил Женя, на лыжах пришла в Тюмень. По дороге он забежал к тете и сказал, что пришли они в баню – помыться и на фронт. Еще пообещал забежать. Баня была близко от тетиного дома. Собрала ему тетя, что смогла за это время на дорогу, а когда пошла его провожать, почему то Женя сквозь слезы ей сказал, что чувствует, он больше не увидит ни маму, ни папу, ни нас, сестер. Как могла, тетя его успокоила.

Единственное письмо от брата мы получили лишь с дороги на фронт. Очень жаль, что оно затерялось. В последних числах марта папу вызвал военком. Долго мы его не могли дождаться, а маме сразу сказали, что это что-то с Женей. Пришел папа с горестным известием – погиб Женя. В извещении было написано «...в боях за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил геройство и мужество, был ранен и умер от ран 1 марта 1943 года Коломенцев Евгений Васильевич. Похоронен пос. Крестцы Ленинградской области». Это, значит, был первый и последний его бой. Папа написал письмо с просьбой найти могилку сына. Спустя чуть ли не год пришел ответ: «... похоронен на новом кладбище в братской могиле». Вкопан столбик, где были написаны фамилии погибших. Вот только в фамилии Жени была сделана ошибка: Коломейцев.

Побывать на могилке сына родителям так и не удалось. Война еще не закончилась, а потом, сколько ни писали, ответы были неутешительными. В письме было указано, что похоронен за рекой, и кладбище называется еврейским. Так и не нашли место его захоронения.

17 февраля 1943 года Жене исполнилось 19 лет. Получили летом этого же года письмо от Жениного друга Толи Казанцева. В письме было соболезнование о глубокой семейной утрате. «...Женя, как близко это было когда-то, потерял, как родного брата». Толя писал, что ранен и не пригоден к строевой службе. Не живет, а существует.

Вот настал День Победы. Хорошо я помню, как среди ночи с 8 на 9 мая раздался телефонный звонок. Отец взял трубку, но и нам было слышно, как плачет и смеется телефонистка (Шура Бородина). Она не знает, что ей делать, по телефону кричит: «Победа!». Отец сразу же убежал на работу, а вскоре весь город узнал долгожданное слово Победа.

Старшая сестра Тамара в эту ночь работала на радиоузле. Она включила радио по городу. Что творилось на улицах! Люди смеялись и плакали, знакомые и незнакомые обнимались, целовались. Повсюду раздавалась музыка, а кое-кто из женщин бегал с бутылкой водки и тарелкой огурцов! А мы с Люсей приколачивали флаг. На площади был митинг и даже раздались пушечных три выстрела.

Три салюта прогремели громко
В честь Победы над врагом,
Эхо разнеслось так звонко
И затихло далеко.

А вскоре стали приходить на вокзал эшелоны с бойцами-освободителями. Мы, всей своей оравой, тоже ходили встречать их: кто-то уже встретил отца или мужа, брата или сестру. Я никогда никому не говорила, что каждый раз в сердце у меня была надежда. Подойдет поезд и с подножки спрыгнет мой брат – наш Женя... но желанию моему не дано было исполниться...

Шел, наверное, уже 1946-47 год. Мы вместе с папой копали картошку. Вечерело. Помню, как нам подошел молодой мужчина. Спросил у отца фамилию, а потом сказал, что он был на фронте вместе с нашим Женей. Была нарушен связь через реку (не помню я, какую). Кто не пытался ее восстановить, фашистский снайпер его срезал. Время шло, а связь не могли восстановить. Тогда Женя добровольцем вызвался, его ранило, восстановил он связь или нет, но началось большое наступление. Больше Женю он не видел и ничего о нем не знает. Как в каком-то шоке стояли мы все, а когда папа спохватился, то мужчину мы не нашли. Кто он? Где?

Давно отгремела война, давно нет родителей, нет старшей сестры Тамары. Только мы с Люсей пока живы. Много лет я выписывала «Вестник ЗОЖ». И вот в одном из номеров за 2008 год я увидела адрес, даже сердечко мое вздрогнуло – поселок Крестцы Новгородской области. Морозова Екатерина. В этот же день я отправила ей письмо, рассказав о брате. Вскоре и ответ получила, где она мне сообщила, что есть у них еврейское кладбище, есть и река, просила меня срочно сделать копии из завещания и письма, в котором упоминался тот столбик с фамилиями... Она, Екатерина Ивановна, уже сходила с моим письмом в военкомат. Вот так, через 65 лет, я узнала, где покоятся наш брат.

С Катей мы переписывались не один год, послала он мне и фотографию братской могилы. Было у меня от администрации поселения письмо. Я просила, чтобы на плите была исправлена фамилия. Даже приглашали побывать на могилке. Но... мои годы уже ушли. Писала Катя, что все могилки находятся в порядке и особенно ко Дню Победы. Много цветов и венков. Кладбище находится недалеко от трассы Москва-Ленинград.

...Говорят, время – хороший лекарь. Так ли это? Глаза все еще туманит слезой.

Александр ДОЛИНГЕР,
краевед (г. Ялуторовск)

Наши земляки из 229-й стрелковой дивизии

Реквиемом 229-й стрелковой дивизии стала книга Рафаэля Соломоновича Гольдберга «Возвращённые имена», выпущенная издательством газеты «Тюменский курьер» в 2012 году. Она рассказывает о страшной судьбе второго формирования 229-й стрелковой дивизии. Собранные в г. Ишиме в конце 1941-го - начале 1942 гг., состоящая почти из одних сибиряков, дивизия вступила в бой в июле 1942 года в большой излучине Дона. 10 августа дивизия в последний раз упоминалась в сводках как воинское соединение. Фактически – окружена и рассеяна.

За Дон ушли 12 тысяч человек. Из-за Дона вернулись немногие.

Когда велось формирование этой дивизии, в её состав были мобилизованы в основном молодые, необстрелянные юнцы, в том числе и из Ялуторовского района, год рождения 1923-й.

В этой книге имеются данные на 3484-х тюменцев. Автор разыскивал в архивах следы этих юных солдат. Многие из них не вернулись домой. В настоящее время не осталось почти никого, кто бы помнил и поминал их: родители их давно умерли, а жениться ребята ещё не успели.

Сопоставляя данные этого источника с книгой «Память» и документами Ялуторовского РВК, я смог уточнить биографии более 60 ялуторовчан. Многие из них считались пропавшими без вести. Их фамилий нет на мемориалах. А некоторые, наоборот, занесены туда ошибочно.

Теперь мы точно знаем, что трое погибли в немецком плену:

Полетаев Виктор Степанович, 1923 г.р., рядовой, похоронен в немецком городе Коттбус на южном кладбище, где покоятся 592 советских солдата;

Прибытков Алексей Павлович, 1922 г.р., рядовой 804 –го стрелкового полка, попал в плен 26 июля 1942 г. в Стalingрадской области, штаблаг VI – С, последняя отметка в карточке – 28.06.1943 г.;

Стародумов Степан Фёдорович, 1923 г.р., рядовой 804 –го стрелкового полка, попал в плен 10 августа 1942 г. под г. Стalingрад, штаблаг 344, лагерный № 39776, по данным сайта «Саксонские мемориалы», умер в лагере Ламсдорф 16.05.1944 г.

Поделюсь дополнительными сведениями (порой противоречивыми и требующими дальнейшего уточнения) о других земляках, служивших в 229-й стрелковой дивизии:

1. Аллашов Михаил Иванович, 1923 г.р. Рядовой. Призван в 1942 г. Погиб в 1943 г.;

2. Альмухаметов Ахметзия, 1922 г.р.;

3. Бахарев Леонид Фёдорович, 1923 г.р. (1920 (?) г.р.). Младший лейтенант. Умер от ран 18 декабря 1943 г. Похоронен в г. Мелитополь. Вшёл в книгу «Память», том VII-ой;

4. Борцов Иван Пименович, 1922 г.р. (1918

(?) г.р.). Призван в 1942 г. Пропал без вести в июле 1942 г. Вшёл в книгу «Память» том II-ой;

5. Вагитов Абдулла, 1922 г.р., с. Аслана. Призван в октябре 1941 г. Пропал без вести в 1942 г. (По последним данным вернулся живым);

6. Воливец Александр Андреевич (в книге «Память» - Воловец), 1922 (?) г.р. В журнале по мобилизации Ялуторовского РВК: призван в 1938 г. Дальнейшая судьба не известна;

7. Глазов Аркадий (в книге «Возвращённые имена» записано отчество – Алексеевич), 1923 г.р., г. Ялуторовск. Рядовой. Пропал без вести в августе 1942 г.;

8. Гилёв Александр Фёдорович, 1923 г.р., г. Ялуторовск. Погиб 30 ноября 1942 г. Похоронен: Калининская область, Троицкий район, д. Гринёво;

9. Габышев Михаил Павлович, 1923 г.р., с. Беркут. Призван в 1942 г. Погиб в 1943(?) г. (в книге «Возвращённые имена» записано: рядовой 811-го стрелкового полка). Пропал без вести 10 августа 1942 (?) г.;

10. Дедышев Фёдор Петрович, 1919 г.р. Призван в 1942 г. Рядовой. Пропал без вести в мае 1943 г. (В книге «Возвращённые имена» записано: рядовой 397-го отдельного сапёрного батальона, 229-й стрелковой дивизии). Погиб в 1943 г.;

11. Жарков Иван Дмитриевич, 1923 г.р., Омская область. Пропал без вести в августе 1942 г.;

12. Исламов Имат Алексович, 1924 (?) г.р., д. Красный Яр. Призван в 1942. Гвардии старший сержант. Умер от ран 15 февраля 1944 г.;

13. Калимуллин Шариф (?) (в книге «Возвращённые имена» записан как Шавкат), 1922 г.р. С. Аслана. Рядовой. Призван в октябре 1941 г. Пропал без вести в апреле 1942 г.;

14. Каримов Салимгарай, 1925 (?) г.р. (в книге «Возвращённые имена» записан как Салимкирий), 1921 г.р., д. Осинова. Призван в 1944 (?) г. Рядовой. Пропал без вести в 1945 (?) г.;

15. Колбин Александр Дмитриевич, 1923 г.р. Его нет в книге «Память»;

16. Кубарев Виктор Егорович, 1923 г.р. Рядовой. Погиб 3 октября 1943 г. Похоронен в Киевской области. По данным ОБД «Мемориал»: Кубарев Виктор Фёдорович, 1923 г.р. Телефонист 128-го армейского минометного полка РГК, 1-й Украинский фронт. Убит 3 октября 1943 г. в Киевской области;

17. Кузнецов Семён Дмитриевич, 1905 г.р., д. Каньга. Рядовой. Призван в 1942 г. Пропал без вести в 1943 г. (В книге «Возвращённые имена»: рядовой 811-го стрелкового полка, в списках вернувшихся, погибших, пропавших без вести не числится). Его «смертный медальон» найден поисковиками отряда «Уран» в 2009 г. на р. Чир. Останки бойца захоронены на Калиновской горе у ст. Суровикино. В одном из альманахов «Ялутур-городок» есть повествование Рафаэля Гольдберга о рядовом Кузнецове С.Д.;

18. Лебедев Иван Владимирович, 1923 г.р., с. Коктюль. Рядовой. Призван в 1941 г. Погиб в 1942 г.;
19. Левин Александр Дмитриевич, 1923 г.р., Саратовская область. Рядовой. Умер от ран 19 апреля 1945 г. Похоронен в Польше. (В книге «Возвращённые имена» записано: рядовой 545-го стрелкового полка, 389-й стрелковой дивизии). Умер от ран 17 апреля 1945 г. Похоронен: Польша, г. Равич;
20. Люхмин Михаил Иванович, 1903 (?) г.р., с. Петелино. Призван в 1941 г. Погиб в 1943 г. (В книге «Возвращённые имена» записано: сержант 23-й отдельной стрелковой бригады);
21. Моисеев Александр Андреевич, 1923 г.р., с. Памятное. Призван в 1943 (?) г. Пропал без вести в 1944 (?) г.;
22. Москвин Афанасий Сергеевич, 1922 г.р., г. Ялуторовск (в книге «Возвращённые имена» записан 1923 г.р.). Призван в 1941 г. Пропал без вести в мае 1942 г.
23. Никулин Пётр Филимонович, 1923 г.р., г. Ялуторовск (в книге «Возвращённые имена» записан 1922 г.р.). Рядовой. Призван в декабре 1941 г. Погиб 16 августа 1942 г.;
24. Ниязбаков Тимиргалей, 1899 г.р., г. Ялуторовск. Рядовой. Призван в 1941 г. Пропал без вести в августе 1942 г. В книгу «Память», II т. занесён ошибочно. В списках Ялуторовского РВК в журнале на военнопленных числится запись: находится в плену;
25. Осколков Е.Е., 1913 г.р., г. Ялуторовск (в книге «Возвращённые имена» записан 1923 г.р.). Призван в 1941 г. Пропал без вести в августе 1942 г.;
26. Овчинников Павел Васильевич, 1923 г.р., г. Ялуторовск. Призван в июле 1942 г. Пропал без вести в августе 1942 г.;
27. Остяков Егор Афанасьевич (в книге «Возвращённые имена» записан 1923 г.р.). Рядовой. Призван в 1943 (?) г. Пропал без вести в 1944 (?) г. В списках Ялуторовского РВК в журнале на военнопленных числится запись: находится в плену;
28. Пахомов Николаевич Фёдорович, 1923 г.р. Не вошёл ни в один том книги «Память».
29. Ряхин Афанасий Денисович, 1923 г.р., д. Поспелова, Упоровского района. Пропал без вести в августе 1942 г. (в книге «Возвращённые имена» записано: миномётчик 804-го стрелкового полка. Погиб в августе 1942 г.);
30. Сайфуллин Абдулла, 1923 г.р., д. Авазбакеева. Призван в 1941 г. Погиб 20 августа 1941 (?) г.;
31. Свиридов Алексей Гавrilович, 1923 г.р. Не вошёл не в один том книги «Память». (В книге «Возвращённые имена» записано: п.м.с. – номер орудийного расчёта 8-й артдивизии РГК). Убит 18 января 1943 г. в бою за высоту «Голая» у д. Алексеевка, Воронежской области;
32. Сычёв Владимир Фёдорович, 1923 г.р., д. Непряк. Призван в 1941 г. Пропал без вести в 1943 г. (в книге «Возвращённые имена» записано: рядовой 581-го Краснознаменского стрелкового полка 151-й стрелковой дивизии). Убит 27 июля 1943 г. в районе ст. Ряженная Ростовской области;
33. Толовиков Геннадий Иванович, 1923 г.р. Не вошёл ни в один том книги «Память»;
34. Тотолин Сергей Дмитриевич, 1921 г.р. г. Ялуторовск. Призван в 1942 г. Погиб в 1945 (?) г. (в книге «Возвращённые имена» записано: связист. Пропал без вести в июле 1942 (?) г.);
35. Черенёв Григорий Яковлевич, 1922 г.р. Пропал без вести в январе 1944 г. Не вошёл не в один том книги «Память»;
36. Яинов Ахмедриза (в книге «Память» записан как Ахмет Ганеевич), 1918 (?) г.р. Лейтенант, (в книге «Возвращённые имена» 1923 (?) г.р., д. Кошили. Призван Ялуторовским РВК. Погиб);
37. Ямчиков Георгий Поликарпович, 1912 г.р. (в книге «Возвращённые имена» записано: рядовой 804-го стрелкового полка). Пропал без вести в июле 1942 (?) г., в Книге «Память», том II записано: 1912 (?) г.р., с. Хохлово. Призван в 1941 г. Рядовой. Пропал без вести в январе 1943 г.);
38. Яричин Евгений Михайлович, 1923 г.р. Призван в декабре 1941 г. Пропал без вести в апреле 1943 г. (в книге «Возвращённые имена» записано: рядовой 811-го стрелкового полка, миномётчик. Пропал без вести 6 февраля 1943 г.);
39. Лопарев Фёдор Филиппович, 1915 г.р. Тюменская область. Призван в 1941 г. Пропал без вести в июне 1942 г. (в книге «Возвращённые имена» записано: 1923 г.р., погиб в июле 1942 г.).
- Сопоставляя данные журнала по бывшим военнопленным, книги «Запрещённые солдаты» с книгой «Память», я установил, что во II-й том ошибочно занесено более 140 фамилий. Такая же картина и на мемориале воинской славы в г. Ялуторовске, многие земляки не погибли на поле брани, а были освобождены из немецкого плена. И в этом нет их персональной вины. Война коверкала судьбы миллионов людей.
- Вот как рассказывает о своей военной судьбе наш земляк Василий Фёдорович Фёдоров, 1923 г.р., курсант Тюменского училища. Выпущен 15 декабря 1941 г. Командир взвода 783-го стрелкового полка. Попал в плен 9 августа 1942 г. у ст. Суровикино, освобождён американскими войсками 1 мая 1945 г., за 8 дней до Великой Победы. После фильтрации зачислен в 283-й стрелковый полк 12-й запасной стрелковой дивизии, вернулся в с. Беркут:
- «С августа 1942 г. наша 229-я стрелковая дивизия находилась в окружении. Командиром 783-го стрелкового полка был майор Рыбаков, а после его смерти командовал ст. лейтенант Монах... Отходили к Дону ночами по направлению к хутору Лаховский - ст. Суровикина. Переправиться через Дон не смогли. В плен попал весь 783-й стрелковый полк, вместе с командиром полка и другим командным составом, фамилии которых я не помню. С хутора Митяевского всех военнопленных направили в лагерь в г. Миллерово. Находились здесь до 1 сентября, потом в лагере г. Умань до 1 октября. В октябре 300 человек отправили в лагерь в г. Владимир-Волынск, где я расстался с командиром полка. Затем были лагеря в г. Ченстохов (Польша) и Нюрнберг (Германия)».
- (Из фильтрационного дела В.Ф. Фёдорова).
- Таких моментов можно приводить сотни, за каждым судьба солдата.

Елизавета РЯВКИНА
(г. Ялуторовск)

Всю войну прошёл связист Рявкин

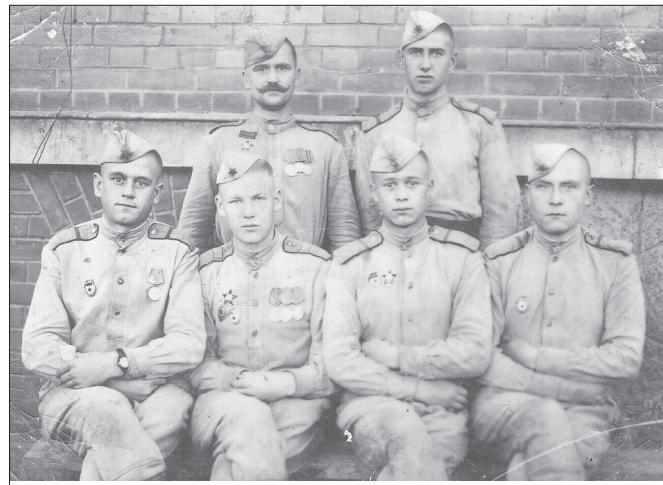
Мой папа Михаил Фёдорович Рявкин родился 21 ноября 1906 года в деревне Шашовой Упоровского района. В семье бабушки Любавы Кондратьевны и деда Фёдора Сергеевича было шестеро детей. Когда началась гражданская война, деда забрали то ли красные, то ли белые. Проводили его жена с детьми до окопицы, сел на коня и ускакал. Больше его не видели. И никто не знает, где он и за кого сложил свою голову. Осталась бабушка в то смутное время одна с ребятишками. Чтобы снохе было легче, забрал дед Сергей к себе внучку Фёклу и моего папу. У него они и жили. В школе папа проучился недолго. Образование всего три класса. Но это не помешало ему заведовать фермой. В конце 20-х папа женился на Анне Алексеевне. В 31 году родился мой брат Володя. Я появилась на свет в 1938-м.

За 10 дней до начала войны папу призвали в Красную Армию. Поэтому с первых дней и до самой Победы отец был фашистов. Проследить его боевой путь можно по красноармейской книжке. За четыре года он был и на Западном, и на Брянском, и на Калининском, и на Воронежском, и на Украинском, и на Белорусском фронтах. Воевал и в предгорьях Карпат. В феврале 1942 года папа был ранен, получил контузию. Попал в госпиталь, где его поставили на ноги. И снова на передовую. Дошёл до самого логова врага – Берлина, где и встретил Победу. О том, как он воевал, говорят его награды. Медаль «За боевые заслуги» он получил в июле 43-го. В наградном листе было написано: «Тов. Рявкин старший в дивизионе телефонист. В бою под... (к сожалению, название населённого пункта неразборчиво) 8.07 связь в батарее беспрестанно рвалась от осколков мин и бомб. Тов. Рявкин, несмотря на ожесточённый огонь, 7 раз ходил на исправление линии

и тем давал возможность стрелять. С НП ушёл последним, выйдя из окружения». В 1944 году ему вручали медаль «За отвагу», в наградном листе читаем: «В бою за Родину 26.07 в г. Кольчуга тов. Рявкин на первой машине ворвался в город, смело и решительно прошёл в расположение противника, уничтожив огнём из своего автомата 11 гитлеровцев, и захватил автомашину. В бою под Мыдлув 7.08 под сильным обстрелом миномётов противника несколько раз в день исправлял повреждения в связи, чем дал возможность вести бесперебойный огонь дивизиону». А в феврале 45-го папа получил орден Красной Звезды. За какие же заслуги? Читаем: «21.01.45 г. м. Галино (а может, Голино или Гомино?). Когда дивизион первым ворвался в местечко, где ещё находились немцы, тов. Рявкин с группой бойцов смело ринулись в атаку, где захватили три автомашины и об

ратили немцев в бегство. Под обстрелом поддерживает бесперебойную связь с батареями. Достоин правительственной награды ордена «Красная Звезда». Имел папа и благодарность от Верховного Главнокомандующего маршала т. Сталина. Был также удостоен медалей за «Оборону Москвы» и «За освобождение Варшавы». А в марте 1947 года получил медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

После победного мая отец не сразу вернулся домой. Вместе с другими бойцами его отправили на восток воевать с Японией. Ехали через всю Россию. Когда проезжали по родной земле, многие солдаты стояли у окон вагона и плачали. Папа написал письмо, адрес со словами: «Это моему сыночку», вложил в конверт 10 рублей. А ещё дописал: «Кто поднимет из добрых людей это письмо, отнесите на почту». И

Стоит первый слева - М. Ф.Рявкин. 28.08.1945 г.

Рявкин Михаил Федорович, с женой Анной Алексеевной и детьми (дочь Елизавета, сыновья Дмитрий- слева, Пётр-справа) 1950 г.

выбросил это послание на перрон. И ведь дошло письмо до адресата. Нашлись сердобольные люди, которые отправили его в Шашову. Все жители деревни удивлялись, приходили, смотрели, читали и радовались. К счастью, эшелон до Японии так и не доехал. Весть о том, что война закончилась, застала защитников Родины в Иркутске. Их вымыли в бане, переодели в свежее обмундирование и отправили обратно. Домой папа вернулся в сентябре 1945 года. Долго отдыхать не стал. Буквально на следующий день отправился на ферму. Поработал здесь недолго, его поставили председателем колхоза. Но ранение давало о себе знать, отец стал сильно болеть. Поэтому он решил отказаться от должности. Как раз в то время пошла волна укрупнения колхозов, и председателями ставили фронтовиков-коммунистов (папа был беспартийным). Уже будучи не председателем, к нему часто обращались за помощью и советом специалисты колхоза. Приходили к нам домой, чтобы папа проконсультировал, настала ли пора сеять, прогрелась ли земля, когда лучше убирать урожай и т. д. Несмотря на свой недуг, отец продолжал работать. Ежедневно возил вме-

сте с сопровождающим почту от Заводоуковска до Упорово. И не дай Бог, не привезти вовремя. Такая работа папе тоже оказалась не по силам. После тряских дорог вечером ему становилось хуже. Мама кое-как отваживалась с ним. Поэтому он попросился ухаживать за молодыми лошадьми. Весной, когда не хватало сена, уезжал с жеребятами на пашню за 12 км от деревни, где была солома, чтобы хоть как-то прокормить животных. Домой приезжал не часто – взять продуктов, таблеток, помыться в бане. Одна из таких поездок для него оказалась последней. Заехал в лес срубить черенок для вил, где его и прихватило. Папа навалился на пенёк и умер. Было это 20 апреля 1956 года. Ему ещё не было и 50 лет. Нашли его через двое суток. Лошадь всё это время стояла возле мёртвого хозяина и никуда не уходила.

Почти 60 лет прошло, как нет с нами папы. Уже нет в живых и троих его сыновей, моих братьев: Володи, рождённого до войны, и послевоенных Петра с Василием. Остались мы вдвоём с Дмитрием. И пока мы живы, будем помнить отца, его подвиг, который он совершил ради нашего счастья.

Тамара МИТРИКОВСКАЯ (Хитрова)

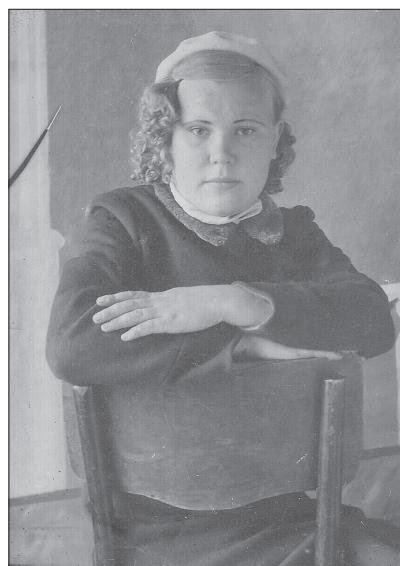
Делали мы снаряды к «Катюшам»

В Ялуторовск мы с мамой приехали в 1933 г., здесь я окончила 6 классов. В начале войны работала в артели «Швейник» по ремонту шинелей. Летом 1943 г., когда мне исполнилось 16 лет, пришла работать на лесозавод, на сплав. Пришла как-то на работу босиком, помню, кофточка на мне была красивая, а обуви не было. Собрали нас, несколько девчонок молоденьких, посадили в эшелон и отправили на восток. Так босиком и была мобилизована от горсовета (руководил тогда Худышкин) на «Сибзавод» в Омск. Увозили нас, как заключённых, в теплушках под охраной. Со мной были мобилизованы подростки из Упорово и Новой Задимки. Только в Омске, когда доставили на завод, дали мне деревянные башмаки. Позднее мама по пропуску в закрытый город привезла мне валенки. Жили в большом женском бараке, завод стоял недалеко от реки Иртыш, рядом была зона, где работали уголовники. На заводе оказались мои однофамильцы – Саша Хитров и Валя Хитрова, они тоже были из Бузулука, Оренбургской области, где я родилась.

Контролёром у нас была Александра Григорьева. (Потом она так и осталась жить в Омске, там же вышла замуж). Я работала в первом

цехе, где выпускали снаряды к миномётам «Катюша». Стала там стахановкой, трудилась на 4 станках, получала усиленный паёк. Мы в то время были большими патриотами, понимали, что наш труд нужен стране, к людям относились с доверием. Однажды, чтобы не заносить в туалет паёк с хлебом, оставила его в сетке на крючке. А когда вышла, увидела, что хлеб украли. Поплакала, но никому ничего не сказала. Кого винить? Не пойман – не вор. Сама виновата!

После Победы 9 Мая и даже после войны на Дальнем Востоке нас с завода не отпускали, хотя мы уже делали какие-то мирные детали. Лишь в День рождения комсомола, 29 октября 1945 г. нам разрешили уехать. Уговаривали нас оставаться работать на заводе и дальше, но очень хотелось домой. Мой стаж на этом военном заводе составил 2,3 года. Мне давали справку, но она потерялась где-то за столько лет. Когда начали оформлять трудовой стаж в военные годы, я писала в милицию г. Омска, но пришёл ответ, что завод вернулся в Ленинград, а архив «Сибзавода» не сохранился. А где искать его в Ленинграде, я не знала. Так и осталась я без военного стажа.

Галина СОРОКИНА,
ветеран труда

Они убиты подо Ржевом

«Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом
При жестоком налете,
Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, -
Точно в пропасть с обрыва -
И ни дна, ни покрышки»

А.Твардовский

И нашу семью война тоже не обошла стороною. Мой дедушка Иван Васильевич Тотолин, житель деревни Мыс Ялуторовского района, вернулся с фронта живым, но имел три ранения и контузию. Заслужил орден и восемь медалей. А вот с папиной стороны его родной брат и мой родной дядя Константин Дмитриевич Рязанов погиб.

Ни дедушка, ни отец не любили рассказывать о войне, и мы долгое время многого не знали.

Потом, уже когда я стала взрослой, стала задумываться над этой темой и больше интересоваться. Особенно после того, как посмотрела новые документальные фильмы Алексея Пивоварова «Москва. Осень 1941 г.» и «Ржев. Неизвестная битва Георгия Жукова».

Раньше казалось, что мы все знаем об истории Великой Отечественной войны. Но оказалось, что белых пятен в ее истории еще очень и очень много. И к ним относится битва под городом Ржевом.

Я касаюсь этого сражения потому, что мой родной дядя Константин Дмитриевич Рязанов погиб именно там. И я хочу рассказать о нем.

Он родился в 1923 году в деревне Криволукская Ялуторовского района Омской области. Был обычным, ничем не примечательным парнем. Рост, как и все деревенские мальчишки. Учился в Криволукской школе, затем в г. Ялуторовске. Был пионером, комсомольцем. Секретарем комсомольской ячейки. Уважением и авторитетом пользовался у друзей и односельчан. Дружил с девушкой.

Когда началась война, ему было всего 18 лет. В конце декабря 1941 года Константин Дмитриевич был призван Ялуторовским военкоматом и направлен на учебу в Тюменское пехотное училище № 1, которое располагалось на территории бывшего гостиного двора в г. Тюмени.

Но большинство курсантов не получили командирских (офицерских) званий. С начала Великой Отечественной войны срок обучения со-

кратили с 2-х лет до 6 месяцев. Проучившись четыре с небольшим месяца, курсанты прошли всего лишь «Курс молодого бойца», получив звание «сержант», были отправлены 4 мая 1942 года на фронт, в Калининскую область.

В нашей семье хранятся все письма дяди Кости, которые помогают не только проследить его короткий боевой путь, но и полнее представить жизнь в тех грозных событиях.

Письма приходили первое время часто. И практически все были похожи друг на друга. Красноармейские приветы родным и знакомым, «как дела дома»? О себе очень скромно: «Живу, учусь, все хорошо». Дальше в письмах уже чувствуется тоска по дому. Более подробнее о себе, о друзьях – земляках, тех, кто с ним служит, и мысли о будущем: «... вот кончится война и мы заживем, хорошо заживем, а сейчас надо перенести все трудности» (строки из письма).

В письме, датированном 2 сентября 1942 года, написано, что они находятся на Калининском участке фронта. Станция Торопец. Хотя военная цензура зачеркивала названия, но прочитать можно. Его последний адрес: ППС № 1606, 618 с/полк, 1-й батальон, 3-я рота.

Константин Дмитриевич воевал недолго. Не успел заслужить медалей и орденов. Он погиб 15 сентября 1942 года. Погиб, спасая своего товарища у горящего танка. Товарищ его остался жив (фамилию его не знаю).

Тот приезжал потом к его родителям и рассказал о том, как он погиб во время Торопецко-Холмской операции на Ржевско-Вяземском плацдарме.

Готовя этот материал, я очень заинтересовалась историей битвы под Ржевом в 1941-1943 гг. Оказывается, это самая кровопролитная битва за всю историю человечества. И самая замалчиваемая историками.

В советское время по идеологическим причинам на ее объективное освещение было наложено табу. Объем информации о том, что там

происходило, увеличивался постепенно и строго отслеживался. Освещались только положительные результаты.

Под Ржевом стояли 2/3 дивизий немецкой армии «Центр» для наступления на Москву. Потери советских войск под Ржевом составили более 2-х миллионов человек, вдвое превысив потери в Сталинградской битве. От 40 тысяч населения города осталось всего 248 человек. После ожесточенной 15-месячной битвы Ржев так и не был взят. Немцы отошли на заранее подготовленные позиции.

Больше всего меня поразили воспоминания о битве под Ржевом немецкого генерала, командующего 6-й немецкой пехотной дивизией Хорста Гросмана: «Потери ужасны. Русская пехота атакует густыми толпами (по 500, 1000 и более человек). Это дикое месиво. Они орут свое дикое «Ура» и уничтожаются хорошо организованным минометным огнем». И еще: «Все пространство побоища представляло собой страшную картину смерти и разрушения. Это был изрытый воронками «кратерный» пейзаж. А по воронкам и между ними по разрушенным танками и взрывами окопам и блиндажам, валялись тысячи тел погибших бойцов. Большинство из них было разорвано взрывами и раздавлено гусеницами». Ужаснее картины представить нельзя».

Сжимается сердце у каждого человека, когда осознаешь, какой ценой далась нам мирная жизнь. Эти совсем юные, порой безусые молодые мальчишки, грудью стали на ее защиту. И вот в это месиво попали мой дядя и его товарищи.

В его письмах упоминаются:

Русских Владимир Иванович. Сержант. 1923 г.р. Село Б-Тихвина. Призван в 1941 г. Погиб 10 октября. Похоронен: г. Ржев Калининской области.

Гольцов Василий Иванович. Младший сержант. Деревня М-Тихвина. Призван в январе 1942 г. Погиб 27 сентября 1942 г. Похоронен: г. Ржев Калининской области.

Дударев Тимофей Евдокимович. Село Б-Тихвина. Призван в 1941 г. Погиб в 1942 г.

Худяков Ассон Гурьянович. Младший сержант. Погиб 15 августа 1942 г. Похоронен: д. Коровино, Ржевский район, Калининская область.

Фоминых Василий Николаевич. Рядовой. г. Ялуторовск. Призван в 1942 г. Погиб в 1944 г.

Саламов Абаз Ахаймидович. 1908 г. Рядовой. д. Кулики. Призван в 1941 г. Умер от ран.

Данные об их гибели я нашла в книге «Память».

А какая вера была у них в Победу! Вот строки одного из последних писем дяди Кости, которые он написал отцу и сестре Зое: «...Папа, я подал заявление в кандидаты партии, так как в бой желаю пойти коммунистом и оправдаю пе-

ред Родиной звание коммуниста. Не пожалею и своей жизни. Изо дня в день ждем приказа о вступлении в бой».

А дома его ждала любимая девушка Полина Ополева. После того, как пришла на него похоронка, она еще долго приходила к его родителям и помогала им.

Погиб он 15 сентября 1942 года. Похоронен в братской могиле на Смоленском кладбище г. Ржева.

Мой отец Василий Дмитриевич Рязанов обратился к руководителю поискового отряда «Поиск» Вере Николаевне

Усовой с просьбой узнать о точном месте захоронения его брата. Ребята связались с военным комиссаром г. Ржева В.Н. Берлинным, нашли место захоронения и привезли капсулу с землей с братской могилы. Эта капсула была передана отцом в музей школы д. Криволукская Ялуторовского района, где учился его брат.

На родине в д. Криволукская и на мемориальном комплексе павшим в годы Великой Отечественной войны высечено имя - Рязанов Константин Дмитриевич, 1923-1942 гг.

Его фотография и все оригиналы писем в мае 2003 года переданы начальнику 4-го отделения военного комиссариата г.Ржева Сергею Николаевичу Берлину.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 марта 1978 года г. Ржев за мужество и героизм награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

За мужество, стойкость и массовый героизм в борьбе за свободу и независимость 8 октября 2007 года г. Ржеву присвоено звание «Город воинской Славы».

В наше время к теме Ржевской операции обратились известные поэты и прозаики.

Стихотворение А.Т.Твардовского «Я убит подо Ржевом» сразу после войны получило большую известность.

М.Ножкин написал песню «Подо Ржевом». Участник войны, писатель В.П.Астафьев - роман «Прокляты и убиты».

Большинству из тех, кто вернулся с полей сражений, дожил до сегодняшних дней, уже под 90 лет. А многие так и остались в памяти 18-19 летними юнцами, мальчишками.

«Под Ржевом от крови трава на века
порыжела,
Под Ржевом поныне шальные
поют соловьи.
О том, как под Ржевом, под маленьким
городом Ржевом
великие, долгие, тяжкие были бои...»

М.Ножкин.

Елена СТРЕЛЬЦОВА
(г. Балашиха)

Дедушка очень мало говорил о войне

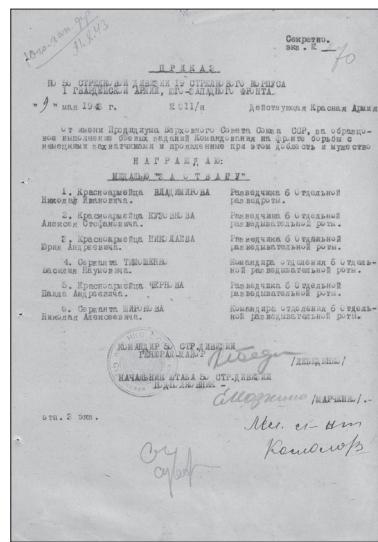
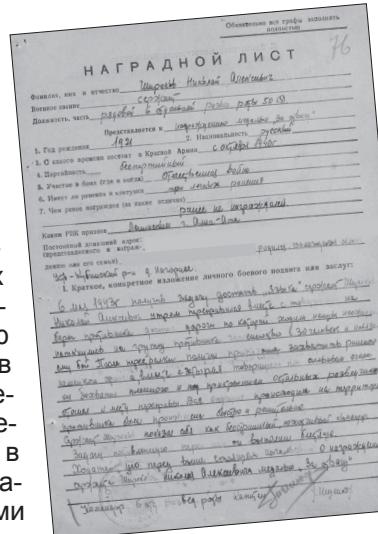
Мне хочется отдать дань памяти и уважения своему деду Николаю Алексеевичу Широкову.

Он очень любил меня и всегда защищал, когда бабушка сердилась на меня, за мои детские шалости! Я снова мысленно становлюсь той маленькой девочкой, которая еще не понимала, что живет рядом с героям Великой Отечественной войны. И я жалею сейчас, что так мало узнала, так не настойчиво расспрашивала его о тех страшных годах...

Дедушка очень мало рассказывал о войне...

То малое, что я услышала от него, осталось со мной навсегда! Много «языков» он взял с отделением своих разведчиков, добывал ценную информацию в тылу врага, несколько раз переплыval Днепр в ходе захвата нашими войсками плацдарма южнее Запорожья.

У него были и недолгий плен, и побег из него, и «фильтр» Смерша, и снова фронт. И свой долг перед Родиной он выполнил сполна. Воевал до своего самого страшного ранения 5 ноября 1943 года, из-за которого чуть не потерял ногу (удалили коленный сустав), стал инвалидом Великой Отечественной войны. За свой солдатский подвиг он получил орден Красной Звезды, орден Великой Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За

боевые заслуги»...

Помню, что все его тело было в маленьких и больших шрамах. Плечо, пропорченное навылет (шрамы с двух сторон в районе ключицы и спины), маленькие осколки под кожей, которые я, будучи совсем маленькой, с трепетом и благоговением нашупывала своими пальчиками. Такие осколки часто даже не удаляли после боя – с легкими ранениями в тыл не отправляли! Перевязки в медсанбате, антисептики, спирт в качестве наркоза и все...

Помню, как не любил он немцев и не мог спокойно слышать немецкую речь, видеть дружеские поцелуи Брежнева с Хонеккером! Я убеждала его, что это уже «хорошие немцы», «наши, социалистические», на что он мне отвечал: «Не верь, внучка, немцам! Это временно все! Они еще покажут себя. Победы нашей

они нам никогда не простят и захотят когда-нибудь взять реванш!».

А ведь прав ты был, дед, ох как прав...

Его давно уже нет с нами, недолгим был его жизненный путь. А я помню его и очень уважаю за солдатское мужество, за то, что, смахивая наворачивающуюся скучую слезу за чаркой водки, пил молча и слушал свою любимую песню «Враги сожгли родную хату», которую исполнял Марк Бернес.

Я очень хочу, чтобы дети мои и внуки мои тоже помнили его. И так же, как я, приходя на его могилу в майские дни, зажигали поминальную свечи, наливали маленькую чарочку и потихоньку включали его любимую песню...

За Победу!

За наших воинов-освободителей!

За нашу непобедимую Родину!

От редакции: это письмо Елена написала по просьбе своего отца, Юрия Ивановича Спицина. Николай Алексеевич Широков – его отчим, родился в г. Алма-Ата, призывался из Вологды, находился на излечении в Ялуторовске, где и встретил свою суженую, Антонину Сергеевну Анисимову.

К 175-летию С.И. Мамонтова

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
председатель правления Благотворительного
фонда содействия культуре им. С.И.Мамонтова

В Ялуторовске появился Мамонтовский фонд

20 августа в конференц-зале администрации г. Ялуторовска состоялось общее собрание учредителей Благотворительного фонда содействия культуре им. С.И. Мамонтова. Инициативную группу составили руководители учреждений культуры и заслуженные ветераны отрасли. Принято единогласное решение об учреждении общественной организации, принят ее устав, избраны руководящие и контрольные органы.

В правление Фонда вошли: директор ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» Павел Белоглазов (председатель), директор МАУК «Артвояж» Людмила Берендеева, директор МАУК «Централизованная библиотечная система г. Ялуторовска» Ирина Звиададзе. В попечительский совет общества избраны почетные граждане г. Ялуторовска Любовь Могутова (председатель), скульптор Владимир Шарапов, а также основатель художественного образования в городе художник Ольга Шарапова. Ревизором общества утверждена Клара Джаббарова.

Решение культурной общественности о создании Благотворительного фонда поддержал Глава города Вячеслав Смелик. В приветственном слове он отметил важность систематической и целеустремленной работы по сохранению и приумножению наследия нашего выдающегося земляка, крупнейшего российского предпринимателя и мецената, которому в

2016 году исполнится 175 лет. Одна из главных задач новой общественной организации – содействие в реставрации и музеефикации дома Мамонтовых (ул. Первомайская, 60).

Правление Фонда намерено направить официальные приглашения о совместной деятельности потомкам С.И. Мамонтова, Институту российской истории РАН, общественным организациям «Деловая Россия», «Опора России», Тюменскому региональному отделению Союза журналистов РФ, ГТРК «Регион-Тюмень», Фонду «Возрождение Тобольска», Тюменскому драматическому театру, Тюменскому институту культуры, федеральным музеям-заповедникам «Абрамцево», «Поленово», Совету предпринимателей г. Ялуторовска и другим структурам.

Принята программа деятельности Фонда на 2016 год, которая включает в себя: празднование 175-летия со дня рождения С.И. Мамонтова, открытие выставки «Жизнь коротка – искусство вечно!» (из фондов музея-заповедника «Абрамцево» и ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс») в Тюменской областной Думе, участие в подготовке и проведении мероприятий XXII фестиваля народного творчества им. С.И. Мамонтова, XI Международной акции «Ночь музеев», XXVII областного историко-культурного фестиваля «Декабристские вечера» и другие мероприятия.

Признано целесообразным учредить номинацию «Меценат года» и приурочить ее ко Дню города, а также именную стипендию им. С.И. Мамонтова для учащихся и студентов средних и высших учебных заведений России.

Главным мероприятием праздничных торжеств, посвященных 175-летию со дня рождения С.И. Мамонтова в октябре-ноябре 2016 года, станет научно-практическая конференция «Наследие промышленника и мецената С.И. Мамонтова – пример сегодняшнему поколению предпринимателей».

План работы Мамонтовского фонда

2015 год

Подготовка учредительных документов, эскизов печати, эмблемы Фонда (ответственный – П.К. Белоглазов) – июль, август.

Проведение учредительного собрания (отв.

– Губачева О.А.) – сентябрь.

Направление официальных приглашений потомкам С.И. Мамонтова, Институту российской истории РАН, общественным организациям «Деловая Россия», «Опора России»,

Тюменскому региональному отделению Союза журналистов РФ, ГТРК «Регион-Тюмень», Фонду «Возрождение Тобольска», Тюменскому драматическому театру, Тюменскому институту культуры, федеральным музеям-заповедникам «Абрамцево», «Поленово», Совету предпринимателей г. Ялуторовска стать участниками Фонда (отв.- Глава города, Председатель правления Фонда) – сентябрь.

Регистрация Фонда в органах Минюста (отв. – Председатель правления) – до конца года.

Регистрация юридического лица в налоговых органах (отв. – Председатель правления) – до конца года.

2016 год

Разработка программы празднования 175-летия со дня рождения С.И. Мамонтова (Председатель правления) – январь.

Открытие выставки «Жизнь коротка – искусство вечно!» из фондов музея-заповедника «Абрамцево» и ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» в Тюменской областной Думе (Председатель правления) – январь-февраль.

Участие в подготовке и проведении мероприятий XXII фестиваля народного творчества

им. С.И. Мамонтова (Председатель правления, участники Фонда) – март-апрель.

Участие в XI Международной акции «Ночь музеев», посвященной 175-летию со дня рождения С.И. Мамонтова (Председатель правления, директор музея) – май.

Учреждение номинации «Меценат года» в рамках праздничных торжеств, посвященных Дню города (Глава города) – июнь.

Учреждение именной стипендии им. С.И. Мамонтова для учащихся и студентов средних и высших учебных заведений России (Глава города) – август.

Организация праздничных мероприятий, посвященных 175-летию со дня рождения С.И. Мамонтова, с проведением научно-практической конференции «Наследие промышленника и мецената С.И. Мамонтова – пример современному поколению предпринимателей» (Глава города, Председатель правления) – октябрь-ноябрь.

Участие в подготовке и проведении мероприятий XXVII областного историко-культурного фестиваля «Декабристские вечера» под общим брендом «Семья Мамонтовых и декабристы» (Председатель правления) – декабрь.

Встречая юбилей

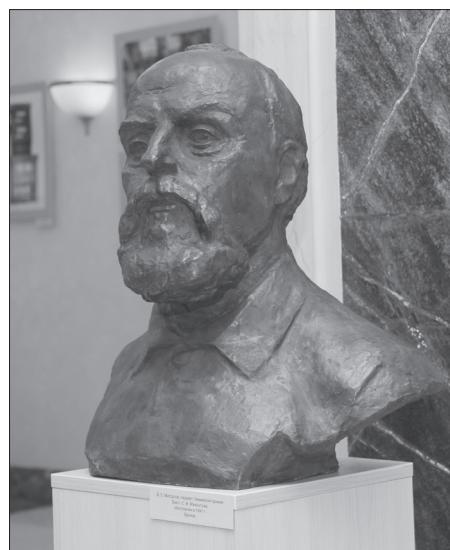
Культурное сообщество приближается к значимой дате в отечественной истории. 15 октября 2016 года исполняется 175 лет со дня рождения крупного российского предпринимателя и мецената С.И. Мамонтова. Провинциальный Ялуторовск дал дорогу в большую жизнь славному представителю купеческого сословия, имя которого стало нарицательным в мире искусства.

О выдающихся заслугах перед Отечеством Саввы Великолепного (так его называли современники) мы говорим, когда вспоминаем Васнецовых, Врубеля, Левитана, Нестерова, Поленова, Репина, Шаляпина и других корифеев русской и мировой культуры Серебряного века, чей талант раскрылся в подмосковном имении Мамонтовых «Абрамцево», неофициальном Центре русской культуры. Имя нашего земляка связывают также с основанием первой русской частной оперы, строительством железных дорог от Сергиева Посада до Ярославля, а потом - до Архангельска, постройкой Донецкой железной дороги, давшей надежное сообщение между Донецким угольным бассейном и портом Мариуполь на Азовском море.

Ялуторовск много сделал для увековечения памяти С.И. Мамонтова на его родине. Благо-

даря исследовательской работе научных сотрудников музея в архивах обнаружен уникальный исторический документ – свидетельство о рождении и крещении маленького Саввы в градо-Ялуторовской Вознесенской церкви, установлен дом Мамонтовых в Ялуторовске на улице Вознесенской (ныне Первомайской). Получены свидетельства о том, что его отец, Иван Федорович, шадринский купец, хоть и нажил свое состояние на винных откупах, был человеком передовых взглядов и привечал ссыльных декабристов в своем доме. Глава семейства был одним из учредителей торгового дома «И.Я. Чурсин и компания», интересы которого простирались от Москвы и Одессы на западе, Амура и Приморья – на востоке. Через его обширные связи ялуторовская колония декабристов поддерживала контакты с родными и друзьями, минуя царскую цензуру.

Большим событием в культурной жизни России стало празднование в Москве 150-летия со дня рождения

С.И.Мамонтова. Специально к этой знаменательной дате на челябинском часовом заводе изготовлено две карманных часов «Молния» с памятной надписью. Их получили в дар все участники юбилейных мероприятий, в том числе члены ялуторовской делегации (сегод-

Музейная выставка в Тюменском драмтеатре. 2014 г.

ня два примечательных сувенира, переданных участниками той памятной встречи, хранятся в фондах Ялуторовского музеяного комплекса).

Делегация Тюменской области в составе начальника областного управления культуры А.В. Мальцева, заместителя ялуторовского градоначальника А.А. Калинина, руководителя управления культуры Л.С. Могутовой, начальника СУ-22 В.Е. Филиппова, директора комбината хлебопродуктов А.В. Федоровских встретилась с потомками нашего земляка и пригласила их в Ялуторовск.

15 ноября 1991 года город встречал правнуков С.И. Мамонтова – генерального директора научно-производственного объединения тракторостроения Николая Александровича Щельцына и доктора экономических наук Всеволода Олеговича Волкова.

Потомки привезли в Ялуторовск бюст С.И. Мамонтова, работы московского скульптора В.Е. Матросова, который был приобретен на средства, выделенные коллективом Ялуторовского горпищекомбината (директор П.Н. Юргинов), передали в дар музею оттиск на сургуче личной печати С.И. Мамонтова.

Весной 1992 года в Ялуторовске прошел областной конкурс юных пианистов имени С.И. Мамонтова, положивший начало «мамонтовским праздникам» и ежегодному фестивалю. Для многих его участников народное творчество стало смыслом жизни, первой ступенькой к вершине профессионального мастерства. Фестиваль помог определиться с выбором профессии участникам танцевального конкурса Т.Афонасьевой, А.Хребтову, А.Ладыгину, И.Чередниковой, А.Кайгородцевой, Н.Юдиной, Г.Кожевниковой, О.Колову, Ю.Красновой, Т.Смирнягиной, О.Малеванник. Музыкальное образование получили Ю.Чернышева, Н.Гогуадзе, А.Караханян, Р.Салдин, В.Кузнецов, В.Азанов, Е.Николаева, Н.Софейкова, Е.Кузнецова. За время существования фестиваля более 120 способных учеников художественной школы получили средне-специальное и высшее профессиональное образование. Двое из них – Евгений Мелентьев и Алексей Гришин стали членами Союза дизайнеров России. Виталий

Латышев ныне преподаёт в Нефтегазовом университете на кафедре дизайна. Ольга Нохрина отлично защитила диплом художника-архитектора на французском языке международного образца, трудится архитектором в Марокко.

В профессиональном цирке выступает гимнастка Юлия Чеглакова. На центральном телеканале ОРТ мы часто видим репортажи нашего земляка журналиста Алексея Зотова, тоже участника литературного конкурса фестиваля. Самобытная продукция народных умельцев Татьяны Тарасовой и Валентины Блиновой вошла в список «100 лучших товаров России».

В этом же блестательном ряду – уверененные победы юной циркачки Марины Кремлевой на «Евровидении» в Женеве и самодеятельной поэтессы Маргариты Чекуновой – в конкурсе юных дарований имени академика Дмитрия Лихачева.

В 1998 году в сквере возле детской музыкальной школы установлен памятник великому уроженцу земли Ялуторовской (скульптор – член Союза художников РФ, почетный гражданин г. Ялуторовска В.Н. Шарапов), удивительно схожий, по мнению потомков, с оригиналом. Тогда он считался первым в стране. Через год памятник С.И. Мамонтову появится в Сергиевом Посаде, а еще через десять лет, в день 140-летия Северной железной дороги, на привокзальной площади Ярославля.

Родина Саввы Ивановича стала частичкой жизни его потомков. Николай Александрович Щельцын еще не раз побывал в Ялуторовске. Он принимал участие в праздновании 160-летия и 165-летия со дня рождения С.И. Мамонтова. В 2008 году в Ялуторовск приезжали доктор геолого-минералогических наук, профессор Московского инженерно-строительного института, бакалавр православия Сергей Николаевич Чернышев с внуком Серафимом, студентом медицинской академии, а также Сергей Саввич Мамонтов (г. Буэнос-Айрес, Аргентина), предприниматель, занимающийся оптовыми поставками вин из Латинской Америки. В 2011 году участником праздничных торжеств, посвященных 170-летию со дня рождения С.И. Мамонтова в Ялуторовске, стал праправнук Николай Сергеевич Чернышев, архитектор (г. Москва).

Приближаясь к 175-летию со дня рождения С.И. Мамонтова, городское сообщество должно осуществить еще ряд шагов по дальнейшему увековечению памяти С.И. Мамонтова. Один из самых важных – создание благотворительного Фонда имени С.И. Мамонтова. Главная его задача – поддержка культурных инициатив, выявление и поддержка талантов, укрепление связей с потомками С.И. Мамонтова в России и за рубежом. Настала пора вернуть в культурное пространство дом Мамонтовых.

Лики эпохи

Леонид БОЛЬШАКОВ
(г. Оренбург)

Тарас Шевченко и портрет дочери декабриста Пущина (фрагмент книги «Все он извёдал...» о Тарасе Шевченко)

День за днём

Что о новой знакомой есть в дневнике дальше? Запись о первой встрече датирована 31-м октября. Состоялась встреча вечером. А на следующий день (именно день, а не вечер) Тарас Григорьевич «рисовал портрет М. А. Дороховой». Так значится в самом начале первой записи ноября. Продолжаем чтение. «4 (ноября). Кончил сегодня портреты М. А. Дороховой и ее воспитанницы Нины, побочной дочери Пущина, одного из декабристов...» Дорохова - и Пущин? В доме - дочь декабриста? И «воспитанница» - значит, живущая постоянно? «Удивительно милое и резвое создание...» Это тоже о Нине. Он любуется ею уже не первый день: 1-го ноября о портрете не упоминалось, тут же - «кончил»; значит, был в доме и в промежуток между первым и четвертым. Сколько он думал-передумал, делая портреты Дороховой и ее воспитанницы! И то неожиданное, что мы читаем дальше, - только один из поворотов его взбудораженной, растревоженной мысли: «...Мне как-то грустно делается, когда я смотрю на побочных детей. Я никому, и тем более заступнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, так тут связывающей этих бедных побочных детей. Простительно какому-нибудь забубеному гусару, потому что он только гусар, но никак не человек. Или какому-нибудь помещику-собачнику, потому что он собачник и только. Но декабристу, понесшему свой крест в пустынную Сибирь во имя человеческой свободы, подобная независимость непростительна. Если он не мог стать выше обычного человека, то не должен и унижать себя перед обычным человеком». Здесь многое: и благоговейное отношение к декабристам, и особая требовательность к ним, как людям необычным, и сближение Нины с теми Ивасями и Катрусями – детьми несчастных, брошенных матерей-крестьянок, доле которых посвятил он немало строк горючих в стихах и поэмах... Мысли о Дороховой и Нине, декабристах и Пущине не покидают Шевченко ни на день. 6 ноября он заходит в дом к своим знакомым Якоби и здесь, беседуя с хозяевами (особенно с говорливыми старушками-хозяйками), прежде всего впитывает в себя сведения об Анненкове и Ивашеве, их женах-героинях, последовавших за мужьями в Сибирь и, конечно, о Пущине и Нине. «По поводу портрета М. А. Дороховой и ее воспитанницы Ниночки, которые я на днях рисовал, старушки сообщили мне, что мать Ниночки простая якут-

ка и теперь жива в Ялуторовске, а что отец ее, г. Пущин, служит где-то на видном месте в Москве и что он женился на богатой вдове, некоей madame Коцебу, собственно для того, чтобы достойно и прилично воспитать свою Ниночку. Отвратительный отец».

(Что, интересно, пишут на сей счет комментаторы шевченковских изданий? И. Я. Азен шток: «И. И. Пущин никаких «видных мест» не занимал, женился в 1857 году на вдове декабриста М. А. Фонвизина Наталье Дмитриевне». Ю. А. Ивакин: «На самом деле Пущин женился не «на богатой вдове», а на вдове своего товарища декабриста Фонвизина. Не служил он и «на видном месте в Москве», там ему было запрещено жить»). Комментаторы осторожно подводят к мысли: «Отвратительный отец» в устах Шевченко - оценка неоправданная. Но ведь это и не его оценка. «Старушки сообщили мне, что...» В дневник занесен их рассказ, и осуждение Пущина - тоже от них. ...»⁸ (ноябрь)... Между прочими гостями в гостиной (у Веймарна.- Л. Б.) встретил я И. А. Анненкова, и в продолжение вечера я не расставался с ним». Долгий разговор с декабристом мог касаться и Пущина, его дочери, Дороховой. В течение почти полутора месяцев имя Дороховой в дневнике не упоминается. Это, однако, не означает, что их общение прервалось. И в запись от 20 декабря она снова входит на правах давней и доброй знакомой, виденной не вчера, так позавчера, или третьего дня: «Я... хотел уйти (с репетиции благотворительного спектакля, основу которого составляли «живые картины».- Л. Б.), но меня остановила Марья Александровна Дорохова и просила поставить и осветить ее Ниночку. Ниночка, не красавица, явилась в картине очаровательно...» А на следующий день: «Спектакль... сошел хорошо... Ниночка Пущина была очаровательна». Снова перерыв. Но и этот - только в записях. ...»¹¹ (января). Сегодня суббота. По субботам я и милейшая К. Б. Пиунова обедаем у М. А. Дороховой. Но сегодня я должен отказаться от этой радости, и моя милая компаньонка отправилась сам-друг с портретом М. С. Щепкина, присланным им в подарок Марье Александровне...» Шевченко полюбил Пиунову. Он строит планы женитьбы, он мечтает о семейном счастье. И вновь прибегает к помощи той же Дороховой. ...»³¹ (января). Я совершенно не гожусь для роли любовника. Она вероятно приняла меня за помешанного или просто за пьяного и вдобавок за мерзавца.

Как растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье, и что не пошлый театральный любовник, а искренний, глубоко сердечный ее друг. Сам я ей этого не умею рассказать. Обращусь к моему другу М. А. Дороховой. Если и она не вразумит ее, тогда я самый смешной и несчастный жених». Но нет, Пиунова не намерена связывать жизнь свою с ним, Шевченко. ...»3 (февраля). Ниночка Пущина именинница. Вчера я уведомил Пиунову об этом с намерением увидеться и поговорить с нею, но политика мне не далась. Возлюбленная моя явилась, поздравила именинницу и через полчаса уехала...» А вот запись от 6 февраля. Приведу ее частично, хотя Дороховой она посвящена целиком. ...»После... репетиции зашел к Марье Александровне. Встретил у нее старого моего знакомого, некоего г. Шумахера. Он недавно возвратился из-за границы и привез с собою 4 № «Колокола». Я в первый раз сегодня увидел газету и с благоговением облобызal». За четыре с лишним месяца перед этим он сравнивал Дорохову с изображением свободы, затем узнал, что ее воспитанница Нина - дочь декабриста Пущина, и вот в этом же доме встречает поэта-сатирика Петра Васильевича Шумахера, принесшего с собой еще не выданный им «Колокол». ...О Дороховой Шевченко вспоминает по равным поводам. «19 (февраля)... Великое это начало... (работа губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян.- Л. Б.) открыто речью военного губернатора А. Н. Муравьева, речью не пошлою, официально, а одушевленною, христианскою, свободною речью. Но банда свое-корыстных помещиков не отозвалася ни одним звуком на человеческое святое слово. Лакеи! Будет ли напечатана эта речь? Попрошу М. А. Дорохову, не может ли она достать копию», 20 (февраля). Один экземпляр моего нерукотворенного образа подарил М. А. Дороховой, он ей не понравился, выражение находит слишком жестким. Просил достать копию речи Муравьева, обещала...» Наконец подошел день отъезда. Накануне - 7-го марта - Шевченко записал: «От часу пополудни до часу пополуночи прощался с моими нижегородскими друзьями. Заключил расставание у М. А. Дороховой...» Ну, а в Петербурге, сразу по приезде: «Заказал фотографический портрет в шапке и тулупе для М. А. Дороховой...» /.../.

Вот и все, что касается переписки. В томе, где собрано живописное наследие Шевченко 1857-1861 годов, портреты Марии Александровны Дороховой и Нины Пущиной значатся, но... в перечне ненайденных. В сборниках воспоминаний современников - и московском, и киевском - как Дорохова, так и ее воспитанница не упоминаются. Биографии Шевченко, даже академическая, сведений не добавляют. Почти ничего нет о ней в другой шевчен-коведческой литературе. Остается еще раз заглянуть в комментарии ко всем названным томам. Наиболее «обширные» сведения о Дороховой - у И. Я. Айзенштока: «М. А. Дорохова была начальницей Нижегородского института благородных девиц

в 1856- 1864 гг. После смерти единственной дочери взяла на воспитание дочь декабриста И. И. Пущина Аннушку...» О Нине - Анне - чуть далее, и только две даты 1842-1863. В других, киевских, изданиях из дополнительных сведений есть указания на «границы» жизни самой Дороховой: 1811-1867. К тому, что ясно из дневника, добавлены лишь эти цифры - год рождения и год смерти... А если мне она, Дорохова, представляется фигурой значительной? Если с ней в моем представлении уже связаны Пущин, Герцен, Шевченко?

Откровения «Пашковского дома»

Через час по приезде в Москву я уже сворачивал с проспекта Маркса на улицу Фрунзе, держа путь к «Пашковскому дому» - творению знаменитого Баженова. Дому, которому история определила вдвойне прекрасную жизнь: и как великолепного памятника архитектуры, и как первоосновы Румянцевского музея, Публичной библиотеки и рукописного при ней отделения. Отделение с годами превратилось в колоссальный, богатейший архив поистине мирового значения. Перед читальным залом - ряды каталогов.

Пальцы привычно перебирают алфавит карточек, мелькают фамилии, имена, отчества, ссылки на фонды. Дорохова (урожденная Плещеева), М. А.! Письмо к Жуковскому, Василию Андреевичу... Она самая? Совпадение? Дорохова Мария Александровна! Письмо - нет, целая подборка писем - к декабристу Батенькову... Снова Дорохова, и инициалы те же... Письма к Фонвизиной, вдове декабриста... Пущину Ивану Ивановичу! Уж тут сомнений нет. Дорохова - Нина - Пущин... Час-другой, и я узнаю многое. Выписывают требования. Волнуюсь и жду. Письмо к Жуковскому, на французском языке (Ф. 99.- Оп. 4.- Д. 35), дошло к нам из давних, еще тридцатых, годов. Звучит в нем дочерняя нежность и говорит оно о дружбе - глубокой и искренней. За пределы занимающих меня лет этот факт выходит. Но могу ли я сбросить его со счетов? Ведь гласит же народная мудрость: «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты»...

Друзей у Дороховой было много. «Всегда люблю и буду любить вас по-прежнему...» Это уже из письма к Батенькову - не датированного и при обработке помеченного 1853-м. (Здесь и далее, до следующей оговорки, рассматриваются материалы фонда Г. С. Батенькова; письма Дороховой - в коробе 11, деле 15). Я скоро буду принадлежать вам совершенно, мои друзья....» То же письмо, только несколькими строками ниже. Один из видных членов Северного общества, Гавриил Степанович Батеньков к движению декабристов примкнул только в год восстания, и тем не менее среди пятысот арестованных, именно он - после пяти казненных - понес наиболее тяжкую кару: двадцатилетнее одиночное заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Лишь в 1846-м его отправили на поселение в Томск; в течение десяти лет, до амнистии декабристов, Батеньков жил в семье коренных томичей Лучшевых.

Туда, в Томск, и писала Дорохова. Да ведь и сама она находилась тогда в Сибири!

«Я нашла, что Иван Иванович Пущин помолодел...» Это письмо датировано: 1854, 10 сентября. Отправлено оно из Ялуторовска - городка, в течение долгих лет служившего местом ссылки многих декабристов. А о ком дальше?

«Когда я вижу кого-нибудь из его товарищей, мне кажется, что я не совсем его потеряла, и что я вижу частицу его самого...». Неподдельная грусть в признании женщины. Кого она потеряла? Дорохова лишилась дочери; я читал об этом в одном из комментариев к дневнику Шевченко, и даже имел случай упомянуть. Но тут «его товарищей», «его потеряла», «частицу его самого»... Внесут ли ясность письма последующие? Того же, пятьдесят четвертого, но уже из Москвы: «Грустна была моя встреча с матушкой моего покойного друга! Вообразите, что это бедное старое дитя, при первом слове, начала делать выговоры Петру Александровичу, говоря, что он погубил ее, что она от него только плакала всю жизнь и так далее; слышать упреки тому, кого я считаю святым, тому, которому никто не мог упрекнуть ни в чем, слышать это от его матери было для меня убийственно...» Она любила декабриста. «Петр Александрович» и после смерти оставался для нее святым, безупречным.

Петр Александрович... Умерший в конце 1853-го или в 1854-м... Достаточно было посмотреть «Алфавит декабристов», чтобы убедиться: лицо это - П. А. Муханов, член Союза Благоденствия и участник собраний членов Тайного общества в Москве после 14 декабря; умер он 12 февраля 1854 года в Иркутске. 1855-й. Дорохова уже в Нижнем Новгороде. «Мы живем пока (речь идет о Нижегородском институте благородных девиц.- Л. Б.) очень тесно, ...и жалованье мое гораздо менее, чем было в Иркутске...» (Иркутске! Вот где она жила и служила!) Но женщина не сетует: «Благословляю небо, что не оставило меня на дороге Сибири...» И в том же письме: «Никто не проедет мимо меня из вас, чтобы я не обошла и не расцеловала сто раз, и я все не теряю надежды... и я не умру, не прижав вас к любящему моему сердцу...» Читая письмо, чувствуешь: ее томит одиночество, и только в делах находит она забвенье. 1856-й. Дорохова радуется - она теперь не одна. «Бог меня наградил общим милым ребенком... Пусть он наградит доброго Ивана Ивановича за добро, которое он мне сделал, уступив мне свое сокровище!» Но и в новых заботах не оставляет ее мысль о друзьях в суровом краю ссылки: «Это письмо вы получите от молодых людей, которые едут из Кавказа в Сибирь... один из них (постарше) мой старый знакомый... Я хотела доставить им счастье познакомиться с вами». Она ждет возвращения декабристов: «Как я буду тогда счастлива, увидя всех моих чудных и святых друзей...» А несколько месяцев погодя, в том же пятьдесят шестом, Дорохова откровенно ликует: «Ура! Ура! Ура!.., наконец-то мы увидимся, вы приезжайте прямо ко мне, моя

душа, мой чудный Гаврила Степанович!..» Уже в ноябре - продолжался 1856-й - в доме Марии Александровны начались дорогие ей встречи. «4 числа проводила я Пущина в Питер,- писала она 8 декабря

Батенькову.- Он оставил у меня своего Ваню (сына Пущина и ялуторовской жительницы-бурятки, тогда семилетний.- Л. Б.), потому что, как кажется, боялся его везти к родным...»

Встречи продолжались, за ними следовали разлуки. 1857, 1 мая: «Свистуновы уехали в Калугу, Оболенский тоже... У Зины Свербеевой родился сын Сережа, она будет жить у нас...»

Свистуновы - Петр Николаевич, член Северного и Южного обществ, и его жена сибирячка Татьяна Александровна. Оболенский - Евгений Петрович, член Союза Благоденствия и Северного общества. Свербеева - Зинаида Сергеевна, дочь декабриста С. П. Трубецкого, одного из вождей Северного общества, назначенного диктатором восстания. Самую живую связь поддерживала Мария Александровна с дочерьми декабриста Ивашева. Они писали ей, они бывали в Нижнем. Впоследствии сестры - и особенно Мария - заняли видное место в общественной жизни России. Во второй половине пятидесятых годов стал широко известен кружок Марии Васильевны Трубниковой - выдающейся деятельницы женского освободительного движения. Он начал свою деятельность с образования летом 1859 года «Общества дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям С. Петербурга», которое уже через год насчитывало 300 членов. При обществе была открыта швейная мастерская; позже, купив дом в Измайловском полку, устроили там и мастерскую, и общую кухню, и детский сад, и школу. Дочь Ивашева близко стояла к братьям Серно-Соловьевичам, а через них - к Чернышевскому. Кто только не побывал у Дороховой - в доме, который спустя какое-то время стал родным и для Тараса Шевченко. Он был уже в Нижнем, когда Мария Александровна писала тому же Батенькову: «Вы все еще меня любите и даже считаете меня сестрой, если бы вы знали, как горжусь я таким названием...»

... Если судить по дневнику, больше к истории Нины и Пущина поэт не возвращался. На самом же деле, заинтересовавшись ею однажды, не выяснить все досконально он не мог. Да и возможностей для выяснения становилось больше: в доме Дороховой Шевченко был уже «своим человеком» и говорили тут обо всем, в том числе о сокровенном. Сомнений нет: он все узнал и все понял. То, что поначалу было расценено им как безнравственность, на самом деле являлось высоким проявлением нравственной силы. Пущин меньше всего думал о себе. Его заботила судьба дочери, его волновало одиночество Дороховой - это, а не что другое, руководило человеком, который за тридцать с лишним лет до того понес, по словам Шевченко, «свой крест в пустынную Сибирь во имя человеческой свободы». ...Я думаю об этом, еще только начав второй свой день в Рукописном отделе

главной библиотеки страны. День, который мне обещает новые встречи... Событие известно. А толкования - различны. Снять ошибочное может только достоверное, неопровергимое свидетельство. Лучше всего ему, событию, современное... Из записи в дневнике я знаю, как был Шевченко взволнован, когда узнал, что Нина - воспитанница Дороховой - это побочная дочь Пущина. Что вызвало его досаду? Отказ отца от своего ребенка. Именно такие разговоры шли в Нижнем. И до боли обидно было Тарасу Григорьевичу за декабриста. Дорохова пишет Пущину (Ф. 243.- Оп. 1.- Д. 43). Из Нижнего Новгорода - в Ялуторовск. Большинство писем - за пятьдесят пятый. 18 июля. «Не нахожу слов, милый и дорогой друг мой..., чтобы выразить вам мою благодарность за подарок или лучше сказать благодеяние, которое вы мне делаете, доверяя мне Анюту; она никогда не может быть мою, как вы говорите, но всегда будет наша, вы отец ее и навеки останетесь отцом. Но, по милости вашей, я буду ее матерью...» «Вы мне даете жизнь, давая мне цель к жизни...» «Я жду ее с нетерпением, она будет жить со мною в одной комнате...» 25 ноября. «Вы мне даруете жизнь, даря мне дочь; я буду жить, я уже берегу себя...» «Моя Нина опять воскресла...» «Меня немного озадачила в письме строчка, где сказано что-то о тратах. Неужто брат должен платить сестре за ее же дочь?...» «Я не только буду учить Нину, но постараюсь из нее сделать и хозяйку, такую как была моя Нина, и рукоделию буду учить, а потом через годиков пять мы вместе отдадим ее замуж, я говорю вместе, потому что моя лучшая мечта жить в одном городе с любимым братом...» Каждое из писем года - и сентябрьское, и декабрьское - полно одним: мыслями о ней, дочери декабриста, о ее достойном воспитании, о цели к жизни, олицетворяющей Анютой-Ниной. Эту цель «даровал» Дороховой Пущин, друг ее друга. 10 декабря. «...9-ть лет моей сибирской жизни они благословленные, я жила под крылом небесного друга Петра Александровича, которого люблю и благословляю каждую минуту. Ему обязана всем хорошим, что во мне есть...» И «все хорошее», что было в Муханове, все, что узнала она в других благороднейших людях - декабристах, чем обогатилась рядом с ними сама - все это Мария Александровна мечтает отдать той, которую ждала весь 1855-й и дождалась где-то в начале следующего, пятьдесят шестого... Сколько дочери Пущина тогда было лет? Заглянула вновь в «Алфавит декабристов». Пущин, Иван Иванович... родился 4 мая 1798... член Союза Благоденствия и Северного общества... приговорен в каторжную работу вечно... срок сокращен до 15 лет... А вот и о его семье. «Был женат (с 1857) на вдове декабриста Наталье Дмитриевне Фонвизиной, рожденной Апухтиной... Имел двоих побочных детей: от бурятки - сына Ивана... и дочь Анну (р. в Ялуторовске 8.IX.1842), воспитывавшуюся у М. А. Дороховой, вышедшую 23.Х.1860, в Нижнем Новгороде, замуж за Анатолия Александровича Палибина...»

Дорохова стала ей матерью, когда девочке шел четырнадцатый... «Что сказать тебе, моя милая, наимилейшая Натали? Грустно! Грустно и тяжело. Но я начну с начала нашего пребывания в Питере...» Наталья Дмитриевна была из тех «декабристок», подвиг которых не забудется вовек. Связав в 1822-м свою судьбу с генерал-майором Фонвизином, человеком старше ее на семнадцать лет, она делила ее и тогда, когда муж, член Северного общества, оказался на каторжных работах в Нерчинских рудниках. В самом начале 1828-го, суворой зимой, Фонвизина отправилась в Сибирь, чтобы оставаться там с мужем в течение двадцати пяти лет, до 1853-го, когда им, наконец, разрешили вернуться. Она снесла все унижения, тяготы, лишения, выпавшие на долю жен декабристов. Ей довелось похоронить двух детей, в Сибири рожденных и там же умерших; ей не пришлось видеть более сыновей, оставленных на попечении родственников совсем маленькими. Но, пережив и такое, она не утратила своей высокой человечности, не растеряла тех замечательных душевных качеств, которыми обладала с юности. И потом, овдовев, Наталья Дмитриевна стала женой уставшего, больного, нуждавшегося в заботе Ивана Ивановича Пущина, незадолго перед тем из ссылки освобожденного. После смерти Пущина, в апреле 1859-го, письма Дороховой шли к ней. В одном из них, посланном из Нижнего 12 июня 1860 года, Мария Александровна звала Фонвизину «на свадьбу нашей девочки» и тут же добавляла: «иначе для нас будет праздник не полный». Обратившись к переписке Дороховой уже не с Иваном Ивановичем, а с Натальей Дмитриевной (Ф. Ф.В.- Оп. 1.- Д. 84), я, однако, выделил для себя письмо не это, упомянутое, а следующее - того же шестидесятого, того же июня, но - 23-го и уже из Петербурга. Итак, она в Петербурге. С Ниной и ее женихом. По делам, связанным с предстоящей свадьбой. «Что сказать тебе, моя милая, наимилейшая Натали?...» На душе женщины тревога, ее гложут заботы, она же находит силы подтрунивать над собою, над своей провинциальной неприспособленностью к железной дороге, к карете, над слабостями своими, явно выдающими волнение. Отдав дань юмору, шутке, Дорохова переходит на тон серьезный. И сразу же бросается в глаза имя знакомое, имя великое. Того, ради которого и пустился в этот новый поиск я. Шевченко! Чуть ли не тотчас по приезде в Петербург Мария Александровна, Нина Пущина и ее будущий муж «приехали в академию к Шевченко». Значит, знали, где он живет: получали письма (они неизвестны), писали ему (не попадались и эти) - в общем, были верны той дружбе, что возникла в 1857-1858 гг. на берегу Волги... К Шевченко в Академии поднялась Дорохова, но - «его не застала и написала ему записку». Только дружеский визит? Просто желание видеть? Нет, не только и не просто. «На другой день он явился и говорит, что нет никакой надежды продать портрет; можешь вообразить мое отчаяние...» Портрет?! Выходит, нижегородских гостей привело

сюда дело. И Шевченко знал, что они приедут. И предпринимал какие-то усилия, дабы встретить не с пустыми руками. И... ничего сделать не смог - не удалось. О каком портрете идет речь? А о нем и дальше.

«...Помолимся, моя родная, чтобы мой господь помог продать портрет, а то просто мочи нет как тяжело; бедный наш мальчик тоже огорчен, ему сказал брат, что их состояние совершенно расстроено; но что они все-таки выиграли какой-то процесс и что ему дадут часть; он страдает, что не может свою Нину окружить всем на свете; но ведь ты знаешь, что нашей девочке очень не много нужно...» Пишет озабоченная мать. Хлопоты... дела... А на первом плане - портрет. «Можешь вообразить мое отчаяние...» - это оттого, что он не продан. «Просто мочи нет как тяжело...» - опять о том же. «Помолимся... чтобы мой господь помог продать портрет...» До чего важно, до чего необходимо, если даже «помолимся»?! «Делай венчальное платье как знаешь, моя душа... Нина просит сделать поэкономнее, и если можно что-нибудь сэкономить, чтобы ты послала в Боснию... Я тоже поплакала об этих несчастных...» Среди множества предсвадебных забот - неожиданно, но как-то очень естественно и закономерно: не просто сочувствие, а желание помочь тем, кто борется за свободу. Вскользь, мимоходом... Однако нужны ли слова другие, чтобы убедить: она, Дорохова, вырастила не только невесту, но и человека. Ради ее счастья Мария Александровна была готова на все.

...Они пробыли в Петербурге до 8 июля и с Шевченко, наверняка, еще встречались. К 4-му июля портрет продать не удалось. В этом, очередном письме есть такая строчка: «...портрет еще у меня, последняя надежда на Строганова лопнула...» Что за портрет? Загадка...

От редакции: Несколько пояснений для тех, кто не знаком с книгой в полном объеме. Леонид Большаков, известный исследователь творческого наследия Тараса Шевченко, пишет об окружении поэта, друзьях, приобретенных в годы его изгнания. Декабристы, такие же, как и он, изгнанники, тоже оказались в сфере его повышенного внимания. Т.Г. Шевченко, находясь под секретным надзором полиции в Нижнем Новгороде, знакомится с директрисой Института благородных девиц М.А. Дороховой, а через нее - с побочной дочерью декабриста И.И. Пущина Анной, родившейся в Ялуторовске. М.А. Дорохова называет ее Ниной в память о своей покойной дочери. Как известуют страницы дневника поэта, 20 декабря 1857 года Тарас Григорьевич побывал на репетиции благотворительного спектакля, основу которого составляли «Живые картины». А на следующий день в его дневнике появилась запись: «Спектакль... сошел хорошо. Ниночка Пущина была очаровательна». Т.Г. Шевченко принимает самое деятельное участие в судьбе девушки. И тот не-проданный неизвестный портрет, о котором идет речь в главе «Откровения «Пашковского дома», - попытка Т.Г. Шевченко внести вклад в приданое не очень обеспеченной невесты. Интересно и то, что Т.Г. Шевченко в Нижнем Новгороде написал портрет дочери И.И. Пущина, но он не найден до сих пор. Зато до нас дошли стихи упомянутого в книге поэта-сатирика П.В. Шумахера, посвященные ей, написанные на обороте фотографии:

«Желал бы очень посмотреть я
Как вы, прабабушка, семидесяти лет,
На рубеже двадцатого столетья
С немою грустию возьмете мой портрет...
И если на него с улыбкой детской глядя
Ваш баловень, любимый внук,
Вас спросит: бабушка, кто этот толстый дядя?
Скажите – это был мой друг».

Виктория МАРКОВА,
праправнучка А.Е.и А.В.Розен
(г. Москва)

Декабристы на Изюмской земле

Посещение Изюма и Каменки – родины моей пра-пра-прабабушки Анны Васильевны Розен, урожденной Малиновской (1797-1883) я планировала давно, но все как-то не удавалось. Меня всегда интересовала личность Анны Васильевны, которая последовала в Сибирь за своим мужем – бароном Андреем Евгеньевичем Розеном. Он был осужден по V разряду за личное участие в мятеже 1825 года. В хрупкой, скромной и тихой женщине удивительным образом сочетались стойкость духа, преданность супружескому долгу, безграничная любовь к мужу и детям, благородство и мудрость.

И вот, наконец, в сентябре 2012 г. мне удалось совершить давно задуманную поездку. Вместе со мной поехала Шипилова Людмила Дмитриевна – старейший краевед Российской

Федерации, которая очень хорошо знакома с темой декабризма, любит и почитает этих мужественных людей величественной и трагической судьбы, оставивших после себя большое культурное и научное наследие.

Старинный украинский город Изюм встретил нас 1-го сентября солнечным осенним днем. Это был хороший знак!

Впервые это поселение упоминается в старинных летописях за 1111 год, в которых говорится, что близ Изюма войско семи русских князей под рукой великого князя Владимира Мономаха победило войско половцев на реке Сальница. Свидетели того времени – каменные бабы на горе Кременец. Упоминание о русской сторожи Изюмская сакма (древнее название города) мы можем обнаружить в письменных

источниках за 1571 год.

В 1681 году была построена крепость, которая и получила статус города. Из первоначальных построек крепости до наших дней сохранился лишь казацкий Собор во имя Преображения Спаса. 21 сентября 1781 года Сенат Российской империи утвердил герб города за личной подписью Императрицы Всероссийской Екатерины Великой. А в 2001 году был официально утвержден современный герб города.

В наши дни город расположился у подножья горы Кременец на берегу очень живописной и когда-то полноводной реки Северный Донец, по которой купцы вели свои челны и торговые суда с товарами. В наши дни река сильно обмелела и по ней можно проплыть только на лодке.

В первый день нашего пребывания в Изюме мы, естественно, пошли искать краеведческий музей, который находится на ул. Соборная д. 12. Это старое здание расположено в центре города на зеленой и по-своему красивой улице. Нас очень тепло и радушно встретили сотрудники музея Пелепенко Галина Анатольевна и Батюк Елена Викторовна. К сожалению, экспозиция, которая посвящена декабристам, очень маленькая – один небольшой шкафчик со стеклянными стенками. Несколько полок посвящены семьям Малиновских и Вольховских, и одна Розену. Начал собирать экспозицию о декабристах и их семьях известный краевед-археолог, директор музея Н. В. Сибилев. Во время Великой Отечественной войны Сибилев вывез музей в Уфу. Там он умер, а из эвакуации музей вернулся без многих экспонатов, в том числе без писем Пушкина, Пущина, Вольховского, Розена.

Мой дедушка, правнук декабриста Розена, пианист, музыкoved Владимир Николаевич Владимиров, в свое время отдал в дар этому музею шкатулку для рукоделия и каминные часы, которые принадлежали Розенам и находились с ними в Сибири. Сотрудники музея любезно согласились достать шкатулку с витрины, чтобы ее удобно было сфотографировать. Часы, к сожалению, мы не смогли увидеть, так как они находились на реставрации в Харькове.

Хотя экспозиция о декабристах крайне мала, посещение музея и общение с его работниками произвело на нас очень благоприятное впечатление. Конечно, хотелось бы, чтобы этой теме музей уделил больше внимания. Предпосылки для этого есть. Достаточно много материала о декабристах имеется и в харьковском архиве. Да и в селе Каменка, которое всего в часе езды от г. Изюма, живут люди, которые с большим теплом и уважением относятся к декабристам, почитают их и хранят небольшой архив о декабристах, проживавших в имении Каменка.

Пока мы искали краеведческий музей, нам

удалось увидеть совершенно уникальные церкви. Во время Великой Отечественной войны в окрестностях города велись жесточайшие бои. Почти восемь месяцев в 1942 г. город находился под оккупацией немцев. Немецкое командование придавало Изюму большое значение, называя его «Дверьми в Донбасс». Особенно жестокие бои разгорелись весной 1943 г., но, несмотря на это, храмы удивительным образом устояли без разрушений. Рядом с гостиницей, где мы остановились, стоит Свято-Преображенский собор (во имя Преображения Спаса), который сохранился со времен основания города (1681). Следующая уникальная церковь, которая находится недалеко от музея – Свято-Крестовоздвиженский (Николаевский) храм. И последняя, видимо, самая значимая, так как туда съезжаются паломники – это Свято-Вознесенская церковь, и недалеко от нее стоит часовня – купальня с очень древним святым источником.

Все три храма имеют внутри удивительно красивое убранство, со старыми намоленными иконами. В некоторых церквях сохранились иконы, написанные в 1600-х годах великими иконописцами.

Когда ходишь по старым улицам этого города мимо таких святынь, невольно представляешь себе проезжающие мимо экипажи Малиновских или Розенов. Может быть, именно к этому источнику приезжала Анна Васильевна для омовения.

На этом закончился наш первый день пребывания в этом удивительно красивом старинном городе.

На следующий день рано утром на такси мы выехали в село Каменка. По дороге в село нашему взору открылась удивительно красивая украинская окрестность, где гармонично соседствуют пашни, сенокосы, леса, лиманы, речки. Не могу не отметить доброго отношения к нам нашего водителя такси Николая, который настолько был удивлен тем, что мы приехали из Москвы на два

дня только для того, чтобы посетить места, связанные с декабристами, что предложил возить нас весь день, чем несказанно облегчил нам нашу задачу. Кроме того, именно Николай по сотовому телефону у своего знакомого точно узнал, куда нас нужно подвести в Каменке, где именно находится памятник. По приезде в село, мы остановились у Дома культуры, где встретили Дуванского Сергея Владимировича – голову районной рады и Заднепровскую Людмилу Сергеевну – сельского голову. Не смотря на то, что это был воскресный день, они предложили найти и пригласить на встречу библиотекаря Ирину Петровну Панюхно, которая

Шкатулка для рукоделия.

является вдохновителем и инициатором создания небольшого сельского музея декабристов в библиотеке. При первом же знакомстве с ней сразу понимаешь, что видишь перед собой родственную душу. Общаясь с ней, невольно замечаешь ее увлечение этой темой. Достаточно услышать с какой теплотой и восхищением она говорит о декабристах.

На территории Дома культуры стоит памятник символической могилы декабриста В. Д. Вольховского и И. В. Малиновского. На белом мраморе надпись гласит: «Здесь похоронены лицейские друзья А. С. Пушкина декабрист В. Д. Вольховский 1798-1841 и И. В. Малиновский 1796-1873». Уральский краевед-журналист из г. Кургана Борис Николаевич Карсонов после своего посещения в 1976 г. Каменки писал: «Подлинные могилы Малиновского и Вольховского в Каменке были разграблены. Это случилось сразу после закрытия церкви в конце 1929 года. По воспоминаниям старожилов села Каменка, могилы раскапывали Панько и Кирилл Кислицы. Могилы, по свидетельству старожилов, находятся и до сих пор на месте церковного кладбища, а там сегодня огороды». Монумент, стоящий в тени деревьев, установлен в 1975 году, к 150-летию декабристского восстания, как и само здание Дома культуры и напоминает нам о великих событиях прошлых веков.

Теперь хотелось бы сказать несколько слов об истории села.

В Каменке жили замечательные люди, история жизни которых связывает нас с такими именами, как Павел I, Александр I, Николай I, Александр Пушкин, Иван Пущин и др. Это участник восстания и автор «Записок о декабристах» Андрей Евгеньевич Розен, участник восстания Андрей Васильевич Малиновский, член Тайного общества, не принимавший участия в восстании генерал-майор Владимир Дмитриевич Вольховский и Иван Васильевич Малиновский, не разделявший взгляды декабристов, однако, помогавший им письмами и посыпками.

Павел I, взошедший на престол, пожаловал в 1797 году Андрею Афанасьевичу Самборскому (деду Анны Васильевны) крупное земельное владение в Изюмском уезде — Каменку и хутор Чепельской (он же Захарьевский, представлявший собой лесную дачу с вековыми деревьями, ранее принадлежащий Старохарьковскому Преображенскому монастырю). Некоторые исследователи отмечали, что именно Павел I и переименовал ее в Стратилатовку в честь святого Андрея Стратилата, найдя в Самборском сходство со святым. Однако в документах Каменка — Стратилатовка встречается еще в 1780-е годы.

А. А. Самборский (1732-1815) родился в селе Никитовка Ахтырской провинции Азовской гу-

бернии. Отец его был священником из дворян. Андрей Афанасьевич Самборский окончил Харьковский коллегиум и Киевскую Академию. По окончании духовного образования послан был в Лондон, где служил священником в посольской церкви в Лондоне, выполнял различные дипломатические поручения в Европе, часто утонченного характера. В 1769 году женился на англичанке — Елизавете Филдинг. В 1770 году у него родилась дочь Анна, а в 1772 году дочь Софья, которые долгое время воспитывались в Англии. В отличие от большинства российских послов за границей Самборский изучает быт, культуру, ремесла, земледелие, методику ведения хозяйства. Проживание и воспитание за границей его дочерей существенно повлияло впоследствии на их воззрение в отношениях с собственными крестьянами и на методы ведения хозяйства в своей экономике. За многие свои качества Самборский становится духовником Павла I и воспитателем его детей, в частности, Александра I. В 1797 г. Самборский лишь ненадолго приехал в Стратилатовку — принял имение, сделал ревизию, беседовал с крестьянами (все они были малороссами), произвел на них сильное впечатление,

назначил управляющего — приказчика Тимофея Навродского, объяснив ему, какие принципы он хотел бы заложить в экономике своего имения. Вскоре Самборский уехал в Санкт-Петербург, а затем опять за границу. Вернулся он в 1805 году из Венгрии. Неизвестно, что послужило такому решению, но по приезде он попросил Александра I об отставке, мол, решил посвятить себя богоугодным делам.

Вернувшись в Стратилатовку, он застает свое имение в расстроенном состоянии. Крестьяне жаловались на управляющего. Самборский снял Навродского с должности управляющего и потребовал отчета. Кроме того, он пишет письмо своему близкому знакомому — Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину с просьбой оказать содействие в наказании бывшего управляющего.

Далее Самборский с энтузиазмом принялся за восстановление хозяйства. Андрей Афанасьевич выписал из Англии сельскохозяйственные орудия, различные породы овец, коров и свиней, построил водяные мельницы, три винокуренных и кирпичный заводы, полотняную фабрику, заложил новый каменный храм. Одним из первых в Харьковской губернии Самборский основал в селе «общеполезные учреждения»: сельское народное училище, больницу, аптеку, дома для престарелых, вдов и сирот. Всё содержание этих заведений целиком лежало на Самборском, причем, количество содержанцев он не ограничивал. Выписал из Петербурга известного доктора медицины Карла Иванови-

А. А. Самборский.

ча Фридберга, который в течение 1808 года вылечил 208 человек от тяжёлых и заразных болезней, о чём засвидетельствовал журнал этого доктора. Оказалось, что доктор Фридберг был известен в Петербурге не менее самого Самборского, и его врачебная деятельность в Каменке была высоко оценена врачебной управой. Сам император одобрил деяния своего учителя. То, что делал Самборский в 1810 году - не делал никто! При больнице существовали лекарства для прививания оспы (широкое распространение в России оспопрививание получило лишь в 1817 году); дети крестьян обучались чтению, письму, арифметике, пению; в экономике были устроены шёлковые заведения (единственные в губернии) и самый крупный в губернии завод испанских мериносовых овец. Фактически получилось, что завод этот стал племенным и имел огромное влияние на развитие тонкорунного овцеводства в Харьковской губернии.

Это было одно из самых богатейших имений того времени.

После смерти Самборского все имения (к этому времени во владении Самборского находилось не одно имение) принадлежали его дочерям: девицам Анне и Софье. Софья Андреевна впоследствии вышла замуж за чиновника коллегии иностранных дел, действительного статского советника и кавалера Василия Фёдоровича Малиновского, они и стали будущими родителями Анны Васильевны Розен. С 1826 г. этими имениями владел старший сын Василия Фёдоровича – Иван Малиновский (старший брат Анны Васильевны). На него легла вся ответственность за имения: своё, сестёр, братьев. Мария живёт с мужем на Кавказе, баронесса Розен живёт в Петербурге, а затем уезжает следом за мужем на каторгу. Андрей и Иосиф о ведении хозяйства никакого понятия не имели.

Как уже ранее отмечалось, в селе находится небольшой музей, посвященный декабристам – жителям с. Каменка (Стратилатовка) и хутора Викнино. Музей декабристов в библиотеке состоит из большого панно, на котором имеется много уникальных фотографий, и уголка со старинной мебелью. К таким уникальным фотографиям относятся фотографии каменных домов Малиновских, Вольховских, деревянного дома Розена в хуторе Викнино и церкви Святой Софии, которая была воздвигнута в память дочери Самборского – Софии Андреевны, после ее смерти в 1832 г. Обнаружить подобные фотографии в архивах, в которых я работала, мне не удавалось, поэтому данный материал для меня имеет особое значение.

Выше упомянутый Карсонов после посещения харьковского архива писал: «...дарителем мебели стал Дмитрий Евгеньевич Лукьяненко.

О происхождении мебели умолчал. В архивных же документах я встретил фамилию его отца Евгения Лукьяненко, как члена Стратилатовского волревкома, занимающегося сбором имущества из помещичьих усадеб в Каменке. Так не подлинную ли мебель Малиновских или Вольховских подарил его сын? Увы, посетить и поговорить с Д. Е. Лукьяненко мне не удалось, так как он умер в Харькове».

Этот музей посещала постомок Малиновских Наталья Мешкова-Малиновская. Она художница и подарила музею две своих картины. На одной картины изображена Анна Васильевна с детьми во время переезда из Кургана на Кавказ, на другой – портрет Марии Васильевны в Каменке. После долгой беседы с Ириной Петровной Панюхно и

осмотра экспозиции мы отправились на хутор Викнино, вернее, в то место, где он когда-то располагался. Наш верный водитель Николай повез нас по живописнейшим полям. Ранняя осень придавала окружющему виду воздушность и необычайную красоту. Небо удивляло кристально ясной голубизной. Ирина Петровна указала путь к месту, где находится памятник А. Е. Розену. На месте усадьбы стоит памятник из красного мрамора. Рядом с чеканным профилем декабриста авторы – местные художники П. Жабский и В. Столпаков – высекли слова А. Одоевского, ставшие символом декабристского движения:

«Наш скорбный труд не пропадет: из искры возгорится пламя,

И православный наш народ сберётся под святое знамя».

Название хутора Викнино происходит от украинского слова «викно, т.е.

окно»; — «Окнина» и означает место, влажное от ключей и родников. Карсонов также писал, что по воспоминаниям старожилов местность в Викнино была необычайно живописной. Могилы Розенов располагались у подножия холма, за садом, там же рядом был из-под земли родник. Среди могил выше всех высился белый крест на могиле А. Е. Розена. К сожалению, место захоронения Розенов ныне определить не представляется возможным.

Сейчас здесь располагаются поля и, как и в прошлом, пробивается родник, который питает и дает жизнь небольшому островку деревьев и кустов. Конечно, невозможно представить себе,

что эти деревья росли почти 200 лет назад, но невольно хочется так думать.

Теперь поговорим и вспомним декабристов, которые жили в этих местах. Конечно, трудно в рамках одной статьи полностью и подробно осветить жизнь этих замечательных людей. Однако не упомянуть о них в этой статье просто невозможно.

Андрей Васильевич Малиновский

К сожалению, о нем очень мало сведений и нет его портрета.

Малиновский Андрей Васильевич (~1805 – 1851). Прапорщик лейб-гвардии Конной артиллерии, младший брат Анны Васильевны.

Отец — первый директор Царскосельского лицея, действительный статский советник Василий Федорович Малиновский (1765-1847). Мать – Софья Андреевна Малиновская, урожденная Самборская (1772-1812). Воспитывался в лицее, лицеист III курса (1-я золотая медаль 1823 г.). Все знали его по примерной твердости характера, по богатству знаний и по задаткам прожить жизнь на пользу Отечеству. Участие в восстании лишило Россию примерного воина и честного человека. По сведениям командующего Гвардейским корпусом, Малиновский был в числе отказывающихся принимать присягу. Из отдельной комнаты, в которой содержались все отказывающиеся принимать присягу, они бежали, взломав дверь. Малиновский в числе прочих кричал: "Ребята, измена! Вас обманывают! Константин Павлович не отказывается; ура, Константин!". При попытке часового задержать их, Малиновский выхватил шпагу и ударил шпагой часового. После этого происшествия уехал на площадь. По возвращении в казарму был арестован.

Андрея привлек к мятежу А.Е. Розен. И надо сказать, за это Иван Малиновский невзлюбил барона, ведь его брат доверял Розену, а тот увёл молодого офицера, как он считал, в авантюру.

По показаниям ряда декабристов, Андрей знал о существовании тайного общества и намерении не присягать Николаю I, активно препятствовал присяге. После ареста содержался при гвардейской пешей артиллерию. Пережитый А. Малиновским шок во время ареста и допроса повлиял на его психику, он ходил, безумно улыбаясь и т.д.

После получения известий из Петербурга об аресте брата Иван Васильевич сразу едет в столицу. Николай I идёт навстречу своему приятелю по военной службе и после короткого допроса отпускает домой прапорщика Андрея Малиновского. По высочайшему повелению (13.7.1826) он был прощен, но повелено иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении. На этом его военная карьера закончилась. Он был уволен со службы подпоручиком – 31.3.1830, поселился у брата в с. Каменке Изюмского уезда Харьковской губернии. И здесь за ним также был учрежден тайный надзор, а Изюмский исправник обязан

был ежемесячно рапортом доносить результаты наблюдений лично Слободско-Украинскому губернатору. В дальнейшем подобный рапорт необходимо было представлять раз в полгода. Вскоре А. Малиновский окончательно заболел психическим расстройством. Андрей Васильевич избегал Розена. В мае 1840 года, при проезде под Нарву, семья Розенов 6 недель жила в Каменке, но Андрей уехал в Крым. Описывая этот эпизод в своих записках, Розен пишет о нежелании Андрея «...нас опечалить выставкою печальных развалин мужа, которого в 1826 году все знали по примерной твердости...».

Затем Андрей жил в с. Стратилатовка, также перешедшей к Малиновским от их деда протоиерея А. А. Самборского. Умер в Крыму в Алупке и там же был похоронен. Могила до наших дней не сохранилась.

Владимир Дмитриевич Вольховский – друг Пушкина и Ивана Малиновского по лицею.

В. Д. Вольховский.

Родился в Полтавской губернии в 1798 г. Отец – Дмитрий Адрианович Вольховский служил в гусарах при Павле I. Воспитывался в Московском университете в пансионе, откуда как отличник переведен в Царскосельский лицей. С детства желал

поступить на военную службу. Здоровье не совсем способствовало этому, но, держа в памяти пример Суворова, Владимир упорно шёл к своей цели. За это и получил в лицее прозвище «Суворочка». Большая золотая медаль и первое место в списке окончивших лицей выпускников, предоставили ему возможность служить в Гвардейском Генеральном штабе прапорщиком.

Член преддекабристской организации «Священная артель», член Союза спасения и Союза благоденствия. Активным членом общества Вольховский стать не мог, военная служба требовала всё его внимание и свободное время.

Вместе с Иваном Малиновским они были поглощены военной карьерой, и Владимир в этом преуспел. В 1825 году он отправился в чине капитана в экспедицию в Среднюю Азию, для проведения военно-топографической съёмки в отряде полковника Берга. С полпути его вернули, Вольховский заключён был под домашний арест, как посещавший тайное общество. Учитывая малую вину и заступничество И. В. Малиновского и начальника Главного штаба Его Императорского Величества, его отправили на Кавказ в том же звании капитана.

Участник русско-персидской войны 1826-

1828 г., участник русско-турецкой войны 1828-1829 гг. В 1830 г. был назначен генеральным консулом в Египет, но в связи с польским восстанием 1830-1831 гг. временно откомандирован в 6 пехотный корпус действующей армии, контужен на Гроховских полях под Варшавой.

За 6 лет Владимир Вольховский, продолжая службу, от капитана дошёл по порядку чинов до генерал-майора, выступая в должности начальника штаба Кавказского округа. Девять лет служил в том же чине, до 1839 года. Повышение звания выдвигало бы его ближе к Императору, но Николай I, ценя его качества офицера, награждая высокими орденами, не хотел приближать его к себе. С 1826 года Вольховский награждён орденами: «Св. Станислава 1 ст.», «Св. Георгия 4 ст.», «Льва и Солнца 1 и 2 ст.», «Св. Анны 1 ст.», алмазными украшениями, медалями и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Все годы на Кавказе рядом с ним находится его красавица-жена Мария Васильевна (младшая сестра Анны Васильевны). В 1839 г. у них родилась дочь Анна. Тогда Вольховский командовал Ереванским карабинерным полком и за успехи в боевых действиях награждён был орденом «Св. Анны 1 ст.». Очевидно, это событие и послужило для выбора имени дочери.

В 1839 году Владимир Вольховский выходит в отставку и переезжает в Стратилатовку-Каменку. Иван Малиновский встретил сестру и зятя радушно. Спешно в имении Марии строится большой каменный дом о 13 покоях, каменный флигель. Дворец Вольховских был виден издалека, он располагался на противоположной стороне речки Каменки, где стояли церковь и дом Малиновских. В 1840 г. у них рождается сын Владимир. Кроме того они воспитывают сына Анны Васильевны Евгения, который был ею оставлен на попечение своей сестры при отъезде в Сибирь. К тому времени имение Марии приносит более 6500 рублей серебром. Главным образом от хлебопашства и завода испанских овец. Имение простипалось от деревни Викнино до речки Бычек, но дом стоял в Каменке – поближе к Малиновским. Вольховский скучает, часто ездит на охоту, пишет письма сослуживцам, заводит оранжерею и вскоре бросает ее на Ивана Малиновского. Тоска заедает его, он просто не мыслит себя без армей-

ских эполетов. На попытки Малиновского вовлечь его в общественную жизнь уезда смотрит отрицательно и часто избегает Ивана Васильевича. Тем не менее, во всех начинаниях Малиновского принимает участие, правда ненадолго.

В 1841 г. Вольховский, простудившись на охоте, тяжело заболевает и 7 марта того же года умирает. Похоронен он был в с. Каменка в ограде церкви, могила не сохранилась.

В 1844 году Иван Васильевич добивается разрешения опубликовать в Харьковских Губернских Ведомостях жизнеописание генерал-майора В. Д. Вольховского, которое он сам подготовил. Три года ушло на такое разрешение, еще год, чтобы его вдове предоставили пенсию за мужа. Один из исследователей в Харькове предполагает, что Мария Васильевна вышла замуж в 1842 году за представителя древнего дворянского рода полковника и помещика Изюмского уезда Якова Михайловича Тихоцкого. Документально это не подтверждено.

Барон Розен Андрей Евгеньевич (1800 – 1884), мой пра-пра-прадедушка родился в имении Ментак Эстляндской губернии. Из дворян той же губернии. Лютеранин. Отец – барон Евгений-Октавий Розен, мать – Варвара Элен Сталь фон Голштейн. Воспитывался в Нарвском народном училище с 1812 г., в 1815 г. поступил в 1 кадетский корпус, выпущен прапорщиком в л.-гв. Финляндский полк. 19 апреля 1825 г. он женился на дочери Василия Федоровича Малиновского Анне Васильевне. Он не был членом тайного общества, но душой и сердцем разделял взгляды и идеи декабристов. Андрей Евгеньевич присутствовал на двух последних собраниях декабристов 11 и 12 декабря 1825 г. Розен командовал взводом в чине поручика. Когда он появился в казармах полка, 1-й батальон уже выступал к войскам, поддерживающих Николая I. Взвод Розена выполнил его команду “стой” и не пропускал за собой остальные роты. Розен был арестован в 1825 г., осужден по V разряду и приговорен к 10 годам каторги с последующим поселением в Сибири навечно. Жена Анна Васильевна последовала за ним в Сибирь. Позже срок каторги был сокращен до 6 лет. Каторгу отбывал в Петровском заводе. По истечении срока каторги был направлен на поселение в г. Курган Тобольской губернии, благодаря хлопотам тетки жены Анны Андреевны Самборской. В Кургане Розены прожили пять лет, занимаясь хозяйством, в частности – садоводством. Рядом со своим домом Розен разводит большой сад, в котором растут и фруктовые деревья, и кустарники. Розен охотно делится своими саженцами с крестьянами. Его жена занимается безвозмездным лечением нуждающихся. Кроме того, Розен обучает крестьянских детей грамоте и арифметике. Туда же Мария Васильевна Вольховская присыпает для Розенов фортельяно. Это было ответом на письмо Розена, в котором он писал, что струнный инструмент умножает семейное счастье. Надо сказать, Мария Васильевна относилась к Розену с большей симпатией, чем другие в се-

Дворец Вольховских.

мье. На Кавказе она дарит Розену рыцарский клинок 12 века, переделанный горцами в клинок, замаскированный под палку.

В 1837 г. он был направлен рядовым на Кавказ. Ввиду того, что Розен сломал себе (еще в 1836 г.) ногу и продолжал ходить на костылях, служба не беспокоила его, и вообще он в полку не исполнял никаких обязанностей, что давало ему возможность заниматься воспитанием детей. 22 января 1838 г. Розен был переведен в Пятигорск, в 3-й Кавказский Линейный батальон, а 22 ноября подал прошение графу А. Х. Бенкендорфу об увольнении его в отставку по расстроенному здоровью и о разрешении ему окончить дни своей жизни на родине. 10 января 1839 года на представление Розена графу Бенкендорфу воспоследовало согласие на увольнение Розена от службы, но с тем, чтобы он жил безвыездно на родине под надзором полиции. После долгого и тяжелого путешествия через Ростов-на-Дону, Славянск, Святые горы, Харьков, Чернигов, Могилев и Псков, Розен, наконец, прибыл в Нарву; здесь он застал еще в живых своего бывшего учителя Гетте, потом посетил могилы родителей, а в имении Ментак встретил своего брата Отто. Здесь Розен и поселился с семьей. В конце 1854 года он получил известие, что сын его Евгений, который вышел в отставку из военной службы и в течение трех лет управлял имением матери в Изюмском уезде Харьковской губернии, сильно заболел. После этого известия семья решает переехать на юг, в имение Анны Васильевны.

14 апреля 1855 года Розена освободили от надзора с запрещением бывать в столицах, и он с семьей переезжает в с. Каменку. По амнистии 26 августа 1856 года Розена восстанавливают в прежних правах, а их детям возвращена его фамилия. Иван Васильевич Малиновский отнёсся к Розену с неприязнью. Смерть брата Андрея сделала его чёрствым по отношению к Розену. До конца дней своих виновным в смерти брата он считал Андрея Розена. Мария Васильевна Вольховская дарит сестре Анне деревню Викнино, боясь ссоры брата с Розеном. Розен строит в Викнино деревянный дом, и первое время живет затворником. Позже он преподает в народной школе села Каменка, пытаясь занять себя хоть какой-нибудь общественной деятельностью. Многие исследователи приписывают именно ему организацию школы в Каменке, хотя, как уже описывалось выше, школа в Каменке – заслуга А. А. Самборского, а дочка и внуки ее просто сохранили. Розен готовит к изданию «Записки декабриста». В 1861 г. Розен назначен мировым посредником 2-го участка. Утвержденный в этой должности, Розен, уже семидесятилетний старик, энергично взялся за дело, которое шло у него очень успешно, так что он составил много уставных грамот. Хотя в досье Розена, как мирового посредника, стоит фраза о недоверии ему, как человеку, покушавшемуся на власть императора. Крестьяне совершенно доверяли ему, никаких беспорядков и осложнений не произошло в подведомственных ему деревнях, тогда как в соседних участ-

ках явилось много недовольных, порождавших весьма нежелательные осложнения. В это же время Розен приводил в порядок свои записки. Мировым посредником он прослужил около 6 лет и за свою энергичную деятельность был награжден орденом св. Станислава; в 1876 году он испросил себе увольнение от должности. За несколько лет до смерти Розен устроил в Каменке крестьянский банк, приобретя себе еще большую популярность и уважение среди крестьян и помещиков.

В последние годы своей жизни Розен был очень дружен с писателями Г. П. Данилевским и Н. С. Кохановской (Н. С. Соханская). С последней особенно. Надежда Степановна проживала в 30 верстах от Викнино в хуторе Макаровка Изюмского уезда. Розен с супругой бывал у нее, но чаще всего посыпал за ней свою коляску вместе с одной из многочисленных племянниц. Любопытно также, что о публикации «Записок декабриста» в российских изданиях хлопотал поэт Некрасов, который был большим другом Розена. А лучшим своим цензором сам А. Е. Розен считал Императора Александра II, который сказал о его Записках: «Я знаю, что Розен ничего не напишет дурного или вредного».

За время супружеской жизни у Розенов родилось семеро детей: пятеро сыновей – Евгений, Кондратий, Владимир, Василий, Андрей (умер в возрасте 4-х лет) и две дочери – Анна и Софья (умерла при рождении).

Розен принадлежал к числу тех исключительных натура, которые, обладая «мудростью змия и кротостью голубя», стремятся сделать что-нибудь полезное, как для отдельных людей, так и для всего общества. Человек с необыкновенной силой воли и с твердым характером, он отличался, кроме того, неизменной правдивостью; все его произведения дышат смелостью суждений, правдой, а главное — беспристрастием.

Одной из самых отличительных черт характера Розена была беззаветная храбрость: он никогда не останавливался и не бледнел перед опасностью и не боялся смерти. Он был замечательным семьянином и с женой представлял идеал супружеского счастья. Два года оставалось ему до бриллиантовой свадьбы, но судьба не сулила старику дождаться этого торжественного дня. В конце жизни Розен имел слабое здоровье и почти уже никуда не выезжал из своего имения. Пошатнувшееся здоровье не позволило Розену надолго пережить смерть его любимой жены, и через 4 месяца 19 апреля 1884 г. в день своей свадьбы он умер. Розен был похоронен на Викнинском кладбище рядом с женой. Могилы четы Розенов не сохранились.

На этом наше знакомство с украинской землей декабристов заканчивается, и мы возвращаемся в Изюм. Остается только пожалеть, что для этой поездки мы выделили так мало времени – всего два дня. Когда мы уезжали в Москву, я была твердо уверена, что вернусь сюда, чтобы еще раз побывать на этой исторической

земле, в изюмском краеведческом музее и по возможности сделать фотографии часов Розена, а также поработать в харьковском архиве. Но история распорядилась по-иному. Даже думать не хочется, что навсегда может потеряться наша связь с Украиной, что огромная историческая часть декабристского движения будет для России и российских людей, которым судьбы декабристов не безразличны, недоступна.

Литература:

1. С. В. Мироненко Декабристы. Биографический справочник, Москва, «Наука», 1968.
2. А. Е. Розен Записки декабриста, Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984.
3. А. Е. Розен Письма декабриста, С-Петербург, 2008.
4. Областной архив г. Кургана Р2380, оп.4, д.13.
5. Областной архив г. Кургана Р2380, оп.4, д.12.
6. Областной архив г. Кургана Р2380, оп.4, д.10.

Наталья АРТЕМЬЕВА,

научный сотрудник музея «Дом природы»
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

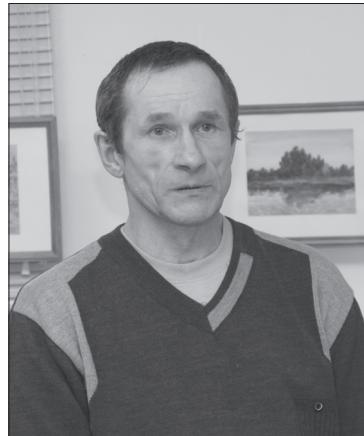
Певец сибирской природы

Поэт, художник и знаток природы, Его пейзажи радуют сердца, Не избалован веяньями моды, Вполне достоин русского венца. В его стихах живёт краса Сибири, В его картинах – наш Тюменский край, Его душевный мир – такие шири, Которые зовутся просто – рай.

Эти строки посвятил Виктору Шайкину, своему давнему другу, Владимир Павлович Ахтырский, с которым они знакомы около 40 лет. Поэт Ахтырский даёт очень точную характеристику его творчества: «Виктор очень ярко и колоритно видит всю красоту и прелесть нашей сибирской природы, слышит ее дыхание, переводя это в стихи. Читая его стихи, сам погружаешься в сень березовых рощ и сосновых боров, простор золотых полей и свежесть голубых вод. А его синтез художника и поэта как нельзя лучше доказывают это. Желаю Виктору Шайкину еще долго радовать нас своим ярким талантом».

Виктор Владимирович Шайкин родился в селе Заводопетровское 29 марта 1953 года. В двухлетнем возрасте маленького Витю и старшего брата Серёжу родители привезли в город Ялуторовск насовсем. А через два года детей в семье стало трое – родилась сестра Светлана. Несмотря на то, что свою маленькую родину – село Заводопетровское Виктор с братом оставили в весьма раннем возрасте, они всё же частенько гостили здесь, приезжая на каникулах к бабушке.

Село для меня дорогое всегда –
там детство моё пролетело.
Сегодня я снова поеду туда,
так просто, без спешного дела.
Там тянутся сосны в небесную высь
и запах смолистый дурманит.
Бывает, в лесу заблудиться боюсь,
а выйду – он снова поманит.

А вот и село из-за сосен встаёт,
весной оно тонет в сиренях.

Всё лето здесь хор из пернатых поёт,
и я восхищён этим пеньем.
Тропинкой песчаной я к дому пришёл:
«Ну, здравствуй, родимое место!»

И сразу же сад мою память увёл
в далёкое милое детство.
Там, в Заводопетровском, родители держали небольшое хозяйство – корову, кур. А когда переезжали в Ялуторовск, привели кормилицу с собой. Пешим ходом, за 40 с лишним километров. Но потом, оказалось – купить молоко проще, чем привезти сено с дальнего покоса.

Отец, Владимир Владимирович, по специальности слесарь, трудился на ремзаводе, в инструментальном цехе. Мама, Таисия Сергеевна, работала кассиром в аптеке. Частенько, вспоминает Виктор Владимирович, ходили они с братом на Тобол рыбачить,

иногда и оставались с палаткой на ночлег. Все трое – и Сергей, и Виктор, и Светлана – учились в школе имени Декабристов. Когда Сергея забрали в армию, Виктор пошёл работать на ремзавод к отцу. Сначала был простым рабочим, затем выучился на токаря. Однажды ему предложили съездить по санаторной путёвке в город Плёс Ивановской области. Такой счастливый подвернулся случай – побывать в Левитановских местах. Здесь Виктор Владимирович познакомился с одним интересным человеком, художником Иваном Карнауховым, от которого узнал, что в Красноярске, откуда родом всемирно известный художник, исторический живописец Василий Суриков, есть очень хорошая художественная школа. Для себя сразу решил – пора получать образование, о котором мечтал с детства, потому что, сколько себя помнит, всегда его тянуло к творчеству. Хотелось научиться передавать внутреннее состояние души при помощи изобразительного искусства, так как никогда не оставался равнодушным к красоте

природы, разнообразию животного и растительного мира. Но дорога к знаниям оказалась тернистой, долгой и требующей огромных затрат сил и терпения.

В тот же год поступить не получилось, просто потому, что приёмная комиссия уже закончила свою работу. Тогда было принято решение остаться в Красноярске, чтобы успеть к следующему набору учащихся. Устроившись на завод Сибтяжмаш художником-оформителем, поселился в общежитии для рабочих. Целый год готовился, и уже следующей весной, в первых списках, был зачислен в художественную школу имени Сурикова. С утра Виктор уходил на работу, а вечером бежал на занятия, где полностью отдавался такому сложному, но такому интересному процессу - изучению основ искусства и приобретению профессиональных навыков художника. А школа была действительно знаменитая, основана 27 января 1910 года. Поначалу называлась рисовальная, и до 1958 года была единственным профессиональным учебным заведением в Красноярске. От неё пролагался путь для многих талантливых, ярких художников 20 века, достигших профессиональных высот, к массивным дверям Петербургской академии художеств.

В памяти Виктора Владимировича остались имена преподавателей: Мирон Владимирович – «Живопись», Юрий Иванович – «Рисунок», а директор школы преподавал «Историю искусства» и «Композицию». Три года пролетели очень быстро, и в 1977 году Виктор Шайкин получил свидетельство об окончании учебного заведения.

Из Красноярска Виктор приехал в Тюмень, надо было продолжать самоутверждаться. В работе потребовались навыки фотографа, и после годового обучения он получает документ о приобретении ещё одной специальности – фотограф. Вернувшись в Ялуторовск, Виктор Владимирович находит для себя место по новой специальности в КБО. Раньше труд фотографа – дело непростое. Это сегодня, в век компьютерной техники и программного управления, фотоделом может заниматься любой желающий. Кроме того, по тем временам в обязанности мастера комбината бытового обслуживания входила работа не только с жителями города, а и всего района. По заявке выезжало сразу несколько специалистов: парикмахер, закройщик и фотограф. Заказы были, план выполняли.

С 1980 по 1985 год Виктор Владимирович художник-оформитель на разных предприятиях города. Этот период в жизни Виктора Владимировича ознаменовался ещё двумя яркими событиями: встречей со своей будущей женой, Альбиной Андреевной, и рождением сына Андрея.

Голова покрылась сединою,
Но года не надо нам считать –
Ведь тебя я только молодую
Вижу и спешу о том сказать.
Правда, время молнией мчится –
Сын давно уж перерос отца.
Но не будем в жизни торопиться –

И тогда не будет ей конца.
Скоро внуки станут рядом с нами
Робко делать первые шаги.
С ними мы помолодеем сами –
Верь мне и надежду береги.

А творческий, сложный путь продолжался. В художественной мастерской при Доме культуры, вместе с Виктором Киселёвым, Виктор Владимирович проработал пять лет. Оформляли стенды, интерьеры, экстерьеры, уличные вывески. В это же время в Ялуторовске работали художники - Геннадий Шушпанов, Владимир Лысов, Геннадий Глушков, Владимир Шарапов, Николай Зубарев, Геннадий Ротанов, Марат Рафиков, Вадим Кичигин, мастера декоративно-прикладного искусства Василий Милованов, Сергей Клюкин, Сергей Глазычев – замечательные резчики по дереву. Все они внесли достойный вклад в формирование привлекательного облика нашего сибирского городка, который стал для Виктора Шайкина самым любимым городом на свете.

Мне город близок, всё вокруг знакомо:
Кварталы улиц, каждый дом и двор.
Ласкают взор старинные хоромы,
Где на фасадах накладной узор.
Он с каждым годом и милей, и краше,
Он вечный адрес дома моего,
Я вместе с ним мудрее стал и старше,
Набрался сил с Тобольных берегов.
В любое время года не скучает,
Мой город, мой Ялуторовск растёт,
Уже давно его Россия знает.
И потому его душа живёт.
Пройдусь легко берёзовой аллеей,
Замедлю шаг и низко поклонюсь.
Его любовь меня всегда согреет,
И я признаться в этом не боюсь.

В 1992 году Виктор Владимирович, чтобы продолжить своё профессиональное становление, решил взять ещё одну высоту – Тюменское училище искусств и, набрав высокий балл, сразу был зачислен на художественное отделение. Поступил на очное обучение, и ежедневно, в течение четырёх лет, не пропуская ни одного занятия и ни одной лекции, занимался. В истории училища это единственный случай, чтобы учащийся был старше некоторых преподавателей чуть ни вдвое. Но надо отдать должное, все – и педагоги, и студенты относились к этому с пониманием. Одногруппники звали просто – дядя Витя, а преподаватели – студент Шайкин. Добираться до учёбы приходилось за 80 километров, на самой ранней электричке, а дома ждала семья – жена и сын, которым тоже требовалось внимание. Каждый день, буквально, был расписан по минутам. Подъём в 4 часа, в 5,30 – к вокзал, потом занятия. Домой возвращался, порой, около 10-ти часов вечера. Ужин. А когда семья уже укладывалась спать – наступало время чтения конспектов, выполнения заданий, подготовки к следующему дню.... Столовой в училище не было, поэтому перекус привозил с собой. Какие это были вкусные пироги, или даже

просто поджаренные сухарики. А когда он садился и открывал свой пакетик – товарищи-студенты налетали, как воробы, радостно «чирикая», помогали в короткие сроки справиться с пищей. Никогда Виктор Владимирович не проявлял отрицательные эмоции – скучность, несправедливость. Он только слегка сомневался в своих силах. Вместе с группой он дважды выезжал на этюды – в Санкт-Петербург и в Москву. Увлечённость, старательность, целеустремлённость, желание довести до хорошего результата – так характеризуют его тогдашние «соплеменники». Невозможно было понять, как в одном человеке могут сочетаться – сила воли и ранимость, настойчивость и мягкость, открытая доброта, человечность. Четыре года упорного, самозабвенного стремления достичь необходимого, для собственного удовлетворения, уровня, чтобы уметь владеть любой техникой изобразительного искусства.

А на втором курсе у студента Шайкина появилось ещё одно увлечение – стихи. Ольга Александровна Сайчук – преподаватель курса по литературе, случайно прочитала на странице, в конце тетради, несколько наскоро записанных Виктором Владимировичем строк, и оценила, сказав, что ему надо пробовать сочинять, для начала – хотя бы для души.... А душа у Виктора Владимира – вся раскрывается в его произведениях. Учитывая, что Виктор Владимирович начал писать стихи уже в зрелом возрасте, он заслуживает уважения вдвойне.

Любимый вид рисования – графика. На вопрос – любимое время года – отвечает: любое. Весна – рождение природы, лето – время полное тепла и света, осень – необыкновенно красивые пейзажи, а зимой – на улице буран, а ты в окошко посматриваешь, и хорошо, и уютно.

Декабрь к нам подкрался быстро,
А с ним суровая зима.
И по земле летит со свистом,
Со снегом вьюжит кутерьма.
Исчезла туча, тихо стало,
Но холод злится лишь сильней.
В округе ночь уже наступила
И всё ко сну склонилось с ней.
Луна по облачной дорожке
К светящим звёздам поплыла.
Как хорошо смотреть в окошко
Мне из уюта и тепла.

Воспеть природу – не так-то и просто, необходимо не только вдохновение.... Здесь по заказу не напишешь! Любимый поэт Виктора Владимира – Сергей Есенин.

Как сказал сам Виктор Владимирович – «я родился как раз в дни фестиваля, поэтому – сложилась такая традиция, ежегодно участвую в выставках, посвященных фестивалю творчества памяти С.И.Мамонтова.

В 2012 году у Виктора Владимира появилось ещё одно необычное увлечение. А началось оно после прочтения книги «300 советов резьбы по дереву», где он увидел на картинке удивительные лесные скульптуры, древесные фигурки, «изваяния». Вот и решил сам попробовать. Первая находка – «лесной цветок». А за ней несчётное количество «произведений», где он лишь соавтор, а мастер – природа. Это ведь дар – видеть и разгадывать в корнях деревьев то загадочное, забавное, что спрятала сама природа. Невозможно было ему пройти мимо замысловато загнутой коряги или выразительного пня.

В начале марта 2015 года Виктора Владимира в очередной раз положили в больницу, состояние его здоровья было очень тяжёлым. Но, несмотря на это, он продолжал работать – и сочинял, и делал зарисовки – одним словом, готовился к участию в очередном ежегодном фестивале им. С.И. Мамонтова. Мы часто созывались, и накануне женского весеннего праздника, 7 марта он позвонил в музей и поздравил нас, сотрудниц «Дома природы», поблагодарил.... А назавтра мы узнали, что его не стало....

Листы теряет календарь,
Становится он тоньше.
От нас давно ушёл февраль,
Запели птицы звонче.
Зима права сдала весне,
Теплу мы очень рады.
Уже сошёл последний снег
Ручьями из ограды.
Очнулся тополь ото сна,
На нём открылись почки,
Расправив ветви у окна,
Он показал листочки.
А запах так меня пленит
Своим весенним вкусом,
Он долго в воздухе смолит.
Я рад весенним музам...

Светлана БУЛЫШЕВА,
старший научный сотрудник краеведческого музея
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Место службы – перевал Саланг

– Если придется служить в ДРА, поедешь? – спросил кто-то из работников военкомата у Фаниса Хайруллина.

– Куда Родина пошлет, там и буду служить, – не задумываясь, ответил он.

Этот разговор состоялся еще на «граждан-

ке». И вот теперь он сам собой всплыл в памяти. Через 30 лет...Афганистан в его жизни занял почти два года.

Родители Фаниса воспитывали в своих детях ответственность в делах и доброту к людям, ставя в пример родных дедушек и бабушек, на

долю которых выпали и гражданская война, и колхозное строительство, и грозовые сороковые. Слушая рассказы отца и матери о прошлом, дети ссызмальства впитывали, что только трудом можно достичь желаемого. Работа никогда не была им в тягость. Даже деревенская страда в воспоминаниях Фаниса предстает, как праздничное и радостное событие. Летом, когда подойдет травостой, большая семья Хайруллиных выезжала на покос. Был Фанис тогда юнцом лет 8-9. Но ему уже доверяли перетаскивать на волокушах копны к месту будущего стога. Пот в семь ручьев, зато с каким удовлетворением смотрел на результаты своего труда - выросший как будто из-под земли стопудовый стог, от которого исходил душистый запах луговых трав. А наработавшись, всем кланом, рассаживались вокруг имитированного стола и хлебали из большой миски вкусный наваристый суп из баранины, приготовленный на костре.

В родной деревне Кулики пошел в первый класс. С детства любил мастерить, и работа его получалась не хуже других. До сих пор живет скворечник, изготовленный Фанисом во 2 классе. Делал с удовольствием, зная, что он станет домом для будущих птенцов. С 4-го класса мальчик «путешествовал» по школам: сначала в Ревдинскую восьмилетку «на лисопеде», потом в Заводопетровскую. Учился хорошо, с охотой, родители гордились успехами сына. В будущее Фанис не любил заглядывать. Думал получить техническую профессию. Но пока не отслужит в армии, планов не строил.

Весна в 1985-м году выдалась ранней. Тобол вышел из берегов, затопил низины. И, казалось, что маленькая деревушка Кулики стала единственным островком жизни среди бескрайнего моря. На запрудах и реке началась отменная рыбалка. Этому рыбакому счастью помешала повестка о призывае на срочную службу. В армию Фаниса и его друга Магжанова провожали всей деревней с песнями под гармонь. По традиции односельчане произносили напутственные слова, желая доброй службы и скорейшего возвращения на родину. Тоска сжимала сердце, но Фанис старался ничем себя не выдать, особенно матери.

В Тюмени на сборном пункте подружился с парнем, ехали вместе до Барнаула. Потом их развели по разным командам. Фанис очень сожалел о быстрой потере неожиданно приобретенного друга.

Прибыв в воинскую часть поселка Сарыоззек Талды-Курганской области, новобранцы в спешном порядке осваивали боевое оружие и технику. Увидев все это, Фанис испытал чувство страха перед мощью оружия. Впервые в руках он держал настоящую гранату, автомат, на учениях показывал отличные результаты. Вскоре получил первую благодарность от командования за выполнение боевого задания в маршброске на 500 км. В учебке он прошел, действительно, соровую школу: тренировки начинались в полседьмого утра, заканчивались вечером, когда солдаты валились от усталости. Комвзво-

да никого не щадил, натаскивал, а парни, не годя на него, терпели как могли. Терпел и боец Хайруллин, успокаивая себя словами: «Уж лучше через пот и кровь, чем посрамить честь отцов и дедов». Об отправке в Афганистан он догадывался - не зря же их командиры во время учений подначивали: «Семидесятилетние духи стреляют и бегают лучше вас в несколько раз».

3 августа 1985-го года ребят провожали в ДРА для исполнения своего интернационального долга. На перроне Ташкентского железнодорожного вокзала было многолюдно, народ то и дело сновал туда-сюда, а духовой оркестр играл «Прощание славянки». Уходящие на войну 18-летние юноши тяжело молчали, думая о своем... Последние приготовления перед отправкой за границу, в феодальный мир ислама, состоялись в Термезе - всем солдатам сделали профилактические прививки. Потом они пересекли границу пешком.

В афганском поселке Хайратон предстоял пограничный и таможенный контроль. Новобранцы озирались по сторонам, ощущая горьковатый привкус чужой земли, ее нахлынувшие запахи. Все вокруг было в диковинку - природа, дома, если можно их назвать таковыми. Вокруг одна нищета, котелки какие-то, да тряпье... Перед их глазами простиралась не только другая страна, затерявшаяся в самом центре Азии, среди гор и пустынь, но и другая жизнь. Сейчас эти парни переворачивали страницы своих судеб. Они все, солдаты и офицеры, до конца дней своих запомнят это августовское утро 1985 года. Изредка их взгляды устремлялись в сторону Термеза, там осталась их Родина.

В Хайратоне бойцов распределили по командам. Наутро семеро, в числе которых оказался Фанис, отправились к месту своей службы - перевалу Саланг, раскинувшемуся почти на 4-километровой высоте над уровнем моря. Петляя в величественных горах Гиндукуша, он соединяет северную и южную часть страны: от Термеза через Кабул на Джелалабад, Газни, Кандагар, Шинданд, Герат и до Кушки. Когда поднимаешься на эту головокружительную высоту, чувства захлестывают - кругом великолепное белое безмолвие. Заснеженные вершины то вспыхивают, то угасают под лучами горного солнца. Здесь присутствуют две поразительные вещи: первозданная красота и дерзновенная смелость людей, построивших автомобильную дорогу через тоннель с выходными галереями длиной более трех с половиной километров. Как в подземных метро, продумана была и система электрификации и вентиляции. Афганский народ называет её дорогой дружбы. Прохождение через тоннель всегда было опасным: зимой он подвергается сходу снежной лавины, летом - камнепадам и селям. И к тому же на всем протяжении дорога скалилась обрывами и пропастями. Фанис слышал от бывалых солдат о страшной трагедии, которая произошла в 1982-м году. В результате взрыва от удущливого газа погибло много наших бойцов: 176 человек, из

Фанис Хайруллин.

них 112 советских военнослужащих и 64 афганца. Тогда, в день трагедии, движение по тоннелю осуществлялось сразу по двум направлениям. Водители, возможно, не были строго проинструктированы: в случае поломки в машине - сразу глу-

шить двигатель. Автомобиль, ехавший в составе колонны «наливников» (так называли перевозчиков ГСМ), остановился, прогремел короткий выстрел - все оказалось в черных клубах дыма. Тем, кому повезло выбраться из тисков смерти, выползали из тоннеля и жадно глотали снег. Остальные задохнулись. Впоследствии руководство сделало анализ ошибок: наладили движение через тоннель реверсивным способом, бесперебойно работала диспетчерская служба, и всегда наготове были спецтехника и бойцы.

Сразу по прибытии на Саланг, группа получила четкие инструкции: никаких контактов с местными афганцами, быть постоянно на чеку. Но главная задача заключалась в обеспечении безопасного и бесперебойного движения через тоннель. Фанис Хайруллин, регулировщик 278-й отдельной дорожно-комендантской бригады (ОДКБ), понимал, что от него лично и слаженности действий бригады в целом зависят жизни людей. Не раз, отдавая инструкции водителям колонн: «Дисциплина на марше! Дистанция! Скорость! На обочину не съезжать - в грунте могут быть мины!», он, словно, заглядывал в душу каждому.

Саланг был очень уязвим, неслучайно именно там устраивались бандитские засады на афганские и советские колонны, транспортировавшие горюче-смазочные материалы, товары военторга и продовольствие. По единственной дороге, ведущей в центр страны, ежедневно двигались машины, толпы людей, повозки. По четным числам - в одну сторону, нечетным - в другую. Наши армейские колонны организованные, порядок неукоснительно соблюдался, а вот с афганцами беда. Машины у них старые, сами водители стараются обогнать друг друга, а начнут отношения выяснять - базар настоящий. По поводу автомобилей - отдельная тема. Судя по значкам на радиаторах, это были «Тойоты», «Мерседесы», КамАЗы. Но все остальное, именуемое кузовом, было больше похоже на балаганные повозки бродячего цирка. Машины не имели определенного цвета, на стеклах размещались чьи-то фотографии и украшения из бархата. Особую техническую изобретательность афганцы проявляли в сооружении надстроек на кабинах и кузовах.

Часто в пути можно было увидеть местных крестьян, нередко отправлявшихся по своим хозяйственным нуждам в Кабул или дальше. И

каждого проезжающего бойцы ОДКБ досматривали с особой тщательностью. Не важно: мирный земледелец или городской ремесленник, но потенциально угрозу жизни могли нести все.

Среди путников встречались и женщины. И здесь на выручку армейцам приходила «саранда». Так называли местную милицию, на службе у которой находились женщины-афганки. Мусульмане, строго соблюдая законы шариата, считали за оскорбление даже взгляд, брошенный в сторону женщины. Поэтому производить досмотр слабой половины человечества разрешалось только афганкам.

За девятнадцать с половиной месяцев службы на чужбине Хайруллин многое повидал. Реально ощущал, как от страха на голове волосы шевелились - и было от чего. Это случилось ночью, когда по тревоге подняли всю бригаду. По полученным разведданным, через Саланг должны были пройти вооруженные до зубов бандиты. В считанные минуты бойцы заминировали все подступы к тоннелю, сами расположились в окопах. Просидели до утра, глаз не смыкая, а враг так и не появился. Как потом оказалось, банда прошла другим маршрутом. Немало хлопот доставляли «бачата», минировавшие под покровом ночи обочины. «Бача» в переводе с афганского означает парень, пацан. Столкнуться лицом к лицу с «духами» можно было где угодно, они как будто умели растворяться в воздухе и возникать в самом неподходящем месте, даже в туалете. На Саланге, говорят, случалось, когда ночью из туалета пропадали армейцы... бесследно. Через год службы Хайруллина назначили пулеметчиком на БДМ - боевой дозорной машине. В его задачи входило сопровождение начштаба.

Служба в ДРА - это экстремальная служба. Жизнь солдата постоянно висела на волоске, но даже среди серых будней мужчины находили время для шуток, русских песен и кулинарного творчества. Фанис вспоминает, как новый 86-й год встречали собственноручно приготовленным из печенья, сгущенки и какао тортом. Этот десерт дополнился невесть откуда взявшимся языком мандаринов, апельсинов и винограда. Праздник удался на славу!

Раз в неделю обязательно отправлял весточку родным. Как бы тяжела ни была солдатская служба, об этом он ни словом не обмолвился. Вот так закалялся характер - в стране, враждебной и дружелюбной к СССР, наивно доброй и беспредельно жестокой, нищей и неимоверно богатой. Служить в Афганистане было тяжело и легко одновременно, потому что каждый за собой чувствовал огромную державу и свой маленький коллектив, в котором жили по принципу «один за всех и все за одного».

Минувшее

Альбина БОЛОТОВА,

старший научный сотрудник историко-мемориального музея
ГАУК ТО «Яблуторовский музейный комплекс»

Средства существования яблуторовских декабристов

Этот вопрос интересует очень многих экскурсантов нашего музея. И, действительно, как государственные преступники, так официально именовали декабристов на каторге и поселении, решали свои материальные вопросы? Ведь во все времена для людей в повседневной жизни они является одними из основных. А Император декабристам запрещал участвовать в какой-либо деятельности, поскольку материальная обеспеченность дает моральную независимость.

Арестованным после 14 декабря 1825 года во время следствия определялось выделение ежедневного рациона в соответствии с воинскими чинами. И на каторге тоже полагался суточный паек. Богатым дворянам помогали родственники, этим значительно облегчая их существование. А на что жили те, кто был из бедных дворян? И вот тут декабристы придумали гениальный выход из трудного положения – в Сибири, на каторге они создали кассу взаимопомощи – так называемую Большую артель, а на поселении – Малую. Принцип деятельности ее заключался в том, что сбрасывались все имущие по мере возможности, бедные могли совсем не вносить денег, а брали все из кассы по 500 рублей. При переводе после каторги на поселение положение опальных резко менялось в худшую сторону.

В правилах, сообщенных генерал-губернатору Западной Сибири П.М. Капцевичу начальником штаба Его Императорского Величества генерал-адъютантом Дибичем 26 сентября 1826 года, первым пунктом утверждалось: «Дабы из числа сих преступников те, кои имеют богатых родственников, не могли получать от них больше денежных сумм, то для ограждения в сем случае, наблюдать, что каждый из ссыльных может получать от родственников на первое обзаведение не более как до двух тысяч рублей ассигнациями, а потом на содержание ежегодно не более, как до тысячи рублей ассигнациями, но и сии суммы доставлять им не иначе, как через гражданских губернаторов, кои должны выдавать им оную помесячно. Или как за удобное признают».

Второй пункт касался малоимущих дворян: «Если же между сосланными на поселение преступниками есть не имеющие достаточных родственников и не могущие получать от них никакого вспомоществования, таковым давать от казны солдатский паек и крестьянскую зимнюю и летнюю одежду, по распоряжению местных генерал-губернаторов».

Эти правила почти не изменялись во все вре-

мя отбывания декабристами наказания – с 1828 по 1856 год, несмотря на то, что за почти тридцатилетний срок многое что менялось в экономике – росли цены на предметы первой необходимости, а это увеличивало расходы. Местная Сибирская администрация признавала недостаточность определенной нормы денежных выдач и поэтому выдавала преступникам всю полученную на их имя сумму. Посредствующими лицами при передаче денежных сумм сверх установленной суммы были или Тобольские губернаторы или же генерал-губернаторы Западной Сибири, к которым родственники преступников обращались с просьбою принять участие в судьбе ссыльных. В особенности, всегда оказывал свое великолдушие к сосланным преступникам князь П.Д. Горчаков, входивший в положение их семейств и неоднократно принимавший на себя передачу им денежных сумм. Следует учесть, конечно, и тот факт, что через свою жену он доводился родственником четы Фонвизиных.

На каторге наказанным жилось легче – ни один не сошел с ума. А поселение хотя и предполагало облегчение для преступников, тем не менее, именно там несколько человек лишились рассудка. Особенно тяжело приходилось тем, которые не имели богатых родственников. Поселенные в гибельных местах Тобольской и Томской губерний, с крайне суровыми климатическими условиями, не имея никаких средств для поддержания своего существования, декабристы обращались за помощью к государству. Согласно второго пункта правил им выдавали пособие от казны. В Тобольской губернии вспомоществование выдавалась натурой, им отпускалось из запасных инородческих магазинов кормовое довольствие в размере солдатского пайка и крестьянская зимняя и летняя одежда. В Томской губернии помощь оказывалась деньгами в размере стоимости солдатского пайка и крестьянской одежды. Кроме этого положенного от казны пособия, местная администрация по своему усмотрению оказывала пособие некоторым неимущим государственным преступникам на счет обывателей, предоставляя им право пользоваться безвозмездно особыми отведенными от обывателей квартирами.

Установленную в 1826 году норму правительенного пособия государственным преступникам, не получающим помощи от своих родственников из России, изменили с 1835 года. 9 апреля того года генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф уведомил генерал-губернатора Западной Сибири Сулиму,

«что Государь Император, по неограниченному милосердию своему входя в бедное положение преступников и желая показать им, что и они не чужды благих попечений Его Величества, всемилостивейше повелеть соизволил нуждающимся государственным преступникам производить ежегодно на необходимые их надобности по 200 рублей ассигнациями каждому».

Спустя четыре года, 24 декабря 1839 года, генерал-адъютант Бенкендорф дал знать генерал-губернатору Сулиме, что Государь Император, в дополнение высочайшей Его Величества воли относительно производства денежного вспомоществования от казны неимущим преступникам, поселенным в Сибири, по всеподданнейшему его докладу, высочайше повелеть соизволил:

Выдавать по 200 рублей в год тем поселенным государственным преступникам, которые ничего от родственников своих в России не получают;

Тем, которые от родственников своих получают менее 200 рублей, в год выдавать из казны не достающую до 200 рублей сумму;

Не брать в счет помощь, получаемую преступниками от лиц находящихся в Сибири;

Детей всех государственных преступников, рожденных в Сибири, освободить от платежа податей и повинностей до новой ревизии;

Для выполнения императорского указа Бенкендорф просил Сулиму ежегодно представлять ему списки нуждающихся в помощи декабристов. Эти пособия от казны лишь позволяли не умереть с голода. Спасало бедных декабристов только то, что и на поселении начали работать для вспомоществования касса взаимопомощи - Малая артель. Ею руководил Иван Иванович Пущин. В поле зрения этой кассы находились все ссыльные с их семьями – никого никогда не оставляли без помощи – ни взрослых, ни детей.

Но и в этой кассе порой не было денег. И тогда Иван Иванович сам занимал, но нуждающимся всегда помогал. Помощи у него мог попросить всякий нуждающийся, даже очень щепетильный барон Штейнгель иногда обращался к Пущину за поддержкой. Мы с вами, нуждаясь, точно знаем, к кому с просьбой о займе денег подойдем запросто, а к кому, даже вроде бы и приятельствующему человеку никогда не подойдем. Иван Иванович же помимо прочих достоинств еще и обладал тонким тактом – материальной помощью никого не унижал. Руководил он Малой артелью до самой смерти, после чего сложные обязанности перешли к сыну декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина – Евгению Ивановичу Якушкину.

На поселении декабристам жилось гораздо сложнее, чем на каторге, не только потому, что порой многие оказывались поселенными в одиночестве, но еще и потому, что их разобщали огромные пространства Сибири. Когда кто-то из поселенцев умирал, официально делались описи оставшегося имущества и объявление о розыске наследников. Если таковых в течение

определенного времени не находилось, тогда касса взаимопомощи распоряжалась наследством. Но зачастую речь шла о скучных пожитках. Так, после смерти ялуторовского декабриста Вацлава Ивановича Враницкого остались только часы. И Василий Карлович Тизенгаузен долго хлопотал перед Императором, чтобы их передали отцу Вацлава Ивановича.

Первый из определенных на поселение в Ялуторовск декабрист Василий Карлович Тизенгаузен родился в семье лифляндского дворянина среднего достатка. Его отец Карл Иванович дослужился до титулярного советника, занимал пост Ушицкого городничего в Подольской губернии. Из четырех братьев двое служили городничими. У Василия Карловича осталась в Нарве семья – жена и трое детей. Поэтому он предпочитал, чтобы братья оказывали помощь его семье. Но, тем не менее, он на свои средства в Ялуторовске уже на следующий год поселения, в 1830-ом, построил себе деревянный дом на каменном фундаменте стоимостью в шесть тысяч рублей ассигнациями.

А когда наступили в его жизни тяжелые времена, он стал получать от государственной казны вспомоществование согласно действующего царского указа. В 1835 и в 1836 годах он получил по 200 рублей ассигнациями. До 1845 года ничего не получал – в это время, очевидно, ему помогли родственники, а в 1845 году снова казна выделила ему 57 рублей 14 2/7 копеек серебром, а в 1847 году – уже 114 рублей 28 4/7 копеек серебром.

Это пособие он получал до окончания срока поселения – до 1853 года. Конечно, Император вызывает большую симпатию тем, что он не бросил опальных на произвол судьбы, а помогал им материально, и не только им, но и их родственникам. Так, дочке Тизенгаузена Эмилии по ходатайству родственника Василия Карловича, князя Александра Аркадьевича Суворова, пособие отца в том же размере – 114 рублей 28 копеек серебром казна выплачивала с 1863 года до самой ее смерти.

Вторым на поселение в Ялуторовск определили Андрея Васильевича Ентальцева. То, что он родился в небогатой семье, доказывает тот факт, что сразу же после поселения А.В. Ентальцева в Сибири, его маме, Варваре Григорьевне, с 1827 года Третье отделение выдавало единовременные денежные пособия. На ее похороны пособие получила дочь, сестра А.В. Ентальцева Екатерина Васильевна, в замужестве Сикстель. Она всю жизнь помогала своему брату. Августа Созонович вспоминала: «Родная сестра покойного, Екатерина Васильевна Сикстель, не забывала своего ссыльного брата, постоянно переписывалась с ним, посыльно снабжала его вещами и деньгами, хотя сами Сикстель были не богаты и обременены многочисленным семейством».

Благодаря ее ходатайству Ентальцевых из Березова перевели в Ялуторовск. Здесь, как и в Березове, они купили себе дом у ялуторовского мещанина Минаева за 250 рублей ассигнациями. Дом состоял из комнаты, с двумя перего-

родками и пристройкой для кухни и кладовой. Сначала на поселении семья устроилась неплохо – Андрею Васильевичу полковой товарищ командир Измайловского артиллерийского гарнизона полковник Янов высыпал карточный долг – по заемному письму он до восстания задолжал Ентальцеву 6845 рублей. Александре Васильевне, жене Андрея Васильевича, казна ежегодно выделяла 250 рублей ассигнациями. Кроме того, ей позволялось держать крепостных, а из России она привезла с собой троих. Поэтому через два года Ентальцевы купили более поместительный дом у коллежского советника Шеншина за 1300 рублей ассигнациями.

В 1835 году последовало высочайшее соизволение об отводе государственным преступникам земли в размере 15 десятин для занятия земледелием. Андрей Васильевич просил генерал-губернатора Западной Сибири Н.С. Сулиму не оставить его забытым и дать возможность заняться земледелием, в видах увеличения своих скучных материальных средств. Ентальцевым отвели земельный участок в двух верстах от города и в трех от Беркутской волости. Но мы-то с вами хорошо знаем, сколько надо вложить в землю, чтобы она начала давать хоть какой-нибудь доход.

С 1835 года полковник Янов перестал отдавать долг, и Ентальцевы вынуждены были обратиться в государственную казну за помощью. В 1835 году Андрей Васильевич получил пособие в 200 рублей ассигнациями, в 1836 не получал, в 1837 и 38 годах по 200 рублей, в 1839-150 рублей 75 копеек. В 1840 году он получил 57 рублей 14 2/7 копеек серебром. В таком размере он получал пособие еще четыре года.

Некоторое время Ентальцевым помогала княгиня Мария Николаевна Волконская. Она просила своего брата Александра Николаевича присыпать им из Москвы небольшие денежные суммы. В 1836 году Александра Васильевна получила от Марии Николаевны 500 рублей вспомоществования. Это послужило причиной последовавшего расследования по вопросу «должны ли подлежать ограничению денежные выдачи женам государственных преступников». В результате еще раз подтвердилось правило, что жены декабристов имеют такие же права, как и мужья – государственные преступники. То есть, получаемые суммы не должны превышать 2000 рублей в год.

Ухудшившееся материальное положение, как и бесконечные разбирательства по поступавшим лживым доносам, послужило причиной развития у Ентальцева тяжкого недуга. В конце 30-х годов у него стали проявляться симптомы душевной болезни, а в 1841 году наступило полное тихое помешательство. В 1845 году он умер. Александре Васильевне не разрешили уехать на родину, она жила на государственное пособие в размере 185 рублей 70 копеек серебром, которое ей выплачивали и после амнистии до самой ее смерти 24 июля 1858 года.

Третий по прибытию в Ялуторовск на по-

селение декабрист, Василий Иванович Враницкий, родился в небогатой семье пражского пивовара. В семье кроме него воспитывалось еще десять детей, и хотя Враницкий отлично учился в гимназии, он из-за ухудшившегося материального положения семьи бросил учебу и вступил в воинскую службу. После восстания его наказали по восьмому разряду и определили сразу на поселение в Пепым. Там он жил на квартире предоставленной обывателями, но первые месяцы никакой материально помощи не получал. И только благодаря ходатайству Тобольского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского ему из хлебозапасного инородческого магазина начали выделять хлеб, соль и крупу в размере солдатского пайка.

С половины 1827 года его материальное положение улучшилось – он начал получать из России небольшие денежные суммы непосредственно через шефа Третьего отделения, созданного Императором для надзора за декабристами. Но из-за этой помощи ему прекратили выдачу солдатского пайка.

В 1830 году, за два года до смерти, Враницкого перевели в Ялуторовск. Граф П.И. Мошинский, проживавший в Тобольске, 18 июля 1830 года обратился с просьбой к графу Бенкендорфу о разрешении его жене графине Мошинской доставлять Враницкому ежегодно по тысяче рублей и такую же сумму высыпать для отца Вацлава Ивановича, проживавшего в Праге. Получал ли он эти деньги, мнения расходятся. Так, в справочнике Мироненко говорится, что Бенкендорф разрешил, но Враницкий от этой помощи отказался. А в книге А.И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири» утверждается, что «Враницкий получал по 1000 рублей ассигнациями в год из имений, сосланного в Тобольск на поселение, с лишением графского и дворянского достоинства, бывшего Виленского губернатора маршала графа Мошинского».

Губернатор Сомов доносил начальнику края генерал-губернатору Западной Сибири И.А. Вельяминову о состоянии Враницкого в Ялуторовске: «Враницкий имеет крайний недостаток в содержании себя, а помощи в том ни откуда не имеет и что до сего времени имел он только возможность в содержании от присыпаемых ему денег, выручаемых за продаваемые его вещи». В апреле 1832 года И.А. Вельяминов разрешил выдачу Враницкому солдатского пайка и полного комплекта зимней и летней одежды. Плохое материальное положение во все времена только усугубляет состояние любого человека. В декабре этого же года Василий Иванович умер. Его имущество из Ялуторовска увезли в Тобольск и сдали губернскому правлению на хранение, до разрешения продажи с аукциона. Оно состояло из белья и одежды на сумму 246 рублей. После аукциона сделали публикацию для розыска наследников для предъявления ими прав на открывшееся наследство. И только карманные часы благодаря ходатайству А.В. Ентальцева не продали с аукциона, а передали с разрешения А.Х. Бенкендорфа отцу Василия

Ивановича через посольство в Вене.

Алексей Иванович Черкасов родился в семье обеспеченного дворянина. За его отцом числилось в Тамбовской губернии 219 душ и в Тульской, Орловской и Московской губерниях - 990 душ. В семье кроме него воспитывались три брата и пять сестер.

Наказанный по седьмому разряду, он после года каторги был определен на поселение в Березово. Дмитриев-Мамонов пишет: «Жизнь Алексея Ивановича на поселении была совершенно обеспечена материально, так как отец его, барон Иван Петрович, состоятельный помещик Белевского уезда Тульской губернии, постоянно высыпал ему через Тобольскую губернскую администрацию достаточные денежные суммы для безбедного существования».

После Березова Алексей Иванович четыре года отбывал наказание в Ялуторовске. И здесь он материально не нуждался, поэтому свою землю, выделенную ему по указу 1835 года, отдал А.В. Ентальцеву. В 1837 году, по особому разрешению, его зачислили рядовым в Тенгинский пехотный полк для прохождения воинской службы на Кавказе.

Иван Дмитриевич Якушкин родился в семье бедного дворянина, за его отцом в Смоленской губернии числилось 190 душ. В семье воспитывалась кроме него только сестра Варвара, в замужестве Воронцова. Ивана Дмитриевича и на каторге и на поселении спасал его аскетический образ жизни – он умел довольствоваться малым и любил повторять: «Мы, государственные преступники, должны приобретать экономией». На каторге и на поселении ему помогала жена Анастасия Васильевна Якушкина.

Так, при отправлении Якушкина с каторги на поселение из числа присланных ему тысячи рублей, он получил от генерала Броневского двести, а восемьсот были отправлены князю Горчакову для выдачи Ивану Дмитриевичу на первоначальное обзаведение при поселении. На счет государства в Ялуторовск отправили и вещи Якушкина: 98 книг, белья разного в общем количестве 112 штук, один тулуп, чекмень, трое брюк, три куртки, две пары сапог и два одеяла. Дмитриев-Мамонов пишет: «Получая из России от своей семьи достаточные материальные средства для безбедного существования, Иван Дмитриевич вел в Ялуторовске скромную, но деятельную жизнь, оставив свою полезною деятельность самую лучшую о себе память среди сибирского населения». Жена декабриста, Анастасия Васильевна, умерла в 1846 году в возрасте 39 лет. И теперь за помощью декабрист обращался к сыновьям. Государственного пособия Якушкин никогда не просил и не получал.

Общеизвестно, что Иван Дмитриевич славился своей принципиальностью – однажды что-то решив для себя, он уже никогда не менял своей точки зрения. Участвуя в создании первого тайного декабристского общества в России – «Союза спасения», декабристы взяли на себя обязательство готовить общество к смене правления через создания идеального человека бу-

дущего – честного, скромного, порядочного, работающего, но начинали они с себя. И Якушкин всю свою жизнь старательно выполнял взятое на себя обязательство – очень требовательно и строго относился к самому себе.

Время поселение декабристов в Сибири для отбывания наказания совпало с моментом разработки в крае золотых приисков. Многие в то время увлеклись золотоискательством. И Иван Иванович Пущин поддался уговорам племянника Гаюса и хотел с ним на паях принять участие в золотопромышленности – что же поделаешь, если во все времена человеку хочется в достатке прожить свою короткую жизнь. Сколько потребовалось Якушкину усилий, чтобы отговорить от этого Ивана Ивановича. С первого раза нам это кажется даже непонятным – пусть бы разбогател. Но уже потом мы начинаем понимать Ивана Дмитриевича. Он писал Пущину: «Мы уже в этой жизни совершили свое дело. Теперь для истории надо только суметь соответствовать этому и оставаться на высоте». И действительно, как бы мы стали относиться к Ивану Ивановичу Пущину, если бы он разменял свою жизнь на предпринимательство ради собственной выгоды...

В Ялуторовске местные жители сначала прозвали Якушкина колдуном, а вскоре очень зауважали, и не только за открытие школ для мальчиков и девочек, но и за активную гражданскую позицию. Он не мог оставаться равнодушным, если дело что касалось жизни горожан. Так, купец И.Ф. Мясников привез породистый холмогорский скот, а приплод не оставлял – не хотел, чтобы у кого-то в городе были такие же коровы. Иван Дмитриевич постоянно ходил к нему и упрашивал поделиться молодняком с местными. Но безрезультатно. А однажды декабрист спас купца В.И. Сесенина от разорения – уговорил его не вступать в сомнительное предприятие. И тот был потом ему благодарен всю оставшуюся жизнь...

Матвей Иванович Муравьев-Апостол родился в дворянской семье среднего достатка. За его отцом числилось три с половиной тысячи душ. Да и государственная служба приносила доход Ивану Матвеевичу – он занимал важные государственные посты – дипломат, посланник в Гамбурге и Мадриде, писатель, член Российской академии. Но в семье воспитывалось семеро детей, жена – Анна Семеновна, дочь генерала Черноевич, рано умерла, и Муравьев-Апостол женился второй раз на Прасковье Васильевне Грушецкой, у детей от первого брата появились сводные братья и сестры. Поэтому Матвей Иванович с юношеского возраста постоянно нуждался материально. Старший в семье, он выбрал военную стезю, и двое младших братьев последовали его примеру.

Сестра Екатерина Ивановна вышла замуж за генерал-майора И.М. Бибикова, и именно благодаря ее помощи Матвей Иванович, отбывая наказание на поселении, особо не нуждался, никогда не получал государственного пособия. В Бухтарминске он получил от Екатерины Ивановны две тысячи рублей и генерал-губер-

натор Вельяминов разрешил ему купить дом за 350 рублей. Остальные деньги потратил на покупку мельницы и пасеки. В 1832 году он обручился с Марией Константиновной Константиновой. Прожив семь лет в Бухтарме, долго хлопотал о своем переводе в Курган, но ему разрешили выбрать между Ишимом и Ялуторовском.

Первого октября 1836 года Муравьевы-Апостолы переехали в Ялуторовск. Здесь они купили дом Белоусова за 1600 рублей. В 1837 году они с женой похоронили в Ялуторовске сына. Но вскоре семья увеличилась – они взяли на воспитание двух девочек-сирот. Места в доме не хватало, Муравьев-Апостол решил пристроить две комнаты. Долго не мог найти для этого средств, неоднократно обращался за помощью к родственнику Александру Михайловичу Муравьеву, отбывавшему наказание в Тобольске. Как только тот смог ему помочь, Матвей Иванович в 1849 году пристроил к дому две комнаты.

Дмитриев-Мамонов отметил: «Ялуторовская колония декабристов жила тесною дружною семьей, дом Муравьевых-Апостолов служил местом объединения членов этой семьи. Посвящая свое знание и средства на пользу гражданского развития населения и также в пользу общественной благотворительности, эта колония оставила в среде не только Ялуторовского городского населения, но и в среде населения всей Западной Сибири вообще самые лучшие благородные о ней воспоминания...». То есть, порой они сами испытывали материальные затруднения, но всегда находили возможность помочь местному населению, что в большей степени способствовало сохранению доброй о них памяти.

Иван Иванович Пущин родился в семье генерал-интенданта флота, сенатора Ивана Петровича Пущина. В семье кроме него воспитывалось одиннадцать братьев и сестер. Родственники помогали Ивану Ивановичу на каторге и на поселении. В письме к Егору Антоновичу Энгельгардту он так описывал свое положение в Ялуторовске: «...я доволен моим пребыванием в Ялуторовске. Нас здесь пятеро товарищей; живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю, в четверг у нас, а в воскресение у Муравьева. Обедаем без больших прихотей, вместе, потом отправляемся ходить или садимся за вист, чтобы составить некоторое развлечение нашему старому товарищу Тизенгаузену, который, может быть по необходимости охотник посидеть за зеленым сукном... Домашняя наша семья состоит из Матрены Михеевны Мешалкиной, туринской мещанки, доброй женщины, которая славно, то есть опрятно и вкусно нас кормит, из Варвары Самсоновны Барановой, здешней жительницы, исполняющей добросовестно и усердно должность фрейлины при нашей Аннушке, и из Афанасия, молодого парня, который нам помогает и смотрит за лошадью и двумя коровами. Кроме того, есть прачка, также порядочная особа, по имени Евгения Михайловна. Весь этот народ к

нам привязан, и в доме спокойно. Нам в этом завидуют, но я думаю, - это следствие хорошего обращения с ними.

Дом занимаем порядочный, вдовы Бронниковой, которая позволяет нам на свой счет делать всевозможные поправки и за это позвление берет 250 рублей в год. Наружность нечто вроде станции в России, но расположение удобно. Для нас ничего лучшего не нужно. Каждому можно быть у себя, и есть место, где можно быть вместе».

Хорошая помощь родственников позволяла Ивану Ивановичу Пущину держать в доме слуг. Но прекрасным подспорьем семейному бюджету служил огород. Так, в этом же «долгом» письме к Е.А. Энгельгардту (Пущин писал его в Ялуторовске с февраля по июль - 21 июня 1845 года) декабрист рассказывал: «Нельзя еще ничего положительного сказать об урожае: местами, говорят, хорош, но вообще лучше последних годов. Овощи огородные у нас вообще хорошо родаются; капуста лучшая продается по 5 и по 4 рубля сотня, а картофель по 30 копеек пудовка. Одна репа здешняя не вкусна. Может быть это от грунта земли или от дурных семян. Ягоды: земляника, лесная клубника, немного малины и миллион брусники. Я вам назвал их по порядку появления на сцену. Теперь мы едим землянику и вволю. Здешний округ ягодами беднее других. В Тобольском и Туринском, кроме того, есть княженика и морожка. Плоды здесь не существуют, разве только на Исети вишни – и то небольшие и довольно кислые: хороши только в варенье и в уксусе. В огородах производят дыни и арбузы. Устроивши оранжерею, можно бы все иметь; но это слишком сложно и не стоит хлопотать».

И только один раз он воспользовался услугами государства - когда в 1849 году добился позволения лечиться за озером Байкал на Туркинских водах, казна оплатила ему дорогу до Иркутска и обратно.

Князь Евгений Петрович Оболенский родился в бедной семье – хоть и за его отцом числилось в разных губерниях 1348 душ, долг был большой – 338800 рублей. А в семье росло десять детей. Но и он, отбывая наказание, ни разу не получил государственного пособия, так как ему хорошо помогала его сестра Ольга Петровна, в замужестве Прончищева.

В Ялуторовске с 1843 года он жил вместе с И.И. Пущиным в доме купца Бронникова, а после венчания с Варенькой Барановой поселился в доме купца Ильина. Князь с увлечением занимался сельским хозяйством, сеял на своих участках рожь, пшеницу, держал коров и лошадь Рыжку. Благодаря помощи, получаемой Евгением Петровичем от родственников, с женой они жили безбедно, Варенька порой отправляла гостинцы своим деревенским родственникам. При создании школ оплачивали обучение некоторым девочкам. Все в городе знали о бескорыстии князя, о том, что для помощи нуждающимся он готов отдать последние деньги. Так, однажды, спасая офицера, проигравшего в карты полковую казну, он чуть не отдал ему самую

ценную семейную реликвию – багет – дорогие часы. Только случайно погодившийся при этом М.И. Муравьев-Апостол организовал среди декабристов сбор денег и этим спас и офицера и семейную реликвию князя.

Когда в Ялуторовск перевели Николая Васильевича Басаргина, с ним на паях купил мельницу. Но дело вел в основном Басаргин, поскольку Оболенский как-то больше предавался мечтательным планам о развитии хозяйства. Уже прощенным, в России он все еще вспоминал свое ялуторовское занятие сельским хозяйством и сожалел: «Эх, нам бы денег побольше, мы б тогда создали примерную ферму». Да, действительно, они люди высокообразованные, знали все передовые веяния в сельском хозяйстве, но для приобретения современных орудий труда, сортовых семян и породистого скота нужны были приличные средства.

Но и скромно занимаясь трудом, декабристы служили для местных жителей примером, а порой просто помогали, чем могли. В один год в Ялуторовске начался падеж скота. И Оболенский вместе с Пущиным составили рецепт лекарственного снадобья и отстояли не только свой скот, но и живность других горожан.

Николай Васильевич Басаргин родился в бедной семье, за отцом числились 56 душ в селе Михайцеве, да заложенное имение. Николай Васильевич всю жизнь старался сам себя обеспечить. Сначала воинская служба, а потом, после каторги, оказавшись на поселении, когда им позволено было служить, он всегда находил возможность работать, начиная с 1846 года. Министр внутренних дел сообщил князю Горчакову, что Государь император высочайше соизволил разрешить находящемуся на поселении в Кургане (с 1842 года Басаргина из Туинска перевели в этот город) государственному преступнику вступить на государственную службу в Сибири канцелярским служителем в штате канцелярии пограничного начальника Сибирских киргизов в Омске.

Для переезда из Кургана в Омск казна ему выделила прогоны на одну лошадь. Конечно, на каторге и на поселении Басаргину помогали родственники – его брат Александр и Барышниковы совершенно обеспечили существование Н.В. Басаргина – высыпали ему 1400 рублей ассигнациями в год. Полковник Андрей Иванович Барышников выслал декабристу четыре тысячи рублей в Туинск – первое место поселения после каторги – там и сегодня стоит его дом, построенный в

1837 году по особому разрешению М.А. Бенкендорфа. А в 1841 и 1843 годах ему назначалось пособие по 57 рублей 14 2/7 копеек.

По ходатайству Николая Васильевича Басаргина, в конце 1847 года последовало высочайшее соизволение на перевод декабриста в Ялуторовск. Из всех декабристов, проживавших в нашем городе, Басаргина поселили сюда последним. При первом посещении Николаю Васильевичу наш город не понравился, он писал: «Ялуторовск – маленький, разбросанный городишко». Переведенный из Омска в ялуторовский земской суд писарем четвертого разряда, Николай Васильевич с женой Ольгой Ивановной поселился в доме, доставшемся ему от первого брака жены – ялуторовского купца Медведева.

И так получилось, что в нашем городе он жил в достатке. Не только управлял мельницей, но и пытался поставить на прибыльную основу работу стекольного завода, который ему тоже достался в наследстве жены. И когда пришло известие об амнистии, первое время даже не хотел оставлять наш город – «Я свыкся с Сибирью, полюбил этот край», – писал он в письме. А когда все прощенные декабристы уехали, и он оставил наш город. Но дважды посещал, уже будучи свободным, это место ссылки и о Ялуторовске в опубликованном дневнике написал: «Ялуторовск маленький, но красивый городок».

После Ялуторовска Николай Васильевич успел побывать в роли помещика – в 1858 году он приобрел имение Вареево в Покровском уезде Владимирской губернии. Сравнивая труд свободного в Сибири человека и подневольного в России, пришел к выводу, что во все времена результативна только хорошо оплачиваемая работа. Оставил после себя проект строительства железных дорог в Сибири. Наиболее знамениты его «Записки о Сибири», в которых он дал программу развития нашего края, конечной целью определяя материальный достаток сибиряков.

Итак, декабристы, отбывая наказание в Сибири, имели разные источники существования и, конечно, жили по-разному – кто то в достатке, кто то в крайней нужде. Но очень примечательно то, что они всегда находили возможность поддерживать друг друга и при этом оказывать материальную помощь местному населению. Очень примечательно и то, что государство не бросило на произвол судьбы преступников, казна по повелению Императора оказывала помощь не только некоторым декабристам, но и их родственникам.

Семьи декабристов в Ялуторовске как пример для подражания

В Сибирь после событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и полугодового следствия с вынесением приговора отправили 120 декабристов. Тридцать лет, с 1826 по 1856, с момента наказания до смерти Императора Николая Павловича, декабристы от-

бывали в нашем крае наказание – сначала на каторге, а потом на поселении. Местные жители поселенцев встречали крайне неприветливо – в девятнадцатом веке люди искренне верили в Бога и свято почитали власть царя как Помазанника Божьего. А декабристов судили це-

ленаправленно как цареубийц, чтобы сформировать о них крайне отрицательное мнение у общественности.

Однако после смерти Николая I и воцарения его сына Александра II, когда «несчастные», так звали сибиряки поселенцев, покидали места отбывания наказания, местные, провожая их, плакали. То есть декабристы сумели в корне изменить о себе представление местных жителей с крайне отрицательного до очень положительного. И не только потому, что они все стороны общественной жизни сумели поднять на более высокий уровень, но и просто своей личной жизнью, которая не вызывала кривых толков, а только уважительное отношение. Их поведение в быту, в семейной жизни невольно служило примером для многих ялуторовчан. Августа Созонович, воспитанница М.И. Муравьева-Апостола, вспоминала: «Весь кружок ялуторовских декабристов, всегда строго следивший за собой, во всем чрезвычайно сдержаный, сплотившись в единодушную семью, разумно гуманную и просвещенную, резко выделяясь среди распущенной жизни чиновников, - всем внушал невольное почтение, даже своим недоброжелателям». И хотя прошло с момента их поселения в нашем крае 185 лет, но и сегодня их жизнь и, в частности, семейные отношения во многих случаях могут служить примером для современников.

В Ялуторовск в разное время отправляли отбывать наказание девять декабристов. Двое из них – Матвей Иванович Муравьев-Апостол и Николай Васильевич Басаргин прибывали в город уже женатыми на сибирячках. А Евгений Петрович Оболенский в Ялуторовске обвенчался 6 февраля 1846 года в Сретенском соборе с местной мещанкой Варварой Самсоновной Барановой.

У Ивана Дмитриевича Якушкина в России осталась семья. И четверо из ялуторовских декабристов были холостыми – Василий Карлович Тизенгаузен, Василий Иванович Враницкий, Алексей Иванович Черкасов, Иван Иванович Пущин.

Первым из семейных декабристов в наш город из Березово перевели Андрея Васильевича Ентальцева. Жена, Александра Васильевна, последовала за ним на каторгу. С первым замужеством ей не повезло – муж оказался карточным шулером, бедная дама еле выпуталась из пут брака. И второй раз она не спешила связать свою жизнь с кем бы то ни было. Но со временем ее привлекала доброта А.В. Ентальцева, она не только вышла замуж за подполковника, но и последовала за ним, как за государственным преступником на каторгу. В Чите декабристы находились в тюрьме, Александра Васильевна с другими женами-ангелами, помогала не только мужу, но и всем остальным.

На поселении в Березово они купили дом, а в 1830 году их перевели в Ялуторовск. И здесь они тоже приобрели дом в частное пользование. Андрей Васильевич Ентальцев увлекся медицинской. И хотя с 1812 года здесь уже существовала

больница на 12 коек, но за помощью местные жители начали обращаться к «бессребренику» - как прозвали местные жители Андрея Васильевича Ентальцева – он не только умел ставить правильные диагнозы, но и по своим рецептам готовил лекарства. Иногда приобретал и на свои деньги в тюменской аптеке. В Ялуторовске Александра Васильевна заняла достойное место среди местных – она во всем помогала мужу. Кроме того, манерами и умением просто и со вкусом одеваться она долго считалась образцом в ялуторовском женском обществе; молодые девушки пользовались ее особенным расположением и добрыми советами. Славилась своим гостеприимством и умением хорошо готовить.

В 1840 году Андрея Васильевича поразил тяжкий недуг - у него начало развиваться психическое расстройство. Александра Васильевна приложила все усилия для того, чтобы вылечить своего мужа. Для этого она продала в Ялуторовске дом, все имущество и повезла его в центр губернии – в Тобольск. А когда лекарь объяснил бедной даме, что мужа нельзя вылечить, она вернулась с ним в Ялуторовск. Купец В. И. Сесенин выделил для проживания флигель, декабристы сбросились и наняли сиделку из местных жительниц - Лукерью Ивановну Кулик. Александра Васильевна, по воспоминаниям А. Созонович, «устроила мужа в лучшей комнате, на солнечной стороне, в которой наблюдались безукоризненная свежесть воздуха и теплота». В помещении у больного было всегда чисто, проветрено. Александра Васильевна безропотно покорялась тяжелому испытанию, до конца свято исполняя свой долг - трогательно ухаживала за больным до самой его смерти - 27 января 1845 года.

Похоронив его, она начала ходатайствовать о возвращении на родину. Государь Император не разрешил. И только после амнистии она оставила наш край, поселилась в Москве, скончалась в 1858 году. А в Ялуторовске живет о ней добрая память в том числе и о том, какие усилия прилагала бедная дама для излечения мужа, не оставив его в плачевном состоянии. Конечно, это служило положительным примером для местных жителей во все времена.

В 1836 году из Бухтармы в Ялуторовск перевели Матвея Ивановича Муравьева-Апостола. Приговоренный по первому разряду на вечную каторгу, он, благодаря заступничеству княгини Голицыной, минуя каторгу, был отправлен в Вильск, а потом в Бухтарму. Там он обручился с Марией Константиновной Константиновой, и в наш город прибыл уже женатым. Они купили дом купца П. Белоусова и в нем прожили до самой амнистии. Сынок умер в младенчестве, больше детей Бог не дал. Но чета Муравьевых-Апостолов воспитали в Ялуторовске двух девочек. Сначала их попросили приютить осиротевшую четырехлетнюю Августу Созонович, а потом священник принес подкинутую в церковь Аннушку Бородинскую.

Несколько раз Матвей Иванович ходатайствовал об удочерении девочек. Он подавал

прощение Государю в 1861 году через шефа жандармов князя Долгорукова. Помимо этого Оболенский хлопотал об удочерении Муравьевым-Апостолом Гутеньки и Аннеты через своего родственника - чтеца императрицы. Но в просьбе Матвею Ивановичу и на этот раз отказали, взамен его воспитанницам даровалось личное почетное гражданство с фамилией Матвеевых. По существующему закону, государственные преступники не имели права удочерять детей. Девочек воспитывали как дворянок – прививали не только правила хорошего тона сообразно дворянскому этикету, но и обучали грамоте, иностранным языкам, музыке. Их дом в Ялуторовске привлекал внимание своим уютом, чистотой и гостеприимством. При доме в большом порядке содержались все многочисленные хозяйствственные постройки. Особой красотой радовал огромный цветник. Мария Константиновна тоже, как и Александра Васильевна, по мере возможности помогала мужу в его делах. Тот преподавал в школах, открытых Якушкиным, французский язык, она следила в школе для девочек за чулочным отделением.

Слуги, которые нанимались в услужение к декабристам, уже никогда от них не уходили. Во многих мемуарах, оставленных их современниками из местных жителей – Голодниковым, Семеновым – особо подчеркивалось уважительное отношение декабристов к слугам. Легко обидеть того, кто по социальной лестнице ниже тебя, но дворянский этикет не позволял этого делать ни в коем случае – обидеть нижестоящего, значило унизить самого себя. К слугам всегда обращались только на «Вы».

После амнистии семья переехала в Тверь – первое время даже прощенным декабристам не позволялось жить ни в Москве, ни в Петербурге. Аннушку выдали замуж, она родила сына, которого называли Сергеем, но вскоре заболела и умерла. И уже Сергея Муравьевы-Апостолы воспитывали как родного внука. Августа оставила после себя записки «В ответ на воспоминания Голодникова», в которых очень интересно описала взаимоотношения местных жителей с декабристами. Став сестрой милосердия, она участвовала в военном конфликте на Балканах. А после этого, в Москве занималась репетиторством.

Мария Константиновна умерла в Москве, Матвей Иванович дожил до 93 лет, в старости не мог ходить, ослеп. И Августа трогательно ухаживала за ним, возила его на коляске на ежедневные прогулки, подолгу читала ему вслух. На Новодевичьем кладбище устроила родовой склеп, где и упокоился Матвей Иванович.

Жизнь семьи Муравьевых-Апостолов служит достойным образцом взаимоотношений в семье родителей и приемных детей. Несмотря на все трудности по воспитанию девочек, а они, конечно же случались, Матвей Иванович сожалел только об одном – что ему так и не разрешили их удочерить и в историю декабризма они вошли как воспитанницы Муравьева-Апостола.

Ивана Дмитриевича Якушкина в Ялуторовск

перевели с каторги в один год с Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом. Его жена – Анастасия Васильевна Якушкина, в замужестве Шереметьева, много лет добивалась разрешения последовать на каторгу за своим мужем. Но сначала Якушкин ей не давал дозволения следовать за ним в Сибирь, в силу того, что Император не позволил дамам брать с собой детей, а потом и сам царь отклонил ходатайство Якушкиных. И в нашем городе декабрист снимал скромную квартиру на втором этаже у мещанки Федосьи Родионовны Трапезниковой.

Он устроился в двух комнатах очень скромно, в соответствии со своими жизненными принципами – «приобретать экономией». По воспоминаниям современников, бросалось в глаза обилие книг и портреты родственников, присутствовал и портретprotoиерея Казанского Петербургского собора Петра Николаевича Мысловского. Однажды исповедовав декабриста в Петропавловской крепости и причастив его, Мысловский до самой смерти писал Якушкину письма, поддерживая его этим. Якушкин в Ялуторовске отличался не только скромностью в жилье, но и в одежде, вызывая и этим невольное уважение горожан. Болью его души были два его сына. Встречая в городе детей, он видел в них Вячеслава и Евгения.

Якушкин для ялуторовских ребятишек открыл две школы – сначала, в 1842 году, для мальчиков, а позже, когда получил известие о смерти жены, в 1846 году, первое в Сибири официальное училище для девочек. Конечно, как преступнику, отбывающему наказание, никто бы не позволил ему открывать школы. Но он в лице protoиерея Стефана Яковлевича Знаменского нашел достойного помощника. Тот хлопотал о разрешении открыть школы как церковно-приходские училища. А обучали детей не только чтению, письму, счету и закону Божьему, но и ботанике, языкам, рукоделию, механике. По мнению Ивана Дмитриевича школы должны были привить детям умение достойно найти себя в жизни.

Своих сыновей – Вячеслава и Евгения Якушкин воспитывал... письмами. Но какие советы он им давал. Скажу лишь об одном. Когда Евгений поступил на обучение в Московский Императорский университет, отец писал сыну из Ялуторовска в сентябре 1842 года: «Мне было хотелось тебя убедить, что сравнение себя с другими не только может быть для нас бесполезно, но даже и очень вредно. Трудно быть справедливыми против тех, которые впереди нас и которых мы силимся обогнать, или быть беспристрастными и кроткими к тем, которые от нас отстали и на которых мы обыкновенно смотрим с каким-то сожалением – зависть или гордость тут почти неизбежны. Как оградить себя от того и другого и вместе с этим подвигаться вперед? Кажется, всего вернее беспрестанно сравнивать себя с самим собою, то есть тех себя, которых мы знаем, с теми себя, какими мы должны и можем быть».

Став взрослыми, оба сына гостили в Ялуторовске. Конечно, поражает то, что семейное

несчастье – многолетнюю разлуку с женой и детьми Якушкин сумел использовать с пользой для города и Сибири – создал две очень значимые школы, этим оставив самый яркий след в истории нашего края. Его дети были далеко, а он в своем сердце нашел место для любви к детям ялуторовчан. И в Ялуторовске его полюбили. Августа Созонович вспоминала: «Иван Дмитриевич привлекал детей своим терпением и веселостью. Он охотно удовлетворял их любознательность, отвечая не только на их вопросы, но и повторяя по нескольку раз, он затевал для них на дворе разнообразные игры и, к их общей радости, сам участвовал в них».

Ивана Ивановича Пущина в Ялуторовск перевели из Туринска в 1843 году вместе с Евгением Петровичем Оболенским. Они, подружившись на каторге, долго добивались разрешения на поселение в одном городе. И сначала разрешили Оболенскому из Итандцев переехать в Туринск к поселенному там Пущину, а потом обоим в Ялуторовск. Поселились они на квартире в доме купца Бронникова. Вскоре этот дом знали не только в Сибири, но и в России. Иван Иванович вел многолетнюю переписку со многими своими знакомыми и родными. Уровень образованности, полученный в Царскосельском лицее, позволил ему успешно заняться адвокатской деятельностью. За услуги денег с просителей не брал, но смотрел всегда на то, чтобы обращение в суд было справедливо.

Многие декабристы женились на сибирячках – братья Кюхельбекеры, Свишунов, Поджио. Но Иван Иванович не признавал таких браков, считал их неравными. Однако природа брала свое, и он в Туринске сожительствовал с Матреной Михеевной Мешалкиной.

Когда им позволили поселиться в Ялуторовске, Мешалкину, как домоправительницу он привез с собой вместе с нажитой дочкой Аннушкой. Девочка очень походила на отца. К ней в услужение Матрена Михеевна наняла очень некрасивую, рябую двадцативосьмилетнюю девушку Варвару Самсоновну Баранову. И к ужасу Пущина в нее влюбился его друг Оболенский. «Рюрик» и ялуторовская вольноотпущенная крестьянка! Пущин отказал девушке в месте, но вслед за ней съехал и князь. Он еще смолоду решил, что всякая дворянка, покрутившись на светских балах, уже утрачивает порядочность, чистоту нравов. А вот Варвара как раз обладала качеством неразбалованной, чистой девушки.

Евгения Петровича очень долго уговаривали не скреплять супружескими узами отношения с Барановой. Но Оболенский, однажды решив этот вопрос для себя, был неумолим. И в 1846 году в Сретенском соборе их венчал протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский. Конечно, в глазах местных жителей этот брак для девушки был не удачным. Свои титулы декабристы после приговора оставили в Петербурге. В Сибири их официально именовали «государственными преступниками», а местные называли «несчастными». Варвара вышла замуж не за князя, а за опального.

Но он оказался очень хорошим мужем. И хотя был почти вдвое старше Вареньки, относился к ней почтительно. Чтобы похвалить Оболенского, достаточно было похвалить его жену Вареньку. Да и она оказалась достаточно умной для того, чтобы особо не вникать в жизнь декабристов – пекла вкусные пироги, делала хорошее домашнее шипучее вино. И уже вскоре сам Иван Иванович смирился с этим браком и часто гостил у Оболенских.

Варвара родила Евгению Петровичу восемь детей, но, к сожалению, первые умирали. Лишь Ваня, Петя и Оля дожили до совершеннолетия. Оболенский был очень хорошим отцом, в момент каждой беременности ухаживал трогательно за женой. А к рожденным детям проявлял необыкновенную любовь – сам ночью вставал к ним, перепеленовывал. После возвращения из Сибири они поселились в Калуге. Дожили до возвращения всех титулов. Но сначала титул князей и княжны присвоили детям, потом жене и в последнюю очередь самому Евгению Петровичу Оболенскому. Сейчас ялуторовчанка Варвара Самсоновна вписана в родовую книгу российского дворянства в самую почетную шестую часть как княгиня Оболенская. Мир тесен и непредсказуем. И сегодня верность Оболенского своей возлюбленной, умение взять на себя ответственность как мужа и отца детей заслуживает только уважения и подражания.

Иван Иванович очень любил свою гражданскую жену Матрену Михеевну Мешалкину. Но женщину разбил паралич. Горе Пущино было велико, первые дни он не отходил от ее постели. Но исправить уже ничего не удалось. А тут в доме появилась вдова Вильгельма Карловича Кюхельбекера – Дросида Ивановна, в девичестве Арсеньева. В ее судьбе принял участие Пущин, и она родила от него Ванечку.

Об официальных отношениях не могло быть и речи. Дросида Ивановна уехала в Иркутск. А Иван Иванович до самой амнистии воспитывал своих детей – Аннушку и Ванечку. Он их очень любил и все сделал для того, чтобы устроить судьбу своих незаконнорожденных детей – Анечку определил в женский институт в Нижний Новгород, к Марии Александровне Дороховой. Ее назначили директрисой этого института. Ради у устройства судьбы дочки даже согласился на условие Марии Александровны – сменить имя Ани на Нину.

Ванечку усыновил его брат Николай, он официально стал носить фамилию Пущина. Иван Иванович получил хорошее образование, и стал очень успешным доктором в Орле. (После революции 1917 года семья эмигрировала в Лондон. В 1990 году в музей из Англии приехала на место ссылки прапрадеда писательница Мария Вильямс. Перед нами стояла вылитая Дросида Ивановна Арсеньева – гены старательно сохранили доказательство любви Пущина и вдовы Кюхельбекера.)

В возникшей непростой жизненной ситуации мы с вами увидели очень трогательное отношение Ивана Ивановича к детям – он никому

их не отдал, очень любил и многое сделал для того, чтобы дать им достойное воспитание и образование. Но положение его в Ялуторовском обществе все равно было довольно щекотливым – дети родились внебрачными, а усыновить их не мог по действующему законодательству – государственным преступникам не позволялось брать детей на воспитание. Августа Павловна Созонович написала в своих воспоминаниях:

«Пребывание в доме Пущина двоих детей, матери которых обществу были неизвестны, давало повод к превратным предположениям. Пущин по собственному почину собрал своих товарищих и откровенно исповедался перед ними, душою страдая за свой поступок, изумительный для них и не извинительный в его собственных глазах...». И только уже после амнистии, устрив судьбу своих детей – Аннушки и Ванечки, в 59 лет Иван Иванович обвенчался с вдовой Михаила Александровича Фонвизина – с Натальей Дмитриевной. В ее имении и упокоился.

Николая Васильевича Басаргина в Ялуторовск перевели из Омска в 1847 году. Он приехал сюда вместе с третьей своей женой – Ольгой Ивановной Медведевой. Первая его жена, княжна Мария Михайловна, в девичестве Мещерская, умерла после родов; вторая – Мария Елисеевна, в девичестве Маврина, сибирячка, скончалась в Кургане. В Омске он встретил старшую сестру Дмитрия Ивановича Менделеева – Ольгу Ивановну. Великий наш земляк, химик Дмитрий Иванович был семнадцатым ребенком в семье. Когда западносибирское губернаторство в 1839 году перебралось из Тобольска в Омск, туда переехало и семейство Менделеевых.

Похоронив своего мужа, ялуторовского купца Медведева, туда перебралась и Ольга Ивановна. Там они встретились с Николаем Васильевичем Басаргиным, понравились друг другу, обвенчались. И хотя Ялуторовск вначале не понравился Басаргину, жена уговорила его переехать в наш город. Здесь он вступил в наследование дома и стекольной фабрики, доставшиеся в наследство Ольге Ивановне от первого мужа. Басаргин пытался поставить работу фабрики на прибыльную основу, с Оболенским купил мельницу на паях. Дом Басаргиных находился как раз напротив дома Бронниковых, где снимал квартиру Иван Иванович Пущин. Все чиновники, следя из Петербурга

по мету назначения в Иркутск, считали долгом остановиться в Ялуторовске и сделать визиты к декабристам.

Об этом оставили воспоминания сын Ивана Дмитриевича Якушкина – Евгений Иванович и Корсаков. Дом семьи Басаргиных, как и прочих семейных декабристов славился гостеприимством. В Ялуторовске они прожили семь лет и узнали об амнистии. Николай Васильевич сначала даже не хотел оставлять наш город. Он говорил: «Я ссыкся с этим краем, полюбил его». Но все поехали, и они оставили наш Ялуторовск.

Будучи свободным, он дважды посещал Ялуторовск, и каждый раз гостил по неделе в доме ялуторовского купца Н.Я. Балакшина. Все жители Ялуторовска приходили повидаться с ним. А причина его появления в Ялуторовске после амнистии являлась следующей. Когда они отбывали здесь наказание, не имея собственных детей, Басаргинцы взяли на воспитание дочь умершего декабриста Мозгалевского – Поленьку. Они, конечно, любили ее и бережно воспитывали, обучали. Девушка выросла, встал вопрос о замужестве. Решили выдать замуж за Михаила Менделеева – брата Ольги Ивановны. Тот жил в Омске. И Басаргинцы повезли Поленьку в Омск, чтобы своими собственными глазами убедиться, в какие руки они отдают свою единственную любимицу. По пути туда и обратно они и заезжали в наш город. На встречу с ним приходили все жители. И сегодня декабриста помнят как хорошего семьянина и воспитателя Поленьки, человека, пытавшего на практике развивать экономику края. Его «Записки о Сибири» являются программой развития нашего края.

Так, некогда взяв на себя ответственность свою жизнь посвятить людям, проживая в Ялуторовске в качестве государственных преступников, декабристы по-прежнему продолжали в силу своих возможностей помогать конкретным людям. При этом они оставались обычновенными людьми – влюблялись, венчались, воспитывали детей. Но и здесь оставались на высоте, вызывая невольное уважение к себе своими отношениями, не только друг к другу, но и к окружающим. И сегодня их добродородочность, чистота помыслов, верность взятым на себя обязательствам заслуживают право являться примером для современников.

Тайные общества и ялуторовские декабристы

Мы проживаем нашу жизнь как кому повезет, и редко задумываемся над тем, насколько слаб человек. А ведь он действительно очень уязвим и не только перед стихиями природы. Наверное, поэтому он всегда стремится быть в коллективе, начиная с момента своего появления на Земле – человеческое стадо, первобытное общество, любой другой общественный строй, рабочий коллектив, различные социальные общества и организации – можно долго

перечислять. Например, в России в начале девятнадцатого века начали появляться различные общества, легальные и тайные – политические, военные, экономические, масонские, литературные, музыкальные, художественные и другие. Состоять в каком-нибудь обществе, а особенно тайном стало просто модным. Людей объединял не только социальный статус, но и устав, общие собрания, касса. И потом просто-напросто всегда очень радостно встречаться

с единомышленниками, чувствовать, осознавать, что в жизни появилась какая-то значимая цель...

И вдруг Российской Император Александр I в 1822 году запретил все тайные общества в государстве – отныне все они обязаны были официально зарегистрироваться. Объясняется все это очень просто – Государю стало известно о существовании декабристских обществ (конечно, так они в то время еще не назывались) с их далеко идущими планами. Когда у него на столе появились списки заговорщиков, он сразу издал запретный Указ. А над будущими декабристами установил негласный надзор, поэтому остановилась их военная и гражданская карьера, но конкретных карательных действий по отношению к ним он никаких не предпринимал, считая себя невольным виновником появившихся мечтателей о счастливом государстве.

Ведь сам он не только мечтал о благоденствии России, но и предпринимал конкретные для этого шаги – писалась Конституция - Уставная грамота, создавались проекты освобождения крестьян от рабства. То есть он пытался реализовать то, о чем только мечтали заговорщики в своих тайных обществах. А сколько таких организаций существовало? И какие цели они ставили перед собой? Вот об этом и пойдет речь в данной статье. Поскольку любые исторические факты всегда лучше воспринимаются через конкретных людей, то мы с вами попутно еще и изучим вопрос, в какие тайные общества входили ялуторовские декабристы.

Мы не станем рассматривать так называемые преддекабристские, ранние организации, хотя и таких существовало четыре – офицерская артель в Семеновском полку, в которой состояли ялуторовские декабристы М.И. Муравьев-Апостол и И. Д. Якушкин; «Священная артель», членом которой являлся И.И. Пущин; «Орден русских рыцарей» и Каменец-Подольский кружок Владимира Раевского - мы лишь остановимся на непосредственно декабристских. И первое тайное декабристское общество называлось Союзом спасения или Союзом истинных и верных сынов Отечества. Как гордо звучит! И цели общества были созвучны названию.

Немного-немало они мечтали переустроить мир по законам добра и справедливости. А одна цель прошла красной строкой через все тайные общества декабристов - уничтожить рабство, а самодержавие заменить или конституционной монархией или республикой. Хотя, конечно, речь о республиканской форме правления появилась уже гораздо в более поздних организациях. Создавали «Союз спасения» 9-го февраля 1816 года всего шесть человек - Александр Николаевич Муравьев, Сергей Петрович Трубецкой, Матвей Иванович Муравьев-Апостол, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, Иван Дмитриевич Якушкин, Никита Михайлович Муравьев в Петербурге на квартире братьев Муравьевых-Апостолов в военной казарме. И среди них участвовали двое ялуторовских де-

кабристов – Якушкин и Муравьев-Апостол.

В первый союз могли входить только офицеры высших чинов, постепенно состав расширялся, но очень осторожно принимали новых членов. Если цели организации хорошо представляли себе все участники этого узко корпоративного первого тайного общества, то методы деятельности для достижений задуманного они никак не могли выбрать. Основная масса декабристов отвергала государственный переворот, насилие, их пугали ужасы Французской революции.

Большинство из них уповали на работу по постепенному перерождению людей, они намеревались критиковать лихоимство власти имущих и другие частые беспорядки, планировали заставить действовать правительство согласно с интересами для «общего блага народа», стремились постепенно расширять состав заговорщиков. Павел Иванович Пестель, вступив в это общество, разрабатывал устав организации, в котором помещалась клятва для новых членов на кресте и евангелии, цели и методы деятельности и, конечно же, предполагаемая кара за предательство: «яд и кинжал везде найдут изменника». Этот документ не сохранился, при создании нового общества сами члены тайного общества его сожгли.

Просуществовал «Союз спасения» недолго, чуть больше года. Да и членов насчитывается всего лишь тридцать человек, и все они принадлежали к элитному офицерству. Из ялуторовских декабристов в него входили трое. Как уже говорилось выше Иван Дмитриевич Якушкин и Матвей Иванович Муравьев-Апостол основывали это общество. А Иван Иванович Пущин вступил в «Союз истинных и верных сынов Отечества» летом 1817 года – его принял Иван Григорьевич Бурцов – полковник, командир Украинского пехотного полка. Иван Иванович, в отличие от Ивана Дмитриевича и Матвея Ивановича, активной роли в первом обществе не играл.

Кульминацией деятельности заговорщиков первой организации явился так называемый Московский заговор: в 1817 году царский двор переехал на год из Петербурга в Москву в связи с закладкой на Воробьевых горах Храма Христа Спасителя, для благодарения Бога за победу в Отечественной войне 1812 года. Два гвардейских полка сопровождали царский двор, среди них оказались практически все заговорщики. В Москве они собирались то у Александра Николаевича Муравьева, то у Михаила Александровича Фонвизина. Очень упорно ходили сплетни, что Александр Первый настолько увлекся границей, что даже столицу России хочет перенести в Польшу. Вот тогда-то и появилась идея устранения Государя Императора.

Способов предлагалось несколько, Иван Дмитриевич положил конец спорам, взяв на себя предполагаемое цареубийство. Конечно, как дворянин, он и не мыслил другого способа кроме дуэли. Но Царь был первым среди равных, а нижестоящий дворянин не мог вызвать

на дуэль вышестоящего по социальной лестнице. Поэтому Якушкин замыслил взять два пистолета и, выстрелив из одного в Императора, из другого намеревался застрелить себя. И хотя в роли цареубийцы предлагали себя и А.Н. Муравьев, и Н.М. Муравьев, и Ф.П. Шаховской, после жарких споров все члены общества эту идею отвергли и решили закрыть работу первого общества. Взамен него решили создать новое для того, чтобы привлечь в него гораздо больше участников для работы по усовершенствованию каждого члена будущего справедливого общества. Конечно, они начинали с себя, так как свято верили в то, что назначение человека в жизни – составлять блаженство многих людей. Не зря многие последующие поколения назовут их утопистами...

Но резко закрыть работу одной тайной организации и начать деятельность другой не предполагалось возможным, поэтому для того, чтобы не прекращалось пополнение новыми членами, Никита Михайлович Муравьев и Павел Александрович Катенин в октябре 1817 года создали новую тайную декабристскую организацию «Военное общество». В нем проходили проверку на чистоту помыслов. Члены «Военного общества» выучили наизусть стихи П.А. Катенина:

«Отечество наше страдает
Под игом твоим, о, злодей,
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Ах, лучше смерть, чем жить рабами.
Вот клятва каждого из нас!»

Они вырезали на клинках своих шпаг надпись: «За правду». Членам военного общества не открывалось существование Союза спасения и не объявлялась политическая цель. Они платили взносы для вдов и сирот погибших на поле боя солдат да изредка собирались на квартире у А.Н. Муравьева, который осторожно критиковал действия правительства, стараясь выявить образ мысли каждого, для того, чтобы отсеять ненадежных. Со временем, некоторые члены отсеялись, а те, кто не изменил свои убеждения, вступили в третье тайное общество – «Союз благоденствия», которое начало действовать после роспуска «Военного общества» в январе 1817 года.

В новое, третье тайное декабристское общество из девяти ялуторовских декабристов не входили только трое – В.К. Тизенгаузен, В.И. Враницкий и А.И. Черкасов. Семь являлись его членами и некоторые из них играли в нем активную роль. Так, Иван Дмитриевич Якушкин входил в Коренной совет, принимал участие в Петербургском совещании 1820 года и Московском съезде 1821 года. Матвей Иванович Муравьев-Апостол также являлся членом Коренного совета и участвовал в Петербургском совещании 1820 года.

Цели общества оставались прежними – уничтожить рабство в России, ограничить самодержавие Конституцией. И на первом этапе

тоже намеревались действовать через формирование общественного мнения. Причем время на изменение этого мнения определялось довольно длительное – от двадцати до двадцати пяти лет, конечной датой революции оговаривался 1840 год. Существовало третье тайное декабристское общество три года. Элементов игры в нем значительно поубавилось. Принятый устав, названный по цвету тетради, в которой излагался, а может и по тому, что зеленый цвет символ надежды – «Зеленой книгой», зафиксировал не только организационное построение, но и четыре метода конкретной деятельности.

По организационному принципу Союз благоденствия делился на главные управы в Петербурге, Москве и Тульчине, учредившие в свою очередь не менее трех побочных управ (отделений). Главной из них считалась Коренная, находилась она в Петербурге. Но были управы и в Киеве, Кишиневе, Тамбове, Полтаве, Нижегородской губернии.

В отличие от первой тайной организации, в эту могли вступать не только военные, но все мужчины, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Не только дворяне, а также купцы, мещане, духовные лица и свободные крестьяне. И даже допускалось участие дам для распространения идей Союза. Членов уже насчитывалось более двухсот. А если взять во внимание такие его филиалы, как литературные общества «Зеленая лампа» и «Вольное общество любителей российской словесности» и ланкастерские школы – то количество пассивных участников достигнет полторы тысячи. Но эти «невольные» члены о действительных целях заговорщиков ничего не знали. Да и мало кто знал подлинные цели Союза Благоденствия, изложенные во второй части «Зеленої книги».

Формировать общественное мнение заговорщики должны были по четырем направлениям, стараясь действовать уже не только теоретически, но и практически – человеколюбие (медицина, благотворительность, оказание помощи молодым и старым и в местах, «где страждует человечество» – тюрьмы, остроги и прочие соответствующие заведения), образование, юриспруденция и экономика. Так, в записке, найденной у активного деятеля Союза благоденствия Федора Николаевича Глинки, говорилось о том, как он должен был действовать, состоя в членах Союза благоденствия. Он записал для себя: «Порицать: Аракчеева и Долгорукова) 2. Военные поселения), 3), рабство и палки, 4) леность вельмож, 5) слепую доверенность к правителям канцелярий, 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты, 7) крайнюю небрежность полиции при первоначальных следствиях. Желать: открытых судов и вольной цензуры. Хвалить: ланкастерскую школу и заведение для бедных у Главильщикова. Примерно такими же правилами руководствовались все члены Союза благоденствия.

Многие декабристы проявили себя блестательно во время деятельности Союза (1818-

1821). Они подавали царю записки о вреде крепостного права, оказывали конкретную материальную помощь, противоборствовали беззакониям царского суда. Но только один из них, ялуторовский декабрист Иван Иванович Пущин, даже ушел с воинской службы (в лейб-гвардии конной артиллерии он дослужился до поручика) и начал служить в суде. Он вообще сначала намеревался пойти на службу в полицию квартальным надзирателем, но сестра его отговорила. В июне 1823 года его назначили сверхштатным членом в Петербургскую уголовную палату, а в конце года он стал судьей Московского надворного суда. Пушкин не зря посвятил Пущину стихи:

Ты, освятив собой избранный сан,
Ему в очах общественного мнения
Завоевал почтение граждан.

Иван Иванович, действительно, много сделал для того, чтобы возвысить и облагородить этот род службы. И еще один ялуторовский декабрист проявил себя в это время - Николай Васильевич Басаргин. Он активно участвовал в освобождении от крепостной зависимости двух беглых дворовых девушек. Никакие уговоры не могли заставить жестокого помещика отпустить их на волю. И тогда декабристы обратились к общественному мнению – предали дело широкой огласке. И девушек освободили!

Как Московский заговор 1817 года явился кульминацией деятельности Союза спасения, так и Петербургское совещание Коренной управы 1820 года и Московское 1821 года явились самыми яркими актами действий общества и подвели его к завершающему этапу существования. Якушкин приехал в Петербург в декабре 1819 года, и резкая неудовлетворенность членов ходом дел в Обществе бросилась ему в глаза. Он признал, что Союз благоденствия, особенно в Петербурге, достиг значительных результатов, и отметил сильный численный рост его членов. Он полагал, что «общественное мнение» в столице было создано. Но все это казалось уже незначительным, поэтому многие члены покидали общество, не видя конкретных действий. И два совещания Коренной думы – Петербургское 1820 и Московское 1821 как раз и решали вопросы по основным действиям Союза благоденствия.

В январе 1820 года собирались на холостяцкой квартире Федора Николаевича Глинки, которая находилась в центре Петербурга. Внизу размещалась адресная контора, поэтому дом часто посещали, и в целях конспирации он был очень удобный. В совещании участвовали все активные заговорщики – П.И. Пестель, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Н.М. Муравьев, М.С.Лунин, князь Долгоруков, И.Д. Якушкин. Председательствовал на совещании Коренной управы знаменитый художник-медальер граф Федор Толстой. В докладе Павла Ивановича Пестеля убедительно говорилось о плюсах и минусах монархии и республики. Против его доводов никто не мог устоять, и в заключении совещания большинство проголосовали за респу-

блику – Так называемая «сокровенная цель» общества. Теперь предстояло решить, какими методами ее добиваться. П.И. Пестель и Н.М. Муравьев начали работу над своими Конституциями.

Способы действий приняли на совещании Коренной управы в Москве в 1821 году. Но этот же съезд принял и решение о закрытии третьего тайного общества декабристов и о создании нового. Всего год прошел с момента петербургского решения о главной цели – создания республики, но за это время произошли очень многие изменения не только в обществе, но и в России, и в мире. Россия никогда не стояла в стороне от мировых процессов. В 20-е годы девятнадцатого столетия в Европе заполыхали революции. В Испании 1820 года революционеры с помощью армии добились парламента и конституции. И в Неаполе в этом же году тоже с помощью армии провозгласили конституцию. А потом в Португалии!

Восстание в Петербурге, в октябре 1820 года, знаменитого Семеновского полка окончательно убедило декабристов в выборе новой тактике – военной революции. Нет, тактика формирования общественного мнения полностью не отвергалась, но жизнь заставляла действовать заговорщиков решительнее, быстрее. Съезд Союза благоденствия собрался через два с половиной месяца после восстания Семеновского полка. Накануне Ивана Дмитриевича Якушкина отправили на юг – в Тульчинскую и Кишиневскую управу для приглашения ее членов на съезд.

Заговорщики в этот раз собрались в Москве в начале января 1821 года на квартире братьев Фонвизиных – Михаила и Александра. Как когда-то на Московском совещании Якушкин пытался при выборе действия взять на себя главную задачу, стоящую в то время – устранение царя, так и теперь представитель Кишиневской управы Михаил Орлов предложил немедленно совершить военный переворот с помощью 16-й дивизии, которой он командовал. Но его, как в свое время Якушкина, не поддержали, и он порвал с обществом.

На совещании П. Х. Граббе сообщил, что об их обществе известно правительству, поэтому решили фиктивно ликвидировать общество, под видом ликвидации отсечь ненадежных и радикалов, в первую очередь П.И. Пестеля. Московский съезд прервал свои действия и собрал всех членов Союза благоденствия, находящихся в это время в Москве, для оповещения произошедших изменений. На нем президент Н.И. Тургенев объявил о роспуске Союза благоденствия. Но после этого Московский съезд еще продолжал работать, члены выработали новые цели и тактику. Теперь уже снова решили добиваться представительного правления – конституционной монархии при помощи войска. Но не сразу, как того хотел М. Орлов, а постепенно, прежде подготовив для этого воинские соединения. Так, с принятием новой цели и тактики, завершило свою деятельность

третье тайное общество декабристов «Союз благоденствия».

Из ялуторовских декабристов шесть человек были его членами – И.Д. Якушкин, М.И. Муравьев-Апостол, Е. П. Оболенский, И.И. Пущин, Н.В. Басаргин, и А.В. Ентальцев. Причем Якушкин, Муравьев-Апостол и Оболенский играли в нем значительную роль – все они состояли в Коренном совете общества. Матвей Иванович принимал активное участие в работе Петербургского совещания, а Иван Дмитриевич явился участником Петербургского и Московского совещаний.

После закрытия третьего тайного декабристского общества образовались четвертое и пятое – Южное и Северное общества практически параллельно. Декабрист Бурцов Иван Григорьевич, бывший на Московском съезде депутатом от южан, должен был известить Тульчинскую управу Союза благоденствия о его роспуске, так, чтобы Павел Иванович Пестель в это поверил и не узнал о создании нового общества не вошел в него, как ярый сторонник республики и сторонник цареубийства. Но подполковник Н.И. Комаров, вместе с Бурзовым участвовавший в работе Московского съезда, приехал первым и сообщил о роспуске союза. Возмущившись таким решением Московского съезда, начали поджидать И.Г. Бурцова. После того, как Иван Григорьевич прибыл и на квартире Пестеля объявил членам Тульчинской управы о закрытии Союза благоденствия, они создали свою новую организацию во главе с Пестелем. Так, в марте 1821 года появилось четвертое тайное декабристское Южное общество на Украине.

Оно включало в себя три управы – Центральную в Тульчине во главе с Павлом Ивановичем Пестелем, Васильковскую, руководимую Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, Михаилом Павловичем Бестужевым-Рюминым и Каменскую, предводительствуемую Василием Львовичем Давыдовым и Сергеем Григорьевичем Волконским. Этими управами руководила Директория во главе с П.И. Пестелем, А.П. Юшневским и Н. М. Муравьевым. Но когда Никита Михайлович уехал в Петербург, третьим правителем дирекции стал Сергей Иванович Муравьев-Апостол. Принимали в новое общество только военных и предпочтительно высокого звания – с целью в нужный момент привлечь к революционным действиям армии как можно большое количество поддающихся приказам солдат.

Основные цели Южного общества, изложенные Пестелем в конституции - «Русской правде» оставались прежними – уничтожение рабства и введение для всего российского народа единого закона. Автор «Русской правды» Павел Иванович Пестель признавал только одну новую форму правления в государстве – республику. Методы достижения цели оставались прежними – военная революция. Для народа – без народа. Ради благоденствия народа он готов был применять крайние меры в управле-

нии – наряду с предоставлением демократических свобод он планировал тотальную слежку и лагеря, что так успешно позаимствовал и применил при создании республики В.И. Ленин. Шесть ялуторовских декабристов входили в состав Южного общества – М.И. Муравьев-Апостол, Н.В. Басаргин, А.В. Ентальцев, В.К. Тизенгаузен, В.И. Враницкий, А.И. Черкасов.

Пятое тайное общество декабристов – Северное – появилось позже, чем Южное. Южане, взяв за тактику действий подготовку армии к революционному выступлению, опять-таки смотрели на Европу: в Испании революционная армия, выступив на окраине, окончательно победила лишь тогда, когда взяла власть в столице – Мадриде. Россия огромная, начинать с окраин бессмысленно, необходимо начать действовать в центре, в Петербурге. И в столице осенью 1822 года создалось Северное общество. В него входили только двое ялуторовских декабристов – Евгений Петрович Оболенский и Иван Иванович Пущин.

Северное общество не делилось на управы – все члены его жили в Петербурге. Управляла всеми делами Дума во главе с Н.М. Муравьевым и Н.И. Тургеневым. Цели общества подробно излагались в «Конституции Никиты Муравьева». Также в ней говорилось об уничтожении рабства, но отличие от «Русской правды» Пестеля формой правления провозглашалась не республика, а конституционная монархия. Полевела платформа Северного общества лишь тогда, когда к власти пришел Кондратий Федорович Рылеев, принятый в тайное декабристское общество И.И. Пущиным. Как и Е.П. Оболенский, они принадлежали к более радикальному крылу общества, выступали за республику, за освобождение крестьян с землей и за бесцензовую конституцию. Никита Михайлович строго придерживался установки, что к власти должны прийти богатые.

То есть даже в одном обществе существовали серьезные разногласия, а что уж говорить о двух? Напрасно Павел Иванович Пестель долго пытался объединить Южное и Северное общества, так это ему и не удалось сделать до самого ареста. А арестовали его 13 декабря 1825 года, накануне восстания на Сенатской площади.

Помимо рассмотренных нами пяти тайных декабристских организаций, существовало тайное декабристское Общество Соединенных славян – шестое. Это общество берет свое начало с весны 1818 года. Созданное Петром Борисовым на Полтаве как «Общество первого согласия», оно развивалось параллельно и совершенно независимо от названных пяти тайных обществ. Потом оно стало называться Обществом друзей природы с республиканской программой. Имели свой устав и письменное клятвенное обещание, которое не сохранилось. Петр Борисов ненавидел крепостное право: «Несправедливости, насилие и угнетения помещиков, их крестьянам причиняемые, рождали всегда во мне подобное чувствование и укрепляли в моем уме либеральные мысли».

Но и эта форма тайного общества вскоре перестала удовлетворять. Поэтому в 1823 году братья Борисовы и шляхтич Юлиан Люблинский организовали новое Общество соединенных славян. Своей целью они ставили создание республики и объединение восьми славянских племен – России, Польши, Богемии, Моравии, Далмации, Кроации, Венгрии с Трансильванией, Сербии с Молдавией и Валахией. В методах достижения цели они не определились, лишь принимали новых членов. Но и здесь не преуспели – их едва насчитывалось 36 человек. В 1825 году при сборе войск 3-го корпуса в лагере при местечке Лещине М.П. Бестужев-Рюмин уговорил славян слиться с Южным обществом, несмотря на различие в программах – славяне были противниками военного переворота и диктатуры, опирались на народ. Из ялуторовских декабристов в Общество Соединенных славян никто не входил.

Остальные тайные общества, названные в ходе следствия по делу декабристов, были совсем незначительными, иной раз просто существовали на бумаге – Орден восстановления Д.И. Завалишина, Общество в Кронштадском флоте Рылеева, Общество в гвардейском экипаже И. И. Завалишина, Общество Польское, Общество тамплиеров, Общество вольных садовников, Общество кавказское, Союз практи-

ческий в Москве И.И. Пущина, Общество зеленой лампы Всеволожского и некоторые другие. Среди всех его членов только один ялуторовский декабрист – Иван Иванович Пущин. Когда его перевели на службу в московский суд, он хотел там учредить управу Северного общества. Но желающих не находил и для достижения цели он и составил Союз практический для того, чтобы его члены выкупали на волю чужих крепостных людей. Но только тех, кто этого пожелает. Но успеха это общество не имело.

Десятилетнее развитие тайных декабристских обществ завершилось двумя восстаниями декабристов – 14 декабря 1825 года пятичасовым выступлением представителей пяти полков на Сенатской площади в Петербурге и в январе 1826 года недельным выступлением Черниговского полка на Украине. Из ялуторовских декабристов в них принимали участие только трое: в Петербурге - Е. П. Оболенский и И. И. Пущин; на Украине – М.И. Муравьев-Апостол. Оказавшись в Ялуторовске на поселении в качестве отбывавших наказание, декабристы внесли существенный вклад в социально-экономическое развитие Сибири, не переставая все делать для достижения однажды поставленной цели – служению человеку, способствуя через это процветанию России.

Николай ПАЛОПЕЖЕНЦЕВ

История ялуторовских школ

(фрагмент части первой историко-статистического очерка «Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии», печатается по оттиску из 2-го выпуска «Ежегодника Тобольского Губернского Музея» за 1894 г.)

Глава I. Дошкольное время

Лета 7167, а по нашему счислению в 1659 году, тюменский воевода Федор Веригин послал тюменских пашенных крестьян Петрушку Ульянова и Елеску Гилева разыскивать удобные места для новых поселений*). Ниже устья Исети нашли они татарский городок Явлутур.

*) Основание Ялуторовска прекрасно описано воеводой Веригиным в донесении к царю, которое напечатано в Дополнениях к Актам Историческим.

Автор.

Городок этот вполне удовлетворял тогдашним требованиям колонизации и представлял, по описанию воеводы, вот какие удобства. Для поселянина тут было все необходимое: под скотский выгон ниже городка, подле Тобола – луг более, чем в две версты; для пашни и покосов места – по направлению к Тюмени более, чем на тридцать верст; для рыбных ловель – большие озера и истоки; кругом пашенных мест тянулись темные леса и места крепкие и болотные, и зыби непроходимые. Земля для пашни была хорошая, луга для покосов и скотских выпусков великие и травные. Как было тогдашнему пахарю не позариться на такое место? И действительно, охотников поселиться здесь нашлось много: пашенные и оброчные крестьяне

и служилые и беломестные казаки.

Кроме этих удобств для жителей, Веригин обратил еще внимание и на то, что через эти места пролегают дороги из Уфы и Казани в Тобольск, что по этим дорогам ездят всякие русские люди и татары в сибирские города для торговли всякими товарами, а также из Тобольска с товарами и промыслом с озер и хмелевых угодий.

Еще большие выгоды представлял Ялуторовск в стратегическом отношении: с двух сторон облегла река Тобол, с третьей лежит большое озеро Чать, от озера с четвертой стороны идут два рва, глубиною в три сажени, между рвами земляной вал до реки Тобола; следовательно и въездов в город имелось два: один – через рвы и вал, а другой, ввоз от Тобола, шел через ров же.

Итак, Явлутур являлся завидным местом для поселения: было чем кормиться пионеру, легко было сбывать произведения природы и, наконец – что было очень и очень нелишне в тогдашнее неспокойное время – его зарождающееся материальное благосостояние и гражданский быт в значительной степени ограждены были от нападения неспокойных степняков – соседей.

Все устроилось. Царь разрешил селиться, и казаки служилые и беломестные и крестьяне, пашенные и оброчные, в том числе, вероятно, и ялуторовские колумбы, Елеска Гилев *) и Петрушка Ульянов, прибыли в татарский городок Явлутур и поселились тут, основав ялуторовскую слободу.

*) *Верстах в пяти-шести находится целая деревня Гилева, фамилию же Ульяновых мы встречаем и теперь среди коренных ялуторовцев.*

Автор.

Ялуторовская слобода не была однажды первым русским поселением в Исетско-Тобольской низменности, занимаемой теперешним Ялуторовским округом. Еще в 1645 году в живописной местности на Иsetи благочестивым старцем Рафаилом был основан монастырь, названный именем основателя, а через пять лет был основан Исетский острог, с которым монастырь. В случае осады, мог переговариваться знаками, выставляемыми на колокольнях. В 1668 г. основаны были слободы: Суерская, Терсюкская и Бешкильская (на случай нападения – с надолбами и рогатинами), позднее – Красногорский острог (1671 г.) и слобода Ингалинская (1676 г.). Военное устройство, приданное мирным крестьянским поселениям, ясно свидетельствует, что селиться здесь было не совсем безопасно. Несмотря на это, русские выходцы оседали здесь. «Надобно взглянуть» - говорит историк Сибири*), - «на пространство, между Турой и Иsetью заключающееся, на эту живую трапецию с плодородною почвою, с текучими водами, с красивыми берегами, с веселыми местоположениями, которые сменяются увалами и наклоненными равнинами; надобно видеть, чтобы понять, сколь много было побуждений для во-дворений (здесь русских), которые сперва, как говорится, клик кликали, а после доброю волею с запада сбегались и приселялись тихомолком. Это пространство, само собой после насаждавшееся людьми, было рассадником для распространения русской населенности за Енисеем». Но на развалинах татарской культуры, даже при самых благоприятствующих условиях, эти два элемента, казаки и крестьяне, представляли ли хотя какой-нибудь залог умственного развития и гражданского преуспеяния? Казачество, вольное, как птица, нравственно разнужданное, не связанное никакими традициями, обладающее всеми пороками завоевателя, можно смело сказать, не имело никакого развивающего значения в зарождающемся ялуторовском обществе. В нем было много удали и предприимчивости (руководимой, впрочем, жадностью к материальной наживе), которые сослужили великую службу, как новой стране, так и старой их родине. Своими смелыми путешествиями внутрь еще неизведенной страны, своими важными открытиями и постепенным завоеванием Сибири записало удалое казачество свое имя на страницы истории, но для умственного и нравственного просвещения завоеванной страны оно ничего не могло дать, ибо, кроме беззаветной удали и молодечества, и само ничего не имело.

*) П.А. Словцов. *Историческое обозрение Сибири.*
Изд. 1886 г. Книга I-я, стр. 23.

Крестьянство же, слагаясь из беглецов от тягостей русской крепостной неволи, а впоследствии и рекрутских наборов, из сосланных за разные преступления, а также из пересыпаемых правительством для заселения вновь покоренной страны, - всех, одинаково забитых нуждой и трудом, - также не имело задатков для умственного просвещения, ибо семена грамотности, щедрой рукой бросаемые Владимиром, Святославом (? ред.) и другими князьями древней Руси, были уже заглушены из корнем вырваны на Руси татарским нашествием. С 1685 г. ряды сибирского крестьянства сильно пополнились старообрядцами, осужденными православными иерархами в лице папы Никиты Пустосвята. Большини толпами двинулись они за Урал в надежде под сенью могучих сибирских лесов укрыться от преследования властей и найти здесь все условия для мирного преуспеяния; впрочем, поселились они и в городах, особенно в Тюмени и Томске, расселились также и по Ялуторовскому округу. Этот новый элемент, полный энергии, стойкий в своих убеждениях, представлял наиболее данных для умственного развития: у них уже образовалась своя богословская литература, и старообрядческая книга в тысячах экземпляров путешествовала, читалась и переписывалась, начиная от Рогожского кладбища и кончая захудалой сибирской деревней. К сожалению, узость их умственных и религиозных воззрений, граничащих с самыми грубыми предрассудками и буквоедством, а также их замкнутость и нетерпимость явились тормозом на этом пути, хотя грамотность между ними была значительно распространена.

Единственное сословие в тогдашней Сибири, для которого грамотность была доступна и необходима, было духовенство, но когда оно появилось в Ялуторовске? Нравственная распущенность наших предков, о которых единогласно свидетельствуют все историки и путешественники, мирно уживалась с наружным благочестием, и основание церквей и часовен являлось первой обязанностью сибиряка – христианина в сей земной жизни: где устраивалось зимовье для сбора ясака, там ставился крест, а со временем и часовня; в слободе обязательно была часовня, а в поселении крепостном – церковь, в городах же, кроме церквей, устраивался часто еще и монастырь. Слобода Ялуторовская вскоре, вследствие опасности, угрожавшей от набега соседей – степняков, превратилась в острог, вскоре же появилась здесь и церковь христианская, а с нею и священнослужитель с церковником. Имело ли влияние на развитие образования или даже простой грамотности духовенство на первых порах своего появления, мы не знаем. Тогдашнее духовенство наше (не только сибирское, но и российское), за полным почти отсутствием училищ, не только не обладало образованием, но зачастую было совершенно безграмотно, и церковная служба в таких случаях совершалась наизусть. В актах даже

XVIII века часто вместо подписи священника писалось многозначительное: «он, поп, грамоте не умеет», более же стыдливые просили писать грамотных церковников и приказных: «он, поп, очами скорбен». Но как бы ни было малообразованно сибирское духовенство, оно все-таки вносило луч света в темную трудовую жизнь сибирского крестьянина. Свет этот заключался в знании церковных идей и в проведении их по мере возможности в жизнь христианского населения, а также в уничтожении грубых предрасудков, остатков язычества.

Было, правда, и еще сословие, от которого мы вправе бы ожидать грамотности и возможности распространения ея через посредство этого сословия: это - сословие служилое, но, во-первых, в Ялуторовской слободе представителей этого сословия не могло быть много, во-вторых, сословие это не отличалось в Сибири ни образованием, ни особенной грамотностью. «Сословие статское», - говорил Словцов в своем Историческом обозрении Сибири*), - «составляло свои длинные бумаги, как без порядка логического, так и грамматического склада, особенно при начальниках из иноземцев», а Шашков заявляет, что между официальными сибирскими документами XVIII века попадаются такие, что никак нельзя добраться до смысла. Само собой разумеется, что сословие, сидевшее над бумагами «без смысла логического» и «порядка грамматического», не могло явиться органом образованности, и Ялуторовской слободе, как и другим сибирским поселениям, суждено было отстать в отношении умственного просвещения не только от Европы, но и от России.

*) Том I-й, стр 288. Изд. 1886 г.

Около пятидесяти лет протекло с основания Ялуторовской слободы, как прибыл управлять сибирской митрополией святитель Филофей Лещинский, ревнитель духовного просвещения. При нем, в 1703 или 1704 году, возникло при архиерейском доме новое для сибирского населения учреждение – школа, встречаенная, впрочем, со стороны духовенства с полным равнодушием, так что митрополиту пришлось набирать в нее учеников, «поповских, дьяконских и церковнических детей», «понуждением». Очень может быть, что бывшие впоследствии священно-и церковно-служители в Ялуторовском остроге выходили из этой школы. Для этого же времени, при полном отсутствии училищ, грамотность распространялась среди духовенства семейным образом: отцы передавали своим детям, вернее сыновьям, умение читать и писать посредством церковной азбуки, уставом или полу-уставом переписываемой и представляющей собой камень преткновения для многих детских голов, может быть, и очень неглупых. Как только осиливалась эта первая и самая трудная для детского мозга работа, приступали к чтению псалтири и других церковных книг, вместе с тем и к пению, а некоторые и иконописи. Таким же путем грамотность переходила, может быть, и в другие сословия, но в самых

жалких размерах.

Заботы Петра и его сподвижников не ограничивались введением духовных школ. Для обновленной России требовалась теперь масса специалистов. С этой целью Петр в 1714 и 1716 годах издает строжайшие указы о необходимости обучения детей подъяческих и секретарских арифметике и геометрии, в противном случае не позволяет им жениться и, наконец, рассыпает по два учителя на губернию из математической школы графа Апраксина; но, во-первых, новость дела, малочисленность учеников, а также отсутствие губернатора и хлопотливое для сибиряков гагаринское следствие и, наконец, двойственность обязанностей учителей (кроме учительства они должны были составлять ландкарту губернии), - все это привело к тому, что посланные учителя не имели никакого влияния на развитие учебного дела в Тобольской губернии. Геодезическое образование вводится лишь между 1758 и 1763 годами: в это время в Тобольске открывается геодезическая школа, в которой преподается арифметика, черчение, геометрия, геодезия и архитектура. В царствование Петра много полезного сделали и пленные шведские офицеры: они явились здесь первыми пионерами европейского образования, обучая детей тоболяков живописи, музыке, черчению, танцам и немецкому языку, а один из них, фон-Врех, в 1714 году основал в Тобольске школу религиозного характера, в которой, по свидетельству г. Астафьева*), в последний год ея существования (1720 г.) обучалось 139 человек, в числе которых было много и русских и даже из самых отдаленных мест, но были ли ялуторовцы в числе учеников как этой, так и геодезической школы, нам, к сожалению, неизвестно; во всяком случае влияние этих школ отрицать нельзя.

*) Журнал Министерства Народного Просвещения 1888 г. Октябрь. Стр. 266. Сведения об этой школе встречаются мы и в трудах Пекарского «Наука и жизнь при Петре Великом» (T.II, стр. 12, 15, 30).

Глава II. Заказная духовная школа в Рафаиловском монастыре

(в этой главе описывается история созданной в 1761 году при тобольском митрополите Павле Конюскевиче первой школы в Ялуторовском округе, в 80 верстах от Ялуторовска, – латинской школы при Рафаиловском монастыре. – сост.).

Глава III. Ялуторовское уездное двухклассное училище

В 1782 году Ялуторовский острог был преобразован в город и поставлен во главе управления округом. К этому же времени относится и учреждение народных училищ.

Екатерина Великая глубже своих предшественников взглянула на дело народного образования, отлично понимая, что образование необходимо так же и простому народу, как и высшим классам и духовенству. Она видела также, что недостаточно цифирных, навигацких и геодезических школ, основанных Великим

Преобразователем и уже успевших пасть за время управления императриц и герцога-регента. Точно также и в духовных школах того времени с их схоластической мудростью не могла она видеть залога для преуспеяния великого дела просвещения нации, потопающей в невежестве: обновить дух народа она находила возможным лишь образованием общим, возвышающим душу и очищающим нравственные понятия. Справедливо вполне восклицали поэты ея времени:

*Петр Россам дал тела,
Екатерина – душу.*

Система задуманных ею училищ была такова. В уездных городах и больших селениях должны были открываться малые народные училища, имеющие два класса. В первом классе преподавалось чтение, письмо, изучение цифр арабских, славянских и римских, первоначальные правила русской грамматики, сокращенный катехизис и священная история; во втором классе – пространный катехизис, но без доказательств из священного писания, чтение «Книги о должностях человека и гражданина», вся арифметика, первоначальные правила русской грамматики и

повторялась священная история. В губернских и больших уездных городах открывались главные народные училища. В первых двух классах этих училищ проходилось то же, что и в малых, только вместо всей арифметики проходилась первая ея часть, а взамен второй части преподавались языки: латинский и «соседственный»; в третьем классе – пространный катехизис с доказательствами, изъяснение евангелий, вторая часть арифметики, русская грамматика, всеобщая история и география и каллиграфия; в четвертом классе предметы эти пополнялись основанием геометрии, механики, физики, естественной истории, архитектурой и рисованием. При преподавании введена была новая метода, которая вносила живость и наглядность и побуждала самодеятельность учащихся. О содержании этих училищ должны были заботиться приказы общественного призрения и сами города, которым Екатериною были дарованы значительные льготы.

В 1789 г. последовало в Тобольске открытие главного, а в Тюмени, Турийске и Таре – малых училищ. Средства Ялуторовска были в это время крайне скучны: с 1785 по 1790 год в приходе Ялуторовска не значится ни копейки, и только в 1790 –и г. поступило 130 р. 91 к., да в 1793 г. 43 р. 41 к., но эти деньги в те же годы и расходовались, на общественные нужды. На такие средства не представлялось никакой возможности содержать училище, и Ялуторовск без него и

остался.

Нельзя однокоже сказать, что дети ялуторовцев оставались безграмотными: частных учителей было много: дьячок, отставной солдат, выгнанный со службы приказный, а иногда и женщины, – все находили себе кусок хлеба в этом занятии. Мы имеем много архивных данных о существовании таких учителей, и впоследствии с ними немало пришлось бороться училищному начальству, яро приверженному к новым методам, с которыми частные учителя не были знакомы. В 1804 году в Ялуторовск прибыл «ссыпочный» малороссийский шляхтич Игнатий Осипович Ольшевский, уроженец Родомыслского уезда Киевской губернии, и занялся обучением детей чтению, письму, грамматике, арифметике и Закону Божию. Дело у него шло прекрасно, так как по образованию своему он был головою выше своих коллег-самоучек. Учеников было много, и он был любим как учениками, так и их родителями, и получил от них много одобрительных свидетельств. Учебное начальство также с уважением относилось к почтенной деятельности пришельца-педагога: директор училищ барон Эйбон, а впоследствии уже в Кургане его преемник Набережнин – выдали ему лестные аттестаты; имел он также аттестаты и от курганских смотрителя и учителей. Кроме похвальных аттестатов, данных Ольшевскому за деятельность в Ялуторовске бароном Эйбоном и местным обществом горожан и чиновничеством, мы, к сожалению, не имеем других данных о занятиях Ольшевского, но зато о Курганской его деятельности мы нашли кое-какие данные в курганском училищном архиве. Когда открылось курганское уездное училище (в 1817 г.), то, благодаря деятельности Ольшевского, явилась возможность открыть оба класса, и во второй поступили ученики Ольшевского, с довольно хорошим успехом подготовленные по Закону Божию, грамматике, арифметике и пра-

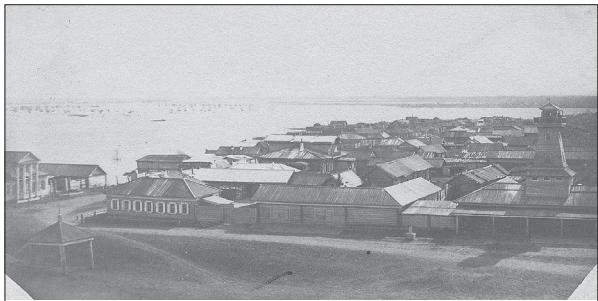

Сретенский собор. Фото М. Знаменского.
Конец 1850-х - начало 1860-х.

Мостик у берёзовой рощи. Фото М. Знаменского.
Конец 1850-х - начало 1860-х.

вописанию (?). В первый же год существования уездного училища смотритель Сосунов пожелал удостовериться в справедливости местных об Ольшевском отзывов. Он отправился в квартиру Ольшевского и нашел его занимающимся с детьми «высокоблагородными, благородными и прочих сословий», в том числе и с двумя своими дочерьми. Сосунов заметил «исправный метод» учителя и примерные успехи учащихся и, пригласив городничего, чиновников, граждан и родителей учеников, произвел испытание, и к общему удовольствию присутствующих дети оказали «изрядные» успехи. «Труды Ольшевского», - пишет Сосунов в одном из своих донесений, - «заслуживают внимания, как бескорыстные, объясняющиеся единственно искренним усердием к распространению народного просвещения». Воздаяние таких трудов и преклонной старости Ольшевского (он родился около 1757 года) директор хлопотал об облегчении его участия и назначении его приходским учителем. Приводим другой пример любви общества к Ольшевскому. Когда один из смотрителей, ярый преследователь частного преподавания, задумал закрыть и школу Ольшевского, то возбудил всеобщее неудовольствие, и городничий принужден был от имени чиновников и граждан письменно заявить смотрителю, что

Каланча. Фото М. Знаменского.
Конец 1850-х - начало 1860-х.

родители отказываются отбирать от Ольшевского своих детей и отдавать в уездное училище, так как там, в уездном училище, плохо учат и с детьми обращаются жестоко. Такова была школа Ольшевского в Кургане. В Ялуторовске она существовала с 1894 по 1809 год и, вероятно, была не хуже курганской. Под конец судьба улыбнулась «несчастному» (так называли его во всех официальных бумагах), и он был допущен приходским учителем «на сторожевское жалованье» - 6 р. 50 к. ассигнациями.

В декабре 1814 года в Тобольск прибыл новый директор училищ Адам Иванович Арнгольд, бывший казанский профессор. Первою заботою нового директора было устройство уездных училищ во всех городах губернии и приходских – не только в городах, но и в селах. С этой целью он совершил поездку по губернии в следующем же году. Он посетил все города, ревизуя училища, где они были, и убеждал жителей заводить их, где не было. Посетил он с этой целью и многие села. В Ялуторовске однажды он не имел успеха: город был немного

богаче прежнего и не мог ничего уделить на содержание училища из своих скучных средств. В округе он добился большего: Новозаимское, Кизакское и Слободо-Бешкильское комиссарства изъявили желание иметь училища и обязались выстроить для них дома, отоплять и освещать их и отпускать на содержание училищ по 250 руб. в год; Юргинское и городовое комиссарства от заведения училищ отказались. В том же году между губернатором и директором произошла ссора, и фон-Брин (губернатор) всеми силами стал препятствовать осуществлению благородных начинаний горячего директора. Уездная администрация первая заметила это и также на каждом шагу стала тормозить это дело. Ялуторовский исправник в особенности не подавал никакой надежды на устройство училищ в округе, объясняя это тем, что «крестьяне заняты были уборкою хлеба и кошением трав, отдаю в запасные магазины экономического хлеба и оплатою податей и прочих повинностей по воинскому набору рекрут, а, неустановлению зимою (от бывших больших снегов) дорог, почитали за невозможное вывозить лес, а ныне до того истощили свой скот, что и не в состоянии на лошадях своих возить лес». В городе однажды, несмотря на категорический отказ горожан заводить училище, Арнгольду удалось убедить горожан устроить подписку, которая и дала 250 руб.; кроме этого, он убедил мещанина Быкова выстроить для училища каменный о трех покоях дом, а затем обратился к ратуше с предложением завести и приходское училище. «Жалованье учителю», - писал он, - «не более будет стоить 200 р., дом же для приходского училища теперь не нужен, так как на первый случай дети могут обучаться в здании, построенном благотворителем Быковым, где есть для помещения училища довольно просторный покой». Ратуша от содержания училища отказалась, и на выручку явился тот же Быков: он внес в ратушу 300 руб. с тем, чтобы давать их взаимообразно нуждающимся, которые при возвращении долга обязаны были известный процент приплачивать в пользу училища. В начале 1817 года Арнгольд был уволен, несмотря на защиту профессоров-следователей, и столь горячо и плодотворно начатое им дело стало разрушаться; в Ялуторовске оно заглохло бы, без сомнения, и совсем, если бы не пожертвование Быкова.

Алексей Данилович Быков, по своему положению и для того времени, был человек замечательный. Состоя на службе у частных лиц (по откупам) и не имея выдающегося состояния, он не жалел однажды своих маленьких средств, добытых службой, для дел общественных: он окончил постройку собора, почти на свой счет выстроил каменную Вознесенскую церковь, построил здание для училища, которое с обстановкой стоило ему до 3 1/2 тысяч рублей, и, наконец, первый подал руку помочи зарождающемуся приходскому училищу, пожертвовав на его содержание небольшой капитал. Совершенно справедливо говорил в представлении училищному совету, что «Быков, при весьма

малом достатке своем, первый в губернии знатную часть из своего имущества уделил в пользу просвещения и благолепию церквей». Быков не ограничивался материальными жертвами, а посвятил и ум свой и честность делу общественного служения: в Ялуторовске он состоял городовым старостой, служил заседателем приказа общественного призрения, где ему вверялись весьма значительные суммы и, наконец, много раз избирался депутатом от города по различным делам, - все эти обязанности он исполнял с пользой для города и общества. По образованию своему он, без сомнения, стоял выше купцов и мещан того времени. В архиве тобольской гимназии мы нашли бумагу, собственно ручно писанную Быковым: почерк, орфография, правильность и отчетливая ясность в изложении мыслей свидетельствуют об его начитанности и значительном образовании, которого он достиг, может быть, собственными тяжелыми усилиями. За свои пожертвования он награжден был серебряной медалью на Владимирской ленте для ношения на шее, с надписью: «за полезное».

21 октября 1817 года, через полтораста лет после основания города, происходило торжественное открытие уездного училища. После обедни все городское духовенство, в сопровождении учеников с директором и смотрителем во главе, дворян, чиновников и граждан, крестным ходом отправилось во вновь устроенное мещанином Быковым училищное здание, и здесь был отслужен молебен. При провозглашению многолетия царствующему Императору было сделано 11 пушечных выстрелов. После молебна директор прочел данное директору училищ от казанского университетского совета предписание об открытии училища, а директор – статьи устава, относящиеся к уездным училищам. Затем говорились приветственные и благодарственные речи самим смотрителем и учениками. Между речами производилось ученикам, которых собралось 26 чел., преподавание разных предметов. Торжество закончилось пением песни: «Тебе, Бога, хвалим», и все были приглашены на завтрак к благотворителю училища Быкову. Между присутствующими открыта была подписка в пользу приходского училища, которая и дала 105 р. Некоторые жертвовали

книги, географические карты, портреты Государя Императора, а смотритель Лепехин пожертвовал электрическую машину. На первый раз открылся один первый класс с 30 учениками. (Когда открылся приходской класс, мы не могли найти в архиве гимназии. Надо думать, - в 1819, так как при посещении училища Словцовым в 1820 г. он уже существовал). Вечером весь училищный дом был иллюминирован, и перед окнами были выставлены 3 прозрачных щита из разноцветных стекол с вензелевыми инициалами Их Императорских Величеств.

Ялуторовское уездное училище открыто было по уставу 1804 года. Изменения, совершившиеся в курсе екатерининских училищ, были весьма значительны. По уставу 1804 года становилось обязательным иметь в каждом городе хотя одно уездное училище, предназначавшееся, как видно из самого названия, для целого уезда, в меньших же единицах, - приходах должны были открываться приготовительные училища: приходские (по тому же уставу), церковно-приходские (с 1805 г.), волостные (с 1830 г.) и удельного ведомства (с 1832 г.). Все эти училища сливались в одну довольно стройную систему: приходские училища, давая более или менее законченные знания, в то же время служили и первою ступенью для поступления в уездные училища, а окончившие курс в уездном могли поступать в гимназию. Уездные училища по-прежнему состояли из двух классов, а преподавание было классное, но курс был значительно увеличен, введены были новые предметы, как-то: география и история всеобщая и русская, начальные правила геометрии, физики, естественной истории и технологии, имеющей отношение к местной промышленности. Преподавателей было два. И один из них был и смотрителем училища. Жалованья смотрителю положено было 400 руб., учителям по 300 руб., и, кроме того, им добавочных за преподавание Закона Божия и рисования по 100 руб. Первым смотрителем училища был Лепехин, окончивший курс в Тобольской семинарии и бывший до того учителем тюменского малого народного училища, а первым учителем первого класса – Васильев, семнадцатилетний юноша, только что окончивший тобольскую гимназию. Преподавать Закон Божий поручено было Васильеву, а рисование – Лепехину. Учиться рисованию пошло 15 человек.

.../

От редакции: Этот очерк принадлежит перу Николая Ивановича Палопеженцева, педагога, краеведа. В 1883-1885 гг. – учителя чистописания, черчения и рисования Ялуторовского уездного училища. Позднее – штатного смотрителя Ялуторовских училищ.

Перекрёсток. Фото М. Знаменского.
Конец 1850-х - начало 1860-х.

Валентина ШЛЫКОВА
(г. Ялуторовск)

Школьные годы чудесные...

Все мои детские годы прошли в маленькой деревеньке Кирьяновой Исетского района. Там же в 1962 г. я пошла в первый класс. Школа была начальная, дети учились здесь только 4 года – с 1 по 4 классы. Школа малокомплектная, это значит, что все учащиеся находились в одном помещении. Но и учеников в одном классе было всего 3-4 человека, иногда один. В моём классе было 3 ученика – Коля Зубарев, Юра Пырёв и я – Валя Рычкова. Первой моей учительницей была Феоктиста Александровна, фамилии её я уже не помню. После нее была Глазунова Тамара Степановна. С Тамарой Степановной мы общались до самой ее смерти. И сейчас, когда я бываю на кладбище в Ялуторовске, обязательно захожу на ее могилку. Эти две женщины научили нас не только читать и писать. Помню, разыгрывали сценку про «Муху-Цокотуху». Я была мухой-цокотухой, комарик – Володя Зеленин, он учился классом старше. Из песен помнится только «У дороги чибис» и песенка о школьной тропинке:

«Тропинка, тропинка,
Тропинка школьная моя».

С этой песней мы ездили в Скородум (Рассвет), выступали в клубе, так сказать, на «большой сцене».

В нашей большой семье все любили читать. Это идет от мамы – Елизаветы Васильевны Рычковой (Зелениной). Наш отец – Андрей Михайлович Рычков – был не грамотным, а мама закончила в свое время 4 класса Кирьяновской школы, больше учиться ей не довелось. Но и этого ей хватило, мама помнила наизусть сказки Пушкина и рассказывала их нам. И со счетом у нее было тоже все хорошо, это помогало ей в жизни – она и весовщиком какое – то время работала, и молоко принимала на «молоканке».

Из книг той поры запомнились только две. Это «Девочка из города», где рассказывается о девочке Валентине, об эвакуации, о том, как девочка из большого города попала в большую деревенскую семью, и все ей было удивительно, что моются не в ванне и даже не в бане, а в русской печке, и что теленочек находится в доме, и то, что дедушка проращивает зерна пшеницы (или ржи) на подоконнике. А в книге «Старшая сестра» рассказывается о девочке Зине, о том, как она и ее младшие остались без мамы, как нелегко им жилось с тёткой, которую отец «выписал из деревни».

Попробую описать саму школу. Школа стояла на краю деревни, на въезде, если ехать из Скородума (Рассвета). Вокруг была площадь, заросшая травой-конотопкой, «рёлка» - так она у нас называлась. На этой рёлке летом мы играли в мяч – в «штандер», бегали, кричали. Наверно, была какая-то ограда вокруг школы, этого я не помню. Школа деревянная, высокая. Большие, крытые сени, во всю длину здания (там храни-

лись дрова). Несколько широких ступеней – и вот дверь в класс. Слева от двери была круглая печка. Справа – небольшая черная доска, дальше – стол учителя. Два окна, одно выходило на рёлку, второе – на дорогу. 3 ряда парт – громко сказано – ведь в каждом ряду 3-4 парты. Один ряд – один класс. Первоклассники всегда сидели отдельно. А вот 3-4 классы могли сидеть на одном ряду. И как же сложно было учительнице проводить уроки – одни считают, другие читают, третья пишут. Все одновременно!

Как принимали меня в октябрята – не помню, а вот приём в пионеры – запомнился. В пионеры принимали достойных – чтобы и поведение и учёба были на хорошем уровне. Пионеры – внуата Ильича, поэтому приём был накануне праздника – 7 ноября, в этот день произошла Революция, и долгие годы этот день был «красным днем» в календаре. Видимо, приём в пионеры состоялся вечером, потому что за окнами было темно, а значит и наши родители могли присутствовать на торжестве. Было очень волнительно, мы стояли у доски, на сгибе руки держали красный галстук. После того, как мы прочитали наизусть торжественное обещание, старшие товарищи – пионеры повязали нам – новичкам галстуки. Галстук – это косынка красного цвета, большая часть уходила на спину – это партия, спереди кончики косынки завязывались узлом, тот кончик что подлиннее – комсомол, а тот, что покороче – пионерия. Узел обозначал единение. Красный цвет – цвет революции, цвет крови, пролитой за лучшую жизнь.

По окончании каждого класса выдавался документ – ведомость об успеваемости, где выставлялись четвертные и годовые оценки.

Вот и закончила я начальную школу. Было это в 1966 г., как закончила, уже не помню, помоему отличницей – на одни пятёрки, а может, где и проскочила четвёрочка?

И с 1 сентября 1966 г. началась моя новая школьная жизнь – в другом селе, в другой школе – Рассветовской 8-летней. Школа была большой, деревянной. По коридору слева шли классные комнаты, в противоположном конце от входа – учительская. Рядом с учительской наш класс. Класс большой, просторный, светлый. Окна выходили на две стороны, окна большие, поэтому света хватало. Коридор в школе был широким – в нём проходили и пионерские линейки, и сбор всей дружины, и новогодние ёлки. И наш выпускной, я помню, как стояли наши мальчишки вдоль стеночки в этом коридоре во время танцев. Танцевать умели многие, но стеснялись. В этом же коридоре, справа от двери, был буфет. Чем уж там кормили, не помню, верней всего, что у меня денежек не было, чтоб там что-нибудь прикупить. Во дворе школы была небольшая избушка – флигелёк. Там был камин, на котором уборщицы подогревали

воду для мытья полов. Там же проходили наши уроки домоводства, где мы учились готовить самые простые блюда – яичницу, винегрет. Продукты приносили из дома – кто что мог. Мальчишки занимались в столярной мастерской, могли самостоятельно выточить скаку, пестик. Мастерская тоже находилась во дворе школы. Был ли при школе спортзал, не помню, а вот как на улице прыгали в длину – припоминаю.

Начала я себя осознавать только в 6 классе. Пятый никак не отмечался в моей памяти, видимо, не так это просто начинать всё с чистого листа.

Классным руководителем у нас была Нина Филипповна Кунгуррова. Она вела у нас историю и немецкий язык. Позже, когда иностранные языки запретили преподавать педагогам, не имеющим специального образования, немецкого у нас не было, только в 8 классе появился учитель иностранного, но время было упущено. Кроме начальных – счёт от 1 до 10, «стол», «стул», «встать», «домой» - ничего я и не знаю из немецкого.

Директором школы был Николай Корнилович Шешуков. По-моему, математик. Высокий, худощавый, прямой, в строгом чёрном костюме. И сам строгий, от одного его взгляда дрожь пробивала, даже если и вины за собой не чувствуешь.

Его жена, Валентина Нилонтьевна, вела у нас русский язык и литературу. Она была прямой противоположностью своему мужу – полноватая, круглоголицая, добродушная, небольшого росточка.

Учителя в школе менялись часто, было много приезжих – поработают, выйдут замуж и уедут. Запомнилась мне учительница ботаники – Нина Ивановна, фамилии, увы, не помню. У Нины Ивановны была необычная походка – она совсем не размахивала руками при ходьбе, так и шла пряменько, как солдат на посту стоит. В то время, а это и был, наверно, 1969 год, вышел на экраны фильм «Человек – амфибия». Нина Ивановна нам говорила: «девочки, обязательно посмотрите этот фильм – там показан богатый подводный мир».

Учительница по рисованию – Альбина Ивановна Вешкурцева – из местных, она приходилась нам родственницей. Ну, и конечно, Людмила Николаевна Михайловская (Кубасова по мужу). Она тоже вела русский язык и литературу. При ней у нас организовался певческий кружок, даже платья одинаковые шились, из простого ситчика, сами же девчонки и шили на уроках домоводства. С Людмилой Николаевной недавно встретились в музее г. Ялуторовска, поговорили, повспоминали. Оказывается, наш класс был ее первым выпускным классом, а я уже и забыла, кто у нас был классным руководителем, после того как Нина Филипповна ушла в декретный отпуск. Людмила Николаевна тоже из приезжих, а жизнь свою навсегда связала с селом Рассвет. Была завучем, директором школы, председателем к-за им. Ленина, секретарем Исетского райкома партии, председателем

сельского совета. Она и сейчас занята общественной деятельностью, всё такая же активная и подвижная.

В Кирьяновой жила одинокая старушка – учительница Вьюхина Наталья Васильевна. Она была уже настолько старенькой, что даже мою маму, а она 1931 года рождения, не учила. Наталья Васильевна умерла в возрасте 100 лет, это было уже после переезда, переноса всей деревни в село Рассвет.

Первой учительницей класса, в который мы влились после окончания Кирьяновской начальной школы, была Фаина Артемьевна.

В классе были в основном мальчишки, девочек оказалось мало. Класс считался середнячком по успеваемости. Несколько человек, в основном мальчики учились на «4» и «5» из девочек трое были ударницами, остальные шли на троечки и четверочки.

В наше время учителя могли оставить на «второй год» слабоуспевающих учеников, поэтому состав класса менялся каждый год – кто-то из наших оставался на второй год и к нам приходили второгодники. Мне и моим одноклассникам по Кирьяновской школе Юре и Коле второгодниками быть не довелось. Я учились средне – русский и литература – хорошо, алгебра, химия, физика – на троечки, рисовать и чертить так и не научилась.

Песни того времени, кроме «Взвейтесь кострами» и «Картошка», все забыла.

Из книг помню «Тимур и его команда» «Голубая чашка» - Аркадия Гайдара, «Васек Трубачев и его товарищи», «Витя Малеев в школе и дома», «Честное слово»- автор Пантелеев (?), «Динка»- Осеевой и рассказы о детских годах Ленина автор Зоя Вознесенская (?), из школьной программы «Повесть о настоящем человеке» и «Как закалялась сталь».

Затрудняюсь сказать, была ли у нас тимуровская команда, но припоминаю, как мы с девочками ходили мыть полы и прибираться к нашему однокласснику Сереже Рычкову. У него была большая мама, а девочек в семье не было – одни пацаны. Оказывается, и пионервожатой я была в своё время. Об этом мне напомнила моя «подшефная» Нина Зеленина.

Когда наша Нина Филипповна вышла замуж и родила дочку, мы с девочками ходили поздравлять, купили какие-то чепчики, распашоночки....

Из всего этого можно сделать вывод, что, хоть класс наш был не совсем дружным, но сплоченность между группами одноклассников все-таки была. Может быть, сплочению, а может, и разобщенности способствовали сами учителя. Им пришло в голову рассадить нас попарно – мальчик, девочка. Моё место было на последней парте, в среднем ряду. Соседом по парте был Витя Ширковец, Гая Новикова, моя задушевная подруга, сидела с Веней Зубаревым. Все наши попытки сесть с Галей, а Вите с Веней пресекались на каждом уроке. Видимо, в классном журнале был список, кто с кем должен сидеть и каждый раз нас снова рассажи-

вали. По этому поводу был курьезный случай. Девочек было мало, и не все ведь мальчишки сидели с девочками, остальные, наверно, над ними подшучивали. И Вите, конечно, не очень нравилось мое соседство, он частенько пытался столкнуть меня с парты, но я была начеку. Однажды ему это удалось – и я выпала в проход между партами. Весь класс, конечно, за-смеялся, а я заплакала и убежала с урока. Вызвали меня в учительскую, стали спрашивать, почему я пропустила урок. Я честно рассказала, как было дело, а мне не поверили. Агафья Ефимовна сказала, что Витя Ширковец не мог этого сделать. Витя был на хорошем счету у учителей. Не справедливо!

Но и свой «грех» я тоже помню всю жизнь. Я была дежурной и после уроков подметала в классе, а Лида Попова мешала мне. Я рассердила и ударила Лиду деревянной ручкой от щетки по голове. Приходила ее мать, кричала на меня. Лида этого не помнит, а я помню все эти годы. Стыдно! К восьмому классу все эти рассуживания прекратились, и мы с подругой моей Галей сидели вместе, опять в среднем ряду, на последней парте, только в другом здании. В восьмом классе у нас было 16 мальчиков и всего 6 девочек. К тому времени не стало деревни Куликовой, и куликовские влились в наш класс.

В восьмом классе начались выпускные экзамены: русский устно и письменно, алгебра и геометрия. 1 июня был первый экзамен – диктант. Русский и литературу я любила, но были вопросы, которые я не понимала, например, фонетику. И на экзамене по русскому устному мне именно этот билет и достался – фонетический разбор слова. Подготовка к экзаменам не прошла даром – разобрала я на буквы и слоги этот злополучный билет.

Вот и экзамены остались позади. 12 июня 1970 года состоялся наш выпускной вечер. Торжественную часть, где нам вручили свидетельства о восьмилетнем образовании, помню плохо. Зато помню столы, которые были накрыты для нас родителями в том, рядом с учительской, классе. И как мы вальсировали с Галей в коридоре школы. Для нас, выпускников, взрослых – 14-15 летних людей всю ночь был открыт колхозный клуб!

Сейчас нам всем около 60 лет, более сорока лет прошло, как мы закончили школу. Хотелось бы встретиться, узнать, кто где, и как живет. Но на вечера встреч нас не приглашают, школы нашей деревянной нет (она сгорела). Многих наших одноклассников нет в живых. Большинство живет в родном селе Рассвет, несколько человек в Ялуторовске, двое в Исетске, следы остальных находятся через Интернет и социальные сети, то в Горьком (Витя Тихонов), то в Первоуральске (Олег Оводков). Дальше всех забрался Ваня Зубарев – он около 10 лет живет в Америке.

Раскидала нас жизнь...

В 1971 году я начала работать на молочно-консервном комбинате в Ялуторовске. Молоде-

жи там было очень много, и все, в основном, после восьмилетки, многие обучались в вечерней школе, вот и я поступила в 9 класс Ялуторовской школы рабочей молодежи, или вечерней школы. Обучение в школе велось в две смены, для тех, кто работает с утра – занятия проводились вечером, для тех же, кто работает в вечернюю или ночную смены – с утра. Было удобно всем – и учащимся, и учителям, ведь многие из них работали по совместительству, вели уроки в обычной школе, и у нас, в вечерней. Вечерняя школа занимала одноэтажное деревянное здание в районе лесозавода по ул. Революции. Сейчас на этом месте находится санаторий «Светлый». Когда для совхоза-техникума были выстроены корпуса по ул. Бахтиярова, «технари» переехали, а их помещение – кирпичное, двухэтажное здание по ул. Ленина № 72 отдали вечерней школе.

В школе было два потока, два набора – первый, как обычно, начинал занятия с 1 сентября, а второй – с января. Мне пришлось учиться аж с двумя потоками. Со своим классом я закончила школу не успела – вышла замуж и уехала в Армизон и продолжила учебу в Армизонской вечерней школе. После возвращения из Армизона – снова в Ялуторовскую школу, но уже с другим классом, с другим потоком.

Директором школы был Славин Вячеслав Васильевич. Внешне он чем то походил на Николая Корниловича – тоже высокий, худощавый, прямой. Но отношения были уже совсем другими, на равных – ведь его ученики были взрослыми, иногда и семейными людьми.

Классным руководителем у нас был молодой, холостой паренек, не намного старше нас – Валентин Михайлович. Многие из нас, девчонок, были тайно влюблены в него, но он ко всем относился равно, никого не выделяя. Химию преподавала Ираида Васильевна, основное место ее работы – школа №1. Если в обычной школе химию я не понимала, то в вечерней разобралась в этих формулах, окислах и соединениях. Может быть, благодаря Ираиде Васильевне? Раньше, проходя по улице Ленина, я часто встречала Ираиду Васильевну, последнее время уже не вижу ее. Русский язык и литературу преподавала Благинина Нина Владимировна, основное место ее работы – совхоз – техникум. Маленькая, аккуратная, красиво причесанная, всегда на высоких каблуках – одним словом «кукла» – такое прозвище она получила от «технарей».

Особая моя благодарность классному руководителю Законову Владимиру Алексеевичу. Это уже другой поток и класс. К тому времени я уже родила, дочке моей был месяц с небольшим. Владимир Алексеевич разыскал меня в хирургическом отделении больницы, говорит: «Надо, Валя, экзамены сдавать». А я руками разверла, как же я отсюда, да с ребенком на руках? И 3 января 1976 года я уже писала сочинение вместе с классом. Сочинение тогда писали шесть часов, сделали перерыв, мне организовали развозку – на «скорой помощи» отвезли

домой. Я покормила ребенка, пообедала сама и снова в класс. Сочинение написала неплохо – на 4. Сдала и остальные экзамены (всего 8) худо-бедно. Получила аттестат о среднем образовании, наравне со всеми.

На торжественном собрании, где нам вручали аттестаты, присутствовали и представители от трудовых коллективов, где работали выпускники.

Были сказаны напутственные слова и вручены подарки. Мне подарили «Чудо-печь» – были такие «агрегаты» в 70-е годы. Вручала подарок Нина Георгиевна Кривцова (Савосина по мужу).

И не зря один из моих любимых фильмов – «Большая перемена», ведь он напоминает мне мою юность. Время веселое, счастливое, беззаботное, несмотря ни на что!

Обычаи и обряды

1. Свадьба

Родом я из Исетского района. Среди народа бытует мнение, что это староверческий, старообрядческий район, еще называют его «двоеданским». Не знаю, насколько это соответствует действительности, никаких особых отличий я не замечала.

Свадьба... Думаю, что в жизни любой девушки, женщины – это особый день. И как бы потом не сложилась семейная жизнь, событие это помнится долгие годы. Считалось, если ты хранишь свадебный наряд – платье и фату – этим ты как бы оберегаешь свою семью, и в ней всегда будет мир и спокойствие.

По обычаю, старинному обычаю, свадебный наряд для невесты покупал жених – платье, туфли, фату и кольцо, конечно.

С детских лет запомнилась мне свадьба нашего родственника Алеси Гарманова – это племянник моей бабушки. Свадьба была в зимнее время. Молодые ехали в санях. Невеста была в восковом венке, очень красивом, на правом плече вуаль, так раньше называли фату, вдоль спины сзади ее не распускали, а укладывали складками на плечо. Лошади и вся упряжь разукрашены лентами и бумажными цветами, под дугой звенел колокольчик. И неслись эти санки с уханьем, гиканьем, частушками под гармошку по Скородумской улице. Было это в начале 1960-х годов.

На наших деревенских свадьбах первыми, главными людьми были не гости, не родители и даже, может быть, не жених с невестой, а их крёстные. Крёстных у нас зовут «кок» или «кокой», иногда добавляют имя – например «кокой Валя» (это мой крестный дядя Валя, брат отца).

Без крестных не обходилось сватовство или говоры. На сватовстве крёстные жениха, с родителями и сватами, не раздеваясь, проходили в горницу, садились под матицу (чтоб не было отказа) и начинали разговор. И только после того, как было получено согласие невесты и обговорены все пункты свадьбы, гости раздевались, тут же организовывалось застолье. Вино, водку и кое – что из закусок сваты – сторона жениха – приносили с собой. Таким образом будущие родственники знакомились между собой. Во время самой свадьбы крёстные следили за ведением этой свадьбы. Перед застольем все гости «подходили ко стаканам», так у нас назывался обряд вручения подарков и пожеланий

молодым. Жених и невеста стояли с подносом, на котором было 2 рюмки (с вином и водкой) и закуска, они встречали гостей. По краям стояли крёстные и принимали подарки, подливали вино и подкладывали закуску.

На следующий день после брачной ночи проверяли «честь» у молодой. И при этом обычно присутствовала крёстная невесты со свекровушкой. Если все было в порядке – ездили по деревне «с весельем». На бутылку с вином повязывалась красная ленточка – символ «чести». Летом на телегах, зимой на санях, с шутками, частушками, гармошкой крёстная невесты ехала с кем-нибудь из гостей по всей деревне, размахивая этой бутылкой, чтоб все знали и видели. Особо настойчивых и любопытных могли и угостить из этой бутылочки.

Дальше начинали «паханье». «Пахать», «опахивать» – значит, подметать. В шутливой форме проверялись навыки молодой жены, как она умеет чистоту наводить. Гости подкидывают мелочь (мелкие монеты), небольшие подарки (полотенца, скатерти, прихватки – то, что могло пригодиться молодой семье уже завтра), в разбросанные сено или солому. И только молодые приберут всё – и денежки, и солому, как гости снова раскидают солому, и опять начнут подкидывать денежки.

Первый вечер и утро следующего дня гуляли в доме жениха, с обеда все гости переходили (или переезжали, если невеста была из другой деревеньки) в дом невесты. На третий день гуляли «с полов». Дальние гости уже разъехались, остались самые близкие для молодых люди – родители, братья – сёстры, крёстные. Женихова родня с вёдрами, тряпками, лентяйками, вениками шла в дом невесты – «помогать мыть полы». И ничего, что там уже все прибрано бывало, не столько перемоют, сколько еще больше грязи натащат – и снова застолье, то, что осталось от свадебного стола, доедалось, допивалось, знакомство закреплялось.

Довелось и мне побывать «главной гостьей» на свадьбе моего сродного брата. Хотя у нас не очень большая разница в годах, меня поставили в крёстные при его рождении, «нарекли». Я и крёстная его жены Светлана присутствовали и на сватовстве, и на свадьбе, и «полы мылись» при нашем участии. И с «весельем» мы ездили, только не в санях уже, а в «Жигулях», открыли окна, выставили бутылку с красной ленточкой, а уж поухали, частушек напелись. Все видели.

Все слышали – « с весельем едут».

По обычая, молодые муж и жена должны называть своих «благоприобретенных родителей» мама и папа. А ведь это не так-то просто назвать чужого, по сути, человека, самым ласковым словом «мама» и «папа».

И вот на свадьбе моего крестника и сродного брата мне очень понравилось, как Светлана, крёстная невесты, обыграла, сделала этот процесс полегче для молодых.

Мы с ней сходили за сеном, разбросали его посреди комнаты, усадили на него сначала родителей невесты, а жених – зять должен был поднять их с пола, приговаривая: «Мама и папа, вставайте!», а потом и родителей жениха усадили, молодая сноха тоже поднимала их, точно также произнося: «Мама и папа, вставайте!». Вот такой красивый обычай, откуда Светлана его взяла, не знаю. Она жила в какой то другой деревне, но район вроде бы наш – Исетский. Когда собрались на третий день – «с полов», мы со Светланой показали все подарки, что были подарены молодым, пересчитали деньги и вручили их младоженам.

О восковом венке. Венок для невесты изготавливался из воска, был очень красивым, тяжеловатым, к нему крепилась вуаль или фата. Мода на восковые венки дошла до 70-х годов. Их заказывали в соседнем селе, Коммунаре, видимо, в нашей деревне мастерицы перевелись. У меня воскового венка не было, а вот у сродной сестры Нины была «целая корона» (1976 г.). Раньше у наших бабушек свадебные восковые венки всю жизнь хранились на божничке, за иконами.

Свою свадьбу я помню смутно, всё как в тумане и все как будто не с тобой происходит. Как ждали жениха, а он долго не ехал, дорогу перемело, а дорога дальняя – из Армизонского района в Исетский. Как одевали меня в свадебный наряд в «кути» за занавеской мои подружки и младшие сёстры. По неписанным законам в свадебном платье невеста находится только 1 вечер, а я была 2 дня (вечер 28 февраля и весь день 1 марта). Раз жених приехал поздно, все остались ночевать у нас, на полу – «повалкой», с одной стороны жених с друзьями, с другой я с подружками и сёстрами. По рассказам бабушки

и раньше так было, если невеста была из другой деревни, ездили ведь на лошадках, а не на автомобилях.

В Армизонском районе свои правила. На следующее утро после свадьбы молодая должна встречать гостей собственноручно испеченными блинами, а я их и до сих пор пек не умею. Пекли за меня мама и свекровь. И по прошествии многих лет обычай этот сохранялся. Когда женился племянник мужа, молодая жена тоже не умела пекать блины, стряпал жених – молодой хозяин, но гостей встречали блинами, как и положено.

Для нашей родни свадьба – показатель родства и единства, ведь все родственники помогали, кто чем мог. Кто-то ящик вина купит, а это 20 бутылок, кто-то пельменей наст्रяпает с ведро, кто-то стряпню возьмет на себя, уж не говоря о помощи при накрывании свадебного стола. Крутились все – кто рыбу жарит, кто котлеты, кто салаты делает. Без помощи родных было бы не управиться. Сейчас, когда женятся и выходят замуж наши дети, мы тоже стараемся помочь друг другу, кто чем может.

Еще один обычай – теща «едет к зятю с каральками», на следующий и последующие годы после свадьбы. Делалось это, я так думаю, чтобы побывать в гостях у дочки, узнать про ее житье, ведь, как правило, невеста уходила из родительского дома в семью жениха.

Как стряпались «каральки». Обычное тесто, как на пельмени, раскатывали тонкими колбасками, из колбасок выкладывали прямоугольник или круг, плотно друг к другу. Сформованные «каральки» пекли в печке. Затем смашивали их сладкой сахарной водой или мёдом и украшали конфетками – подушечками, разноцветными драже, изюмом, мармеладом. Красиво и вкусно! «Каральки» можно заморозить, после размораживания вкус их не менялся. Но

не с одними «каральками» ехала тёща, была и другая выпечка – «постряпушки» (так у нас назывались сдобные булочки), конфеты, пряники, сладости. Помню, что ездили, обычно в марте, и, как я теперь понимаю, – на масленичной неделе, ведь там есть и зятев четверг, и тёщины посиделки.

Когда я заменила зятя, тоже стряпала «каральки», ехать никуда не надо было, они сами

Кармановы Георгий и Нина
27.04.1976 г.

Рычковы Николай и Татьяна
25.09. 1982 г.

приезжали ко мне – зять и дочка.

Есть ли в других районах этот обычай? Интересно знать!

2. Пасха и Рождество

Как отмечали Пасху, я не помню, знаю только, что утром каждый из нас, пятерых, находил под подушкой крашенное яйцо. В каждом дворе подвешивались качели – простая доска на ветвях. Погода стояла теплая, после длинной зимы мы радовались солнышку и теплу, почти на всех качелях перекачаемся. В памяти осталась частушка из тех дней:

На качюлечке качалась,
Под качюлечкой вода.
Бело платье замарала,
Мне от маменьки – беда.

На Рождество мама всегда делала сырчики. Сырчики – это замороженные лепешечки из сладкого творога. Наше «мороженое», ведь что есть такая сладость, как мороженое, мы и знать не знали. На Рождество обычно ходят по домам и «славят Христа», делали ли мы жто, – не помню.

И еще с детских лет запомнились милостыни, которые мама разносила 3-4-м старушкам деревенским. На тарелочках, прикрытых чистыми тряпичками или полотенчиками, лежали блины, пострыпушки, конфеты. По каким дням мама их раздавала, не знаю, наверно, в дни памяти своих отца, мамы и сестры. А может, и по каким-то православным праздникам?

Сейчас я тоже разношу милостыньки соседским ребятишкам в дни поминования своих родных.

И снова о «каральках». При прочтении и обсуждении этих записей наша мама, Елизавета Васильевна, рассказала, что наша бабушка Рычкова Марфа Игнатьевна была большой мастерницей «по выкладыванию каралек» и её специально приглашали в те дома, где стряпались каральки, где тёща собиралась в гости к зятю.

Оказывается что и к моему мужу моя мама, приезжала с «каральками». У меня это событие никак не отложилось в памяти. Жили мы в Ялуторовске на квартире по ул. Оболенского. Но раз зять помнит, значит, так оно и было! И все обычай были соблюдены!

Рычковы. Г. Ялуторовск. 25.09.1982 г.

Нам исполнилось по 18 лет, наших мальчишек – одноклассников призывали на службу. На проводы приглашались родные и молодежь, собирались пол-деревни. Гуляли всю ночь, ели, пили, веселились, пели песни, плясали под гармошку. А утром всей большой, шумной компанией провожали новобранца через всю деревню к центру, там грузились на грузовую закрытую (тентованную) машину и ехали в Исетск, в военкомат. Каждый приглашенный приносил с собой носовой платочек, эти платочки связывались за уголки в одну сплошную гирлянду, и потом эту гирлянду вешали новобранцу на шею, обматывали в несколько раз. Обычай этот издалека, я думаю, что платочки эти – напоминание солдату о доме, о родных, о тех, кто его ждет. И поскольку нет у этой гирлянды ни начала ни конца, вернётся и он, солдат, домой, на родину. Ну и с бытовой стороны хорошо – хоть на платочки солдату не трястись в том далеке. В последнюю минуту в родном доме, будущий солдат прибивал высоко, под самую крышу, на угол дома платочек и если есть любимая или сестра, яркую ленточку, чтобы все видели – в этом доме солдат. Идешь по деревне – там платочек прибит, здесь прибит! Обычай этот сохраняется до сих пор. Провожали мы старшего племянника – те же платочки, только уже не молодежь несла их, а мы, тетушки, припасали. И так же висел платочек на углу дома, пока не вернулся наш солдат из армии.

Из своего кирьяновского детства помню одни проводы: как провожали всей деревней до окопицы, и как он, будущий солдат, стоял один в грузовой машине, обвитый гирляндой из носовых платочек, и долго-долго махал рукой, пока не скрылся из глаз. И даже взгляд его, тосклиwyй-тосклиwyй, помню. Не знаю, сколько лет служили в то время (около 60-х)? А в семидесятые служили 2 года в армии и 3 – в морфлоте. Пели:

*Не плачь, девчонка, – пройдут дожди,
солдат вернется – ты только жди,
пускай далеко твой верный друг,
любовь на свете сильней разлук.*

На подпольной, виниловой пластинке была крутилась другая песня:

*Побудь недотрогой всего лишь немногого,
Всего лишь 2 года меня подожди,
А если не сможешь побыть недотрогой,*

*А если не сможешь – тогда не пиши.
А еще раньше:*

*Как под той, под завитой сосною
До утраостояли с тобою.
Провожала, руку жала,
Провожала, провожала.*

Все так. Если девчонка провожала парня в армию, должна его дождаться! Бывало, и дожидались, да он заводил себе другую, а бывало. и наоборот. Всё – как всегда! Ты любишь – тебя не любят... Любовные треугольники были, есть и будут.

Ну а мне пора ставить точку.

Жила одна деревня

Продолжаем цикл материалов под общим названием «Жила одна деревня», начало которому положено в предыдущем альманахе. Публикации размещены в газете «Ялуторовская жизнь» и подготовлены ее сотрудниками.

Евгений ДАШУНИН

Три века от деревни до села

Петелино - одно из старейших сел Тюменской области, крупный населённый пункт Ялуторовского района. Казалось бы, оно совершенно не подходит для цикла наших публикаций «Жила одна деревня», ведь до сих пор жизнь здесь кипит. Но нынешнее Петелино не всегда выглядело так, как сегодня, за ушедшие десятилетия в его границах растворилось две деревни, а сколько жителей других исчезнувших населённых пунктов сюда перебрались - и не сосчитать.

Тесно сплела история судьбы людей из Кожановой, Шестаковой, Кривошёковой, Одиной и Петелиной... Так давайте вместе попробуем пройти по годам и событиям, которые им пришлось пережить.

Первые упоминания о деревне Петелиной встречаются в описании Тобольского наместничества середины XVII века. Но, несмотря на присутствие этого названия на старинных картах и упоминания в книгах, информация о ранних годах села, можно сказать, отсутствует. Все ниточки, из которых сплетена его история, так или иначе тянутся от людей и населённых пунктов, не имевших когда-то никакого отношения к петелинской земле.

Была такая деревенька Кривошёкова, основанная Степаном Никифоровичем Кривошёковым в далёких 1670-х в 20 километрах от Петровского завода. Кстати, это 11 раз прадед краеведа Олега Истомина, помогавшего нам в сборе материала о Заводопетровском. Спустя примерно век трое потомков основателя поселения покинули обжитые места и ушли в деревню Шестакову (ныне Юргинский район). Там родилась бабушка Олега – Татьяна Кузьминична, которая в середине XX века всё же вернулась к родным местам и устроилась конюхом на стекольный завод. По воспоминаниям внука, баба Таня была человеком неграмотным, но не забывала «при помощи ухвата» проверять домашнее задание у детей. Поэтому четверо из пятерых получили высшее образование, а ведь годы были совсем другие, да и семья богатством похвастаться не могла.

Так вот, уход Кривошёковых в Шестакову странным образом совпал с её переименованием. В документах и картах Ялуторовского уезда 1780-х на этом месте значится деревня Мысовская. Что же послужило поводом для смены названия, быть может, неспроста люди, имевшие отношение к основанию поселения, покинули его?! Сейчас об этом трудно судить, хотя нет-нет да и всплывает очередной документ из

прошлого и быть может, время расставит всё на свои места. А вообще Кривошёкова успела побывать и Мысовской, и Мысом, пока окончательно не слилась с Петелино.

Информация о ранней истории последнего скучна, потому что самые старые фонды архивов так или иначе связаны с церковью. А это значит, что более полные данные сохранились лишь о тех населённых пунктах, в которых стояли часовни и храмы. Бывшая Кривошёкова как раз относилась к таким.

В 1895 году в деревне Мыс Бердюгинского прихода Томиловской волости Ялуторовского уезда началось строительство храма Божия из кондового леса по проекту тобольского епархиального архитектора Готлиба Цинке.

В 20-м году некогда псаломщик Сретенского собора Виктор Александрович Беляев, будучи в сане протоиерея, приехал служить в мысовскую церковь и остался здесь на десять лет. Судьба этого человека оказалась очень нелегкой, поэтому не рассказать о нём просто нельзя.

16 декабря 1931 года Виктор Беляев был арестован из-за причастности к «Делу архиепископа Синеокова-Андреевского».

Из материалов дела:

«...Участник Собора 1924 г. в Ялуторовске, на котором он внес предложение организовать коллектив по заготовке материалов, необходимых при совершении богослужения.

На съезде было составлено постановление, под которым участники должны были подписаться. По словам о. Виктора Беляева, еп. Серафим благословил дальнейшую вербовку в этот коллектив в своем благочинии, и который, в свою очередь, послужил для Серафима поводом для политической организации «Союз Спасения России».

С благословения еп. Серафима Беляев производил не только закупку материалов, но также делал отчисления на содержание бедных из духовного звания и на помочь ссыльным священнослужителям, в том числе митрополиту Петру Крутицкому.

Осуществлял подписки перешедших из обновления в РПЦ, которые сдавал еп. Иоанну Братолюбову...».

14 мая 1932 года Коллегией ОГПУ Виктор Беляев осуждён по статьям 58-11, 58-3 УК РСФСР как «один из организаторов церковно-монархической повстанческой организации» и приговорен к пяти годам лагерей. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В начале 30-х годов XX века пожар, унич-

тоживший несколько десятков домов, обошёл деревянную церковь стороной, но время не повторило этого чуда. Смена власти в стране привела к закрытию храмов, и от былой красоты остались лишь покосившиеся стены. Благо, сердца людей не очерствели за долгие годы, и селяне приложили все силы для возрождения церкви.

Нельзя не упомянуть об одном интересном совпадении. В 1990 году протоиерей Виктор Беляев был реабилитирован Тюменской областной прокуратурой. Именно в это время начались работы по восстановлению церкви. В год празднования 2000 лет от Рождества Христова Свято-Владимирский храм вновь открыл свои двери для прихожан.

По данным на 1911 год, Мыс был самой населённой деревней в округе, в ней проживало 607 человек, тогда как в Кожановой - 242, Одино - 215, а Петелиной-341.

Деревня по тем меркам была передовой, к примеру, как сообщает «Справочная книга Тобольской епархии» от 1913 года, здесь ещё в 1904 году было открыто училище Министерства народного просвещения.

10 июня 1920 года 20 кожановских и петелинских хозяйств решили создать сельхозартель. Это первое коллективное хозяйство на территории сегодняшнего Ялуторовского района. В 1921-м сельхозартель преобразовали в коммуну и назвали «Путь к социализму». Ей был выделен первый в уезде трактор «Фордзон». На первое августа 1927 года в коммуне работали 48 человек, имущества было на сумму две тысячи рублей, числились здесь сельхозмашины, 20 лошадей и около 100 голов КРС. Об этом писала газета «Красное знамя».

В период сплошной коллективизации в Ялуторовском районе организовали крупную коммуну «Путь к социализму» под председательством Дмитрия Ивановича Плоскова с центром в селе Хохлово. В неё вошли 20 населенных пунктов: Кожанова, Одина, Мыс, Петелина, Бердюгино, Каньга, Коктюль, Криволукская, Беркут, Старый и Новый Кавдыки и другие. Но это образование оказалось нежизнеспособным и распалось в 1930 году. После ликвидации коммуны в каждой деревне образовался свой колхоз: в Кожаново- имени Войкова, Одино - имени Молотова, Петелиной - «Память Кирова», в Мысу

- «Красная нива».

Начало Великой Отечественной ознаменовалось открытием в деревне детдома №196 для эвакуированных ребятишек. В трех частных домах расположились около ста детей из Ленинграда. Одна также приютила у себя подобное учреждение за номером 87, где в четырёх группах проживали 25 ребят. Подспорьем в эти тяжёлые годы им было подсобное хозяйство, занимались им сами дети. Они работали в поле, на огороде, заготавливали дрова и корм для скота. Колхоз «Красная нива» помогал интернату, чем мог: подаренные коровы и быки оказались как нельзя кстати. Неравнодушные селяне помогли укрыться от войны и сохранить жизни многим ребятам, а 25 июня 1945 года коллектив интерната вместе с воспитанниками покинул сибирскую деревню.

Плосковы, Остяковы, Кривошёковы, Аникины, Решетниковые, Устюговы – самые распространённые фамилии тех мест, каждая со своей неповторимой историей.

К примеру, в конце XVII века, скрываясь от непомерных налогов, из Великого Устюга в Сибирь сбежали Кузьма, Артемий, Александр и Тимофеи Устюговы со своими семьями, да так и остались жить в Одино. До сих пор их династия славится агрономами, учителями, инженерами, капитанами и авиаторами.

Первой ступенью к образованию единого села послужило решение жителей Кожановой, Петелино и Одино об объединении колхозов в единый «Путь к коммунизму». Это произошло в 1951 году, а чуть позже в него влились колхоз «Красная нива» и «Имени Сталина» из Бердюгино. Впоследствии это объединение получит имя ОАО «Петелино» и станет одним из самых крупных сельхозпредприятий Ялуторовского района.

Укрупнение колхоза привело лишь к одной серьёзной жертве - ушла в небытие деревня Кожанова, а Мыс и Одина стали частью одного большого села Петелино, которое здравствует до сих пор.

P.S. В документах вплоть до 20-х годов прошлого века указывается деревня Петелина и лишь к 50-м появляется название Петелино. Точная дата переименования населённого пункта и получения им статуса села неизвестна.

Четверть века спустя

Наша нынешняя публикация из цикла «Жила одна деревня» будет не совсем обычной. Речь пойдёт о селениях, про которые мы уже писали, но поведают вам о них сами очевидцы. Со страниц газеты «Ленинский путь» от 4 апреля 1989 года читатели рассказали о жизни и быте деревень, которых на тот момент уже не было. Мы предлагаем перелистнуть календарь на 26 лет назад и погрузиться в те свежие, не потёртые временем воспоминания.

У рыбного озера

Родился я восемьдесят лет назад в деревне Непряк, которой нет сегодня на карте района.

Старшая группа интерната №196.

Там вырос, обрабатывал пашню, сеял и убирал хлеб. Был и председателем колхоза «Звезда». Помню каждого, кто хотя бы недолго жил в моей деревне в промежутке времени после гражданской войны и до конца семидесятых.

Спасибо нашим прадедам - прекрасное место выбрали под селение. Всего деревне хватало: пашен, сенокосов, пастбищ... А карасей вкуснее, чем в озере Непряк, нигде я не пробовал.

В двадцатых годах было у нас 55 хозяйств. Мужики, не гляди, что сплошь неграмотные, работали на земле с умом. Животноводством занимались толково. Чего стоила, например, одна только поскотина! Это пастбище в несколько сотен гектаров, которое всем миром окружили изгородью длиной не менее четырех километров. Каждая семья имела свой участок, который надо было содержать в порядке. Если у кого-либо прясло развалилось, староста (тоже выбранный миром) тотчас напомнит о необходимости ремонта. На территории поскотины паслось без всякой охраны всё наше стадо - изгородь надежно защищала посевы от потрав.

Была в деревне так называемая молоканка (небольшой завод по переработке молока в масло). Мне в отрочестве и юности приходилось крутить там сепаратор и маслобойку.

Обслуживал наш «маслозавод» нанятый миром мастер. В деревне уважали его, грамотного и очень культурного по тем временам человека. Фамилию его я, пожалуй, никогда и не знал. А имя-отчество помню. Звали мастера-маслодела Иваном Алексеевичем.

Особенно любила его ребятня. Еще бы - у Ивана Алексеевича был граммофон и даже велосипед. Бывало, собираемся у окон его квартиры и слушаем музыку. А иногда он рассказывал очень интересные истории из своей жизни.

Шесть ветряных мельниц было в деревне. Сделали их одним топором да долотом свои же мастеровые мужики. Была кузница и маслобойка. Сани, телеги, кошовки, сельхозинвентарь на стороне приобретать не приходилось - их делали в достаточном количестве свои мастера.

На деревенском подворье содержали более 300 голов крупного рогатого скота и свыше тысячи овец. Всё это стадо пас один человек по имени Кондрат, высенный еще задолго до революции из центра России да так и осевший в нашей деревне. Пас только весной и осенью. А летом стадо содержалось само по себе на поскотине, уже описанной мною. Кондрат был крепкий старик, с ранней весны до поздней осени не призывавший никакой обуви.

Так жила деревня до начала сталинских репрессий. В годы нэпа многие разбогатели. Хлеба и мяса было столько, скажем, в 1927 году, что ни в Ялуторовске, ни в Тюмени не находилось того числа покупателей, чтобы наши мужики не возвращались обратно домой с почти полными возами этих продуктов. Беда, противоположная нынешней: предложение превышало спрос.

Все исчезло, как будто корова языком слизыла, с началом колхективизации. Сталин объ-

явил, что ликвидация кулаков как класса является неотъемлемой составной частью создания колхозов. И из Непряка пять хозяйств вместе с детишками увезли под конвоем на Север. Дело было в самую лютую стужу.

Под раскулачивание в первую очередь попали самые трудолюбивые, мастеровые и зажиточные мужики. Владельцы мельниц, молотилок, совершенного по тем временам инвентаря, и хорошего поголовья скота. Нажито это все было своим трудом, иногда поистине каторжным, круглосуточным. И вот хозяйства таких тружеников, к тому же воевавших за Советскую власть, разорили, а их самих увезли, как говорится, с концами, куда-то под Салехард. Попал в их число и мой дядя - старший брат отца, Петр Миронович Рязанцев. На Севере он не прожил и года, умер. Там же скончались его сын Иван и его жена. Были у них детишки, но о судьбах их совершенно ничего не знаю.

Потом репрессировать стали и тех, кто якобы обманным путем сумел вступить в колхоз, чтобы вредить изнутри. Были у нас в деревне три незаурядных труженика - Андрей Федорович, Гаврила Тимофеевич и Яков Иванович. Став колхозниками, эти мастера втроем за короткое время подняли артельный коровник, амбары для хранения зерна, пожарную. Взялись было строить еще один двор для колхоза, да не успели - однажды приехал «черный ворон» и увез мужиков. Больше их в деревне не видели, семьи их развалились. К концу колхективизации из 55 хозяйств коренных жителей в Непряке осталось не более 15. Бедняки и середняки. Остальные были репрессированы или разбежались.

И все-таки после всех бед деревня продолжала жить. Приехали вятские крестьяне, украинцы, немцы Поволжья. Колхоз «Звезда», где я работал председателем, был не на последнем счету в районе. До сих пор не могу понять, из каких соображений исходили, объединяя Старый и Новый Кавдыки, а также Непряк в один колхоз. Убежден, что в каждой из этих деревень должно было по сей день существовать свое хозяйство, организованное на кооперативных началах, то есть колхоз.

Укрупнение стало вторым после тридцатых годов сильным ударом по крестьянам Непряка. Но и его, возможно, деревня выдержала бы. Последним, решающим оказался третий удар - преобразование колхоза «40 лет Октября» в отделение совхоза, отчуждение крестьян от земли-кормилицы, превращение их в рабочих. К концу 70-х годов все было завершено - деревня разбежалась. Только десять процентов ее населения переехали в Старый и Новый Кавдыки, остальные в основном бросили сельскохозяйственное производство.

А ведь мог бы и сегодня Непряк давать немало продукции к народному столу. У нас были два двора, где содержалось 200 коров, двор для откорма молодняка, телятник, свинарник, конный двор на 60 лошадей. Была механическая дойка. Был в деревне водопровод. Сейчас

обо всем этом осталось только вспоминать».

*И. Рязанцев,
ветеран войны и труда,
д. Новый Кавдык*

Лишнее слово, и ты «кулак»

Не согласна я с теми, кто утверждает, что в тридцатые-сороковые годы крестьянам жилось хорошо, что, мол, порядок был и песни звучали. Помню те времена и свидетельствую: «порядок» держался на страхе. А песни - на неодолимом желании превозмочь все невзгоды: «...кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Наша деревня Чукреева стояла на красивом и привольном месте, занимала самый высокий в районе увал. Вокруг были плодородные поля, хорошие сенокосы, озера, богатые рыбой и водоплавающей дичью.

А жили крестьяне в тридцатых годах небогато, можно сказать, даже голодно. Сытыми были лишь три-четыре немногодетные семьи, стоявшие поближе к колхозным сусекам. У остальных даже хлеба постоянно не хватало.

Входили мы тогда в Омскую область. Чукреевские мужики часто ездили в Омск за печеным хлебом. Мой отец тоже ездил. То, что удавалось привезти, ежедневно делили по маленько-му кусочку на каждого члена семьи, старались, чтобы хлеба хватило на возможно более долгий срок.

Когда привозили в деревенский магазин хлопчатобумажные ткани («мануфактуру»), то очередь за ними занимали ночью и стояли до утра. На руки давали по два-три метра ткани, учитывая, правда, численность семьи. Из того, что удавалось купить, на всех одежду, понятно, не справляли, но школьников и молодежь старались одеть.

Председателем Чукреевского сельсовета был Яков Афанасьевич Куминов. Ему помогали деревенские активисты, в числе которых помню своего отца Дмитрия Дементьевича Торговых, а также первого председателя колхоза «Броневик» Кирилла Дмитриевича Липчинского. Они по рекомендации Куминова были приняты в члены ВКП(б).

Помню, как раскулачивали и отправляли по дальше от родных мест зажиточных людей деревни. Никакими эксплуататорами, мироедами они, конечно, не были, просто лучше других умели вести хозяйство.

В те времена недолго было попасть в «кулаки» или «подкулачники» любому. Скажи лишнее слово - и запишут.

Нашей деревне повезло в довоенные годы на руководителей и активистов. Они старались воодушевить людей, вселить в их души веру, что все трудности удастся скоро пережить. Нелегко шёл в гору колхоз «Броневик», но кое-какие сдвиги были. Стали есть свой хлеб, хотя и не так просто удавалось выдавать зерно на трудодни - государство почти опустошало колхозные амбары.

В годы войны, конечно, стало ещё труднее.

Мужчины ушли на фронт. Председателем сельсовета работала у нас тогда Анна Андреевна Туровинина. Жили дружно, как одна семья. Чем могли, помогали фронту и друг другу. Я всегда вспоминаю своих соседей - Ивана Ивановича и Анастасию Михайловну Карнауховых. В годы войны у нас, как назло, не родилась картошка. А ведро ее тогда стоило 200-250 рублей. Так вот, на семена нашей семьи картошку каждую весну давали старики Карнауховы. С единственным условием - отдать из будущего урожая.

Взаимопомощь позволила чукреевцам выжить в трудную годину. Их труд в тылу был вкладом, пусть и слишком скромным, в победу над фашизмом. И на фронте сражалось немало наших мужчин и парней. 42 человека не вернулись с войны.

Нет теперь нашей деревни. Корни ее были подрублены еще в тридцатых и сороковых годах, а в послевоенные десятилетия, где-то в верхах объявив селение неперспективным, и вовсе доконали. Ни с одним из чукреевцев не советовались, конечно.

На бывшем чукреевском погосте есть памятник землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Его соорудили на свои средства выходцы из нашей деревни. Очень много похлопотали, например, сыновья первого председателя колхоза «Броневик» Липчинского - Виктор и Владимир.

Стоит на видном высоком месте, у асфальтированной трассы, скромный памятник. Это, по существу, знак уважения не только погибшим воинам, но и всей исчезнувшей деревне. Пока он стоит, не забудут потомки чукреевцев своих работающих предков, будут гордиться ими, стараться быть похожими на них.

*В. Торговых,
ветеран труда,
с. Зиново*

Не один раз в «ЯЖ» выходили материалы, посвящённые истории деревни Чукреево, но в нескольких публикациях невозможно рассказать о всех аспектах жизни даже такого небольшого населённого пункта. Поэтому после выхода очередной статьи в редакцию обратился уроженец Чукреево Виктор Кириллович Липчинский.

Помимо того, что этот не молодой уже человек принимал активное участие в сплошной электрификации юга Тюменской области, он не переставал интересоваться историей своей малой родины. Виктор Кириллович передал нам рукопись, в которой изложил всё то, что ему известно о быте и жизни своей деревни. Именно эти материалы и легли в основу сегодняшней публикации.

В честь Чукрея

«По Туринской памяти дано на заставы до Чукреевы деревни стрельцу Никишке Чукреево подвода» - так гласит запись в документе 1682 года о выделении земли, хранящемся в Тобольском архиве. Скорее всего, этот год и является

датой основания деревни.

Происхождение названия имеет несколько версий, по одной из которых можно провести параллель с Чукреевской волостью, что существовала когда-то на Урале. Имя свое, скорее всего, она получила в честь чукреев - узких ханты-мансиjsких ножей, которые в XVI веке очень ценились уральскими народами. Поэтому можно предположить, что первыми поселенцами этих красивых мест могли быть ходоки с Урала.

Согласно переписи 1895 года деревня насчитывала 76 дворов, и к ней были приписаны 59 человек, один из которых по фамилии Ямщиков жил в семье Якова Герасимовича Севостьянова, прадеда Виктора Кирилловича. Все эти приписные являлись нежелательными элементами, сосланными в Сибирь из западной части страны.

В дореволюционные времена, когда деревня входила в Томиловскую волость, на которую приходился всего один пристав, поселением управляла местная община. В её обязанности входила забота о том, чтобы не пустовали земли, а люди поощрялись за лучшую обработку. Община учила улучшать породы скота, определять состав зерновых и огородных культур, увеличивать урожай картофеля, заготавливать хлеб и семена на случай неурожайного года.

Сквозь болота

Чукреева занимала выгодное географическое положение на пути от Тюмени через Киёво на деревню Памятнинскую. Правда этой дорогой пользовались лишь зимой, когда застывали болота, которые тянулись от озера Романовское до озера Чукреевское, дальше шли Семизёрки и Пустошкино.

Ещё одно болото начиналось у деревни Зиново и соединялось с Пустошкинским, потому летом эти места были непроходимы. Лишь после проведения в прошлом веке мелиоративных работ большинство из них высохло.

Другой путь был длинней на 10-12 км, он пролегал от Киёво, минуя Беркут, на Романово, Зиново, Памятнинскую и официально был открыт в 1838 году.

Деревня Памятнинская была тогда своеобразной путевой развязкой, из неё, пересекая Иsetь, можно было попасть в Ингальскую долину, через Тобол в Заводоуковск и далее на восток, а также на Ялуторовск и далее на север.

Короткая зимняя дорога работала всего четыре месяца, по ней отправлялись пополнить продовольственные запасы многочисленные обозы, повозки, а то и просто пешеходы.

Жили крепко

Путь был длинный и людям нужно было где-то отдыхать или пережидать непогоду, по-

этому многие деревенские мужики содержали заезжие дворы. Одним из таких был и Яков Герасимович, отец шестерых дочерей и двоих сыновей, церковный староста, владелец небольшого молочного завода.

Его сын Иван Яковлевич оставил после себя богатую усадьбу: амбары, конюшни, двухэтажный дом, простоявший до 1950 года. Для того времени в первозданном виде в деревне таких усадеб не сохранилось, и это был своего рода памятник былому богатству и великолепию. Дом был с резными наличниками, обшитый тёсом, с металлической кровлей.

О том, что Чукреевка была одной из богатейших в Томиловской волости, а может быть и на большей территории, говорит и тот факт, что две трети жителей имели богатые усадьбы.

Основным занятием трудолюбивых, смекалистых, деловых людей было, конечно, земледелие и скотоводство. Пахот вокруг деревни для растущего населения хватать не

стало, недостаточно было и сенокосных угодий, пастбищ.

В те времена были государственные земли и их выделяли общинам. Для Чукреевской такие земли отвели за Романово, сенокосные угодья в районе урочища Бузан, которые принадлежали деревне и в советское время.

Вокруг селения размещались в разное время несколько так называемых столбовых ветряных мельниц. Их появлению способствовала высокая, открытая всем ветрам местность. Услугами мукомолов пользовались и жители близлежащих деревень. Строительство и обслуживание этих сложных сооружений требовало не только больших затрат, но и умения их эксплуатировать.

Существовало и производство растительных масел, для этого сеяли лён, гречиху, рыжик, коноплю. Лён и конопля использовались также для изготовления тканей, верёвок, канатов. Озеро, в котором вымачивали стебли этих растений, называлось Конопляным.

В деревне было налажено производство тележных колёс, выполнялись кузнечные работы для нужд местных жителей, а ткацкие станки стояли почти в каждом доме.

Кузьминки

В былые времена каждая деревня отмечала свой престольный праздник, в Чукреевской таким был Кузьмин день.

В 1896 году здесь построили часовню во имя Космы и Дамиана (Козьмы и Демьяна) - бессребреников, живших в третьем веке от Рождества Христова в Риме. Первые службы вёл Яков Герасимович Севостьянов, о чём свидетельствует дарственная надпись на иконе Николая Чудот-

Столбовые мельницы
в Ялуторовском уезде. Фотография
С. М. Прокудина-Горского, 1912 год.

ворца и сохранившийся молитвенник.

Ежегодно, 14 ноября, на Кузьминки съезжался народ с соседних сёл и деревень. Кстати, по приметам этого дня можно предсказать погоду на грядущую неделю: «Коли развезёт - не жди морозов до декабря, а если лист с дерева не падает, то предстоит суровая зима и знойное лето».

Местные кузнецы считали Кузьму и Демьяна своими покровителями, называя их «рукомесленниками». Слышали святые и хранителями брака - девушки на выданье просили их сковать свадьбу накрепко. Молодые девицы устраивали на Кузьму и Демьяна весёлые посиделки, приглашая на них неженатых парней. На этот день назначалось много свадеб.

Кузьминки отмечали с большим размахом и гостеприимством.

Деревня к этому дню преображалась: дворы подметались, хозяйки наводили порядок в домах, готовили вкусное угощение (а это, к слову, должна была быть в основном курятину). Особое внимание уделялось нарядам, модницы украшали собой праздник.

По воспоминаниям Виктора Кирилловича, его мама говорила, что самые богато одетые женщины в золотых уборах были из «верховских» - жительниц нынешнего Исетского района.

Мужчины готовили к выезду различный транспорт, особой заботой были кони. Им усиливали рацион, освобождали от тяжёлой работы, чесали и подстригали хвосты и гривы. Лошади должны были достойно представлять хозяев.

Не жалели и украшений: красивые уздечки, недоуздки, шлеи - всё блестело и радовало

глаз. Сбрую украшали различными изделиями из меди, латуни, тщательно чистили и натирали маслом.

На Кузьму не только гуляли, но и делились опытом выращивания сельхозкультур, разведения скота. Заключали сделки на поставки сельхозинвентаря.

Иногда гостевания продолжались неделями, так как к родителям приезжали дочери с внуками.

Престольные праздники проходили и в других населённых пунктах, и если весна, лето и осень порой не оставляли свободного времени для отдыха, то зима была временем свадеб, забав и развлечений. Жители деревень были в основном неграмотными, а во время престольных можно было узнать что-то новое, разучить пословицы, поговорки, красивые выражения для сватовства, сказки и предания.

После революции и начала борьбы с религией значение праздника потеряло былой смысл. Всё также пили пиво, брагу и вино, пели застольные песни, ходили по деревне с гармонью, гостили друг у друга, но от прежнего веселья и размаха осталось очень мало. Да и часовню разрушили сразу после войны.

Чукреево не стало в 1976 году, и одной из причин этого Виктор Кириллович называет желание деревенских убежать от тяжёлой крестьянской жизни. Люди хотели дать хорошее образование детям, отправляли их получать профессии, никак не связанные с землёй, и поэтому Чукреева опустела.

В этом году будет тридцать лет, как деревенские ежегодно в августе встречаются на Чукреевской горке и в разговорах их звучит тоска по родным местам, былым обычаям и людям.

Светлана НЕЧАЕВА

Топи да болота, рядом - Кошели

О деревне Кошели, по-татарски Кашагал, мы тоже уже рассказывали. Однако с удовольствием вернемся к теме еще раз, ведь каждое воспоминание – бесценно, тем более, когда они принадлежат непосредственным участникам событий.

Вот и этой историей из жизни малой родины поделилась с редакцией бывшая жительница д. Кошели, восьмидесятидвухлетняя Валентина Сафоновна Кобелева (в девичестве - Хабарова) из Беркута.

В Кошели семейство переехало как раз во время коллективизации в 1936 году из Исетского района. Тогда деревню покинуло почти всё татарское население, и в ней стали селиться русские семьи.

В деревне была большая широкая улица из сорока с лишним добротных домов с пекарней, ялями, школой, клубом, кузницей, совхозной столовой. Помнит Валентина Сафоновна и фамилии односельчан: Рябковы, Коробейни-

ковы, Куликовы, Олейниковы, Полетаевы, Бураковы, Майоровы, Пономарёвы, Попковы, Воронцовы, Гафуровы, Шишкины, и даже деда Сабирова...

Валя пошла учиться в семь лет. Школа находилась в заброшенной мечети, и чтобы не замёрзнуть, в ней топили две печки. Ученики сами рубили и таскали дрова. Позже школьников «переселили» в другое пустующее здание, а в мечети стали жить ссыльные калмыки. Уроки вёл Фёдор Иванович Иванов, но началась Великая Отечественная, и его забрали на фронт.

Вале тогда исполнилось девять лет. Она и сейчас помнит, как на одной из улиц деревни собрался народ, а управляющий Южаков, забравшись на одну из повозок с лошадьми, громко сказал: «Товарищи, идёт война. Наши отцы, братья, деды уходят на фронт. Завтра на защиту Родины могут призвать любого из нас...». Многие жители Кошели не смогли сдержать слёз, и сам оратор тоже.

- Почему он плачет? - спросила у матери недоумевающая Валя.

- Его могут забрать на вой - ну, а он молодой и не хочет умирать...

И действительно, Южакову не суждено было долго жить: он погиб на поле боя.

На смену учителю Иванову пришел молодой педагог Нина Ивановна Калачёва. В 1942 году она только-только окончила ялуторовское педагогическое училище, и в городе работы ей не нашлось. Зато в деревенской школе ребятишкам было тогда тридцать человек, но восемнадцатилетняя девушка со всеми справлялась. Жила молодая учительница прямо в здании школы: в одной комнате проходили занятия, а в другой поселили её с маленькой дочкой Тамарой, которая тогда даже ещё ходить не умела. В будущем она пошла по стопам матери и тоже много лет трудилась на педагогической ниве.

Энергичная, инициативная Нина Ивановна старалась сделать жизнь в сибирской глубинке интересной и насыщенной. Организовала избучитальню, куда приносила свои книги. В клубе устраивали посиделки, проводила праздники с песнями и стихами, а ещё - полигонные занятия, которые во время войны были особенно востребованы у населения. Сводки о положении дел на фронте Калачёва привозила из района. Муж её в это время тоже воевал. В 44-м он погиб под Ленинградом.

Летом ребятишки вместе с учителем помогали колхозу: полили сорняки на полях, а осенью собирали урожай овощей.

После четырёх лет кошельковской школы Валентина продолжила учебу в Беркуте.

Успевали и образование получать, и трудиться.

- Мы с девочками пасли телят. Старший брат Гриша работал курьером: возил почту на лошади из Ялуторовска, сводки по надоям в центральную усадьбу – в Беркут, – рассказывает Валентина Сафоновна. - Нас во время войны у родителей было четверо. Ещё двое ребятишек родились после Победы. Трудно жилось. Хорошо, что картошку сажали, рыбу в озёрах ловили, летом грибы и ягоды собирали, тем и кормились.

Боевать из Кошельей ушли почти все мужчины. Практически каждая семья получила в те годы похоронку. Отца Валентины ранило. Живыми вернулись Михаил Ульянов, Кирилл Гладков, Павел и Константин Гармановы и другие.

Жили в роковые-сороковые в Кошелях и дети из блокадного Ленинграда.

Вместе с матерями на квартирах поселились ребятишки Олейниковых и Швецовых. Очень жал-

ко было их местным жителям. Сами, бывало, не доедали, но ленинградцев в беде никогда не оставляли.

- Однажды Оля Олейникова принесла нам красивый, почти новенький бидон, за который попросила несколько картошек. Мама заплакала, и, конечно же, пожалела девочку, – вспоминает Валентина Кобелева.

Где-то за километр от деревни находилась ферма с тремя помещениями для коров и телят. Рядом с ней построили дома, в одном Хабаровы даже жили сначала. Здесь же, в колхозном селе, сажали овощи для детсада и столовой. За ним ухаживали и взрослые, и ребятишки. Вернувшись с войны, отец трудился плотником, кладовщиком, мать – на ферме. После шестого класса туда же устроилась телятницей и Валентина.

Деревня стояла в живописном месте, но вокруг были болота, и дороги часто размывало. Люди оказывались попросту отрезанными от большого мира. Это и стало главной причиной исчезновения населённого пункта.

История Кашагала повторилась. С 1949 года кошельковцы стали уезжать с нажитых мест, многие – вместе с домами. Кто на Новостройку (позже – Черёмушки), кто – в Беркут. Даже мечеть и ту увезли на постройку жилья. К пятидесятиму году прошлого века в Кошелях почти никого не осталось. Нина Калачёва тоже уехала в Черёмушки, проработав в местной школе до 1979 года.

После исчезновения деревни и семья Воронцовых тоже стала жить в Черёмушках, потом – в Беркуте. Николай Фёдорович много лет работал ветеринаром в совхозе «Ялуторовский», супруга Анна Васильевна – телятницей. Сейчас их нет в живых. Сыновья Владимир и Валерий с семьями до сих пор живут в Беркуте. Младший Виктор переехал в Тюмень. Сейчас все братья Воронцовы на заслуженном отдыхе.

Ещё одна жительница Кошельей Валентина Шишкина вышла замуж за местного парня – Леонида Попкова. После исчезновения деревни перебрались в Беркут, где оба супруга были рабочими стройотдела. Вырастили сына Виктора и дочь Галину.

Жители разъехались кто куда, а вот местная ферма, стоявшая на хорошем для выпасов месте с сочной и густой травой, существовала еще несколько лет.

Семья Воронцовых.

Анатолий МЯСНИКОВ,
член Союза журналистов РФ
(г. Ялуторовск)

Пешком по Вознесенской...

Улица Вознесенская, ныне Первомайская, одна из самых первых городских магистралей. Это, по сути, вторая продольная улица после Береговой (Шаурова) идущая параллельно пойме Тобола. Самое начало её, во всяком случае, от первых домов до Сретенской площади, достаточно узкое, двум машинам трудно разъехаться. Но, уж дальше, можно сказать, улица выходит на оперативный простор, с каждым метром она становится все шире, достигая своего максимума в семьдесят метров! Это самая широкая улица города.

Своё наименование улица получила в честь церкви во имя Вознесения Господня, сооружённой в 1812 году в память о победах русского народа в Отечественной войне. Храм построен при содействии ялуторовского купца Алексея Быкова в стиле русского классицизма. В церкви было два престола – во имя Вознесения Господня и Всех Святых. Простояла она до 1930 года, когда на очередной волне борьбы с религией её снесли. Иконы частью отправили в Тюмень, оставшиеся передали в музей Памяти декабристов. Но эта церковь была примечательна еще и тем, что в 1841 году в ней крестили будущего российского мецената Савву Мамонтова, родившегося 2 октября в семье ялуторовского купца Ивана Федоровича Мамонтова и его супруги Марии Тихоновны. Неподалеку от церкви на Вознесенской стоял и дом купца Мамонтова. Сохранился ли он доныне? Трудно сказать, но ялуторовские музейщики полагают, что это дом под номером 60. А на месте церкви стоит под номером 50 огромный барак, в котором размещался доручасток, продавались билеты на междугородние автобусы. От культовых сооружений сохранился лишь каменный особнячок на углу улицы Якушкина.

Вознесенская улица вообще считалась главной в Ялуторовске. Поэтому располагались на ней различные присутственные места и селились исключительно именитые люди. А вот рейнский погреб и питейные заведения, которые появились в Ялуторовске в конце XIX века, на Вознесенской улице открывать было запрещено.

Вот как описывает улицу Вознесенскую известный русский полярный исследователь, этнограф, писатель и журналист Константин Носилов, родившийся в селе Маслянском Крестовской волости Шадринского уезда. В Ялуторовске он побывал в 1898 году, путешествуя по Тоболу и Исети. «Вся главная улица

этого городка, на которую я вышел, заполнена исключительно почти домами и квартирами служилого люда разных правлений, управлений, камер, присутствий, и ее можно бы смело именовать чиновничьей по числу вывесок казенных учреждений. Это довольно чистенькая, широкая улица, где еще попадаются маленькие сады, балконы и домики, напоминающие дома старых дворян, какие прежде встречать можно было часто в городах Центральной России – длинные, опалубленные, с большими окнами, однообразными широкими дворами, воротами с однообразной пустотой. На торговой площади, где стоит деревянный гостиный двор с закрытыми лавками, попадается три-четыре хороших дома местных тузов».

Современное название улицы пошло с 1919 года, когда на заседании ревкома большевики постановили переименовать её в улицу 1 Мая. И уже 20 апреля 1920 улицу назвали Первомайской. Кстати, этим же постановлением площадь возле Сретенского собора, где стояла трибуна, получила наименование «Площадь Труда». В шестидесятые её нарекли именем вождя победившего пролетариата – Владимира Ленина, поскольку в 1961 году был установлен

ему памятник работы тюменского скульптора Белова. Но, когда в конце восьмидесятых гипс изваяния пришел в негодность, памятник убрали. И как-то незаметно исчезло из обихода название «Площадь имени Ленина». Произошла реанимация старинного наименования – Базарная, Рыночная площадь. И только в начале двухтысячных городская Дума, в преддверии 350-летия города, дала старой площади имя, которое прижилось – Сретенская.

Давайте прогуляемся по Вознесенской, посмотрим, чем она примечательна сегодня. В самом ее начале небольшие старые деревянные дома, но тут и там уже видим «вставки» современных каменных особняков. По левую руку – офис отдела вневедомственной охраны, рядом, на уголочке, вместо старинного добротного жилого особняка производственное сооружение, где изготавливают памятники.

Именно здесь, на этом месте в 1817 году при поддержке купца Быкова было построено здание уездного училища. Оно простояло почти до конца XIX века, пережив пожар, уничтоживший всю библиотеку из более, чем полутора тысяч томов. С 1874 по 1878 год в нем учился мой

Вид на улицу Вознесенскую.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1912 г.

прадед Петр Степанович Мясников.

Именно это училище посетил 23 ноября 1858 года инспектор народных училищ Тобольской губернии, автор знаменитого «Конька-Горбунка» Петр Ершов.

По правую руку – каменная коробка миграционной службы. Чуть дальше – солидное здание магазина, выходящее на Вознесенскую торцом. Это исторический объект – магазин купчихи Екатерины Гусевой. На первом этаже располагались торговые залы, на втором – контора основательницы мукомольного дела и владелицы пароходов. Её рабочий кабинет как раз окнами выходил на Вознесенскую. В первые годы советской власти, по рассказам старожилов, в здании также находился магазин, потом помещения пустовали, пока в середине пятидесятых годов здесь не разместили электростанцию. Последняя до этого квартировала в пристрое Дома культуры. Перенос генераторов в гусевский магазин был вызван необходимостью размещения городской библиотеки, пострадавшей от пожара. По иронии судьбы в настоящее время помещение магазина пустует, поскольку не находятся инвесторы, способные взять на себя хлопоты по обустройству исторического здания.

Далее, в начале Сретенской площади по левую руку видим «изюминку» Ялуторовска – величественный Сретенский собор, храм, который 5 июня 1837 года посетил наследник престола, будущий император Александр II. Въехал он в Ялуторовск через тюменскую заставу. Следовательно, к собору проследовал по нынешней улице Революции, получившей впоследствии наименование Царской. А покидал Ялуторовск, скорее всего, по центральной магистрали города – улице Вознесенской, поскольку направлялся в Курган. Почему на здании собора до сих пор нет памятной доски о монаршем визите, непонятно. Кстати, 6 февраля 1846 года в Сретенском соборе декабрист, князь Евгений Оболенский венчался с крестьянской девицей Варварой Барановой. А во дворе собора в 1842 году появилось здание всесословной школы для мальчиков, открытой Иваном Якушкиным. Деятельное участие в ее становлении принимал протоиерей Сретенского собора Стефан Знаменский.

Напротив собора внимание всех туристов привлекают так называемые Торговые ряды. Здание из красного кирпича, переданное музеиному комплексу, давно закрыто на реставрацию, обнесено забором, за которым буйствуют, захватывая все большее пространство, могучие клены, выросшие из семян. Строительство Торговых рядов, которое началось в 1821 году,

осуществлялось по инициативе «Общества ялуторовских купцов и мещан». Первоначально это было строение из сосны, покрытое тесом, и лишь в конце XIX столетия было заменено на кирпичное.

Между собором и Торговыми рядами великолепно исполненная из гранита фигура святителя Николая – покровителя малых городов. Это работа ялуторовчанина, члена Союза художников России, почетного гражданина города Владимира Шарапова.

Пересечем Сретенскую площадь. На следующем углу два каменных особняка постройки конца XIX века. Слева – здание казначейства. Все советские годы здесь также располагалось финансовое учреждение – Госбанк. Служил в нем, кстати, с 1930 по 1948 год главным экономистом мой дед – Александр Петрович Мясников. В период новейшей истории в здании размещался расчетно-кассовый центр, в последние годы – отделение Россельхозбанка.

С правой стороны красивое двухэтажное здание из красного кирпича – дом купеческой вдовы Ирины Мясниковой. После установления советской власти

в особняке разместили почтamt и телеграф. Почтовое отделение функционирует и поныне. Еще в восьмидесятые годы двадцатого столетия к основному зданию сделали пристрой для узла связи. По сути, новодельных частей здания две – одна выполнена из красного кирпича в стиле старой архитектуры, а другая и вовсе без излишеств, из силикатного материала. Сегодня там находится пенсионный фонд.

Также на нечетной стороне улицы взглядом всех прохожих и туристов привлекает солидный жилой особняк на каменном фундаменте. Окна его украшают великолепные наличники объемной резьбы. Многие горожане знают, что долгие годы здесь размещался Дом пионеров. Не одно поколение ялуторовских мальчишек и девчонок прошло через его кружки. Посещал здесь фотокружок и автор этих строк. И сделал первые шаги на сцене – тоже, в спектакле «Золушка». До октябрьского переворота 1917 года в доме проживала семья смотрителя училища по фамилии Барш. После изгнания из города колчаковцев разместились уездные земельный и финансовый отделы – уземотдел и уфинотдел.

Чуть дальше под номером 29 еще недавно стоял длинный барак, снесенный из-за ветхости. Старшее поколение ялуторовчан помнит, что несколько десятилетий в нем находилось детское отделение больницы. А в следующем, угловом, доме располагалась детская поликлиника. Этот красивый, обшитый тесом особняк с каменным полуподвалом, снесли при строи-

тельстве пятиэтажки на улице Якушкина, 15.

На другой стороне улицы в этом квартале также в бывшем купеческом особняке располагалось отделение ДОСА-АФ. Дом недавно пострадал от пожара, и сегодня инвестор из областного центра строит на его месте кафе.

Как уже отмечалось выше, в пределах следующего квартала на четной стороне улицы находился Вознесенский храм. За ним дальше, под горку – дом Мамонтова. А на углу Вознесенской и Якушкина, почти напротив храма находился двухэтажный деревянный особняк. Стоит он до сих пор, висит на нем табличка, удостоверяющая, что это памятник архитектуры, хотя из областного реестра он исключен. Но он интересен тем, что за свою историю видел немало интересных людей. В начале XX столетия здесь проживал ялуторовский нотариус Патушинский. Именно к нему, а точнее, к его супруге, не раз заезжал в гости сибирский «старец» Григорий Распутин. Визит его в Ялуторовск в 1915 году проходил под неусыпным полицейским надзором, люди «в штатском» фиксировали каждый шаг персоны, приближенной царской семье. Не осталось незамеченным и исчезновение Распутина с супругой Патушинского, удалившимся в стоявший рядом заброшенный дом, где «ранее проживали декабристы».

Этот дом тоже был достопримечательностью Ялуторовска. Автору этих строк доводилось встречаться с людьми, видевшими воочию это строение. Особняк воспроизведен на открытках-фотографиях 1911 года с надписью – «Дом декабристов». А старожилы вспоминали его как «театр декабристов». Особняк с колоннами, выстроенный в классическом стиле, сгорел в 1919 году, после того как в него попал снаряд с бронепоезда. Что интересно, в последние десятилетия XIX века дом стоял пустым, заметно обветшал, но был приобретен купцом Колмаковым.

А в доме Патушинского в первые годы советской власти размещалась какая-то больничка, затем его отдали под заселение. Проживали в нем актрисы ялуторовского профессионального колхозно-совхозного театра Вера Андриевская и Наталья Волконская, учитель английского языка Михаил Вешкурцев. Несколько лет квартировала сосланная в Ялуторовск по пресловутой 58-й статье профессор-микробиолог Преображенская.

От середины квартала, от дома Мамонтовых улица Первомайская уходит вниз, пересекая

улицы Пущина и Ишимскую, к озеру Бабановскому.

Любознательный пешеход, безусловно, непременно остановится у нарядного каменного особняка, стоящего както наособицу, на горке, в квартале между Пущина и Ишимской. Сегодня в этом отреставрированном здании размещается духовно-просветительский центр. Все возвращается на круги своя, ибо это здание изначально строилось как учебное.

22 июня 1890 года здесь

открылось трёхклассное уездное училище, построенное на средства купца I гильдии Игнатья Колосова. Учился в этом училище с 1895 по 1898 годы и мой дед – Александр Петрович Мясников. После октября 1917 года в здании функционировала школа II ступени. Среди тех, кто получил здесь среднее образование – Павел Михайлович Фитин, окончивший школу в 1926 году, генерал-лейтенант, выдающийся организатор и руководитель внешней разведки СССР в 1939-1946 годах. 14 августа 2014 года на здании учебного заведения в память об этом незаурядном земляке установлена мемориальная доска. В 1929 году окончил эту школу и мой отец Михаил Александрович.

Тем, кто прогуливается по нашей Первомайской – Вознесенской от центра, я бы порекомендовал обязательно выйти на перекресток с Ишимской. Обернуться назад и посмотреть перспективу улицы. Вознесенская устремляется вверх, как будто и правда возносится. И в самом центре композиции, там, наверху – Сретенский собор. Ближе к вечеру в лучах заходящего солнца сверкают золотом купола и кресты. Видимо, нечто подобное увидел в 1912 году побывавший здесь известный фотограф Сергей Прокудин-Горский. Во всяком случае, одна из его фотографий в Ялуторовске сделана именно с этого места. Только на его дагерротипе видна еще и Вознесенская церковь.

Наша прогулка по Первомайской завершается возле санатория «Светлый», корпуса которого перекрывают улицу. Где-то здесь, неподалеку в стародавние времена стояла и городская застава, через которую можно было выехать на Курган либо Омск. Что интересно, большая часть застройки в этой части улицы относится ко второй половине XX столетия, хотя есть и очень старые дома с интересной архитектурой, чего, например, стоит дом под номером 91. А сама улица опять сужается, скорее всего, из-за линии домов, построенных на четной стороне вдоль озера Бабановского.

Мир музея

К 170-летию А.Н.Балакшина

Материалы «круглого стола» «Вклад А.Н.Балакшина в аграрное развитие региона»

19 ноября 2014 г. в конференц-зале администрации г. Ялуторовска состоялся «круглый стол», посвященный 170-летию А.Н. Балакшина, основателя Союза сибирских маслодельных артелей. Организаторами его выступили ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» и ГАУ Северного Зауралья.

Открывая форум, Глава города Вячеслав Смелик особо подчеркнул, что в ряду славных имен, составляющих гордость Сибири и России, находится Александр Николаевич Балакшин, родившийся в семье ялуторовского купца. Созданный им Союз сибирских маслодельных артелей, объединивший производство, переработку и сбыт знаменитого сибирского масла, стал самой крупной в мире кооперативной структурой.

Эта крупная дата привлекла внимание ученых, историков и краеведов Сибирского региона. С докладами выступили: заведующий кафедрой «Экономика и коопeração», профессор ГАУ Северного Зауралья (г. Тюмень) Сергей Пахомчик (он же модератор круглого стола), преподаватели этого аграрного вуза Лариса Морочковская, Татьяна Клыкова и аспирант Николай Кротков, доктор исторических наук, член Совета Тюменского отделения Российского исторического общества Александр Вычугжанин, профессор Горно-Алтайского государственного университета Елизавета Чедурова, заведующая музеем истории города Кургана Татьяна Васильева, заведующие краеведческим и историко-мемориальным музеем ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» Татьяна Бурлакова и Ольга Коржень, краевед Лидия Плоскова. Аудиторию составили студенты ГАУ Северного Зауралья, Ялуторовского аграрного колледжа, учащиеся Старокавдышской средней школы Ялуторовского района, участники проекта «Агропоколение».

Участники заседания имели возможность ознакомиться с передвижной музейной выставкой, рассказывающей об основных этапах жизни и деятельности юбиляра, увидеть воочию эскизный проект бюста А.Н. Балакшина, представленный его создателем – скульптором Владимиром Шараповым.

Рекомендации круглого стола направлены на популяризацию наследия А.Н. Балакшина в современных реалиях. Это и ходатайство сделать подобные научные форумы постоянными, используя формат «Декабристских вечеров»,

либо учредить в Ялуторовске на базе музейного комплекса «Балакшинские чтения», это и желание продолжить научные и поисковые исследования творчества знаменитого земляка, а результаты публиковать в научном журнале «Вестник ГАУ Северного Зауралья» и альманахе «Явлутур-городок». Участники круглого стола обратились к Главе г. Ялуторовска с рекомендацией рассмотреть вопрос об изыскании средств на изготовление памятника А.Н. Балакшину (место уже присмотрено – Пешеходный бульвар), а к городской Думе и администрации – учредить именную стипендию для лучшего учащегося аграрного колледжа.

2015 год объявлен в России Годом предпринимательства. В этой связи участники круглого стола сочли целесообразным для популяризации наследия А.Н. Балакшина шире использовать возможность таких транснациональных корпораций, как DANONE, лидера на рынке молочной продукции в России.

После круглого стола участники заседания познакомились с экспозициями краеведческого музея и мемориального дома декабриста М.И. Муравьева-Апостола.

В юбилейном выпуске альманаха «Явлутур-городок» продолжается публикация материалов круглого стола «Вклад А.Н. Балакшина в аграрное развитие региона». Доклад профессора С.А. Пахомчика опубликован в предыдущем номере.

П. БЕЛОГЛАЗОВ,
член Совета Тюменского отделения
Российского исторического общества

Александр ВЫЧУГЖАНИН,
доктор исторических наук,
кандидат экономических наук,
член Совета Тюменского регионального
отделения Российского исторического общества

Контакты А.Н. Балакшина с представителями интеллигентуальной элиты

Публикаций об Александре Николаевиче Балакшине, основателе сибирской маслодельной кооперации, в настоящее время имеется предостаточно, но для меня эта личность во многом продолжает оставаться загадочной.

В первую очередь загадка, на мой взгляд, кроется в том, как человек, не имеющий системного образования, сумел в комплексе решить целый ряд сложнейших вопросов – организационных, финансовых, технологических. Его контакты с представителями петербургской администрации, а также Тобольской губернской, участие в специализированных выставках, самообразование во многом обеспечили требуемое финансирование, а также развитие А.Н. Балакшина как профессионала маслодельной промышленности.

Вместе с тем, для деятеля такого масштаба одних управленческих навыков и знания отрасли явно недостаточно. Необходимым слагаемым успеха в любом деле является мотивация. Сам А.Н. Балакшин так определил причины своего подвижничества: «Когда я строил Введенскую церковь, то я чувствовал какое-то удовольствие не потому, что я был церковником, и что в этой постройке выражалось осуществление какой-либо моей идеи, а просто потому, что в этой работе я видел, что я делаю что-то нужное для кого-то, я видел кругом себя поддержку, сочувствие. Не только члены строительного комитета, но все прихожане помогали постройке церкви в том или другом отношении, все относились к делу так старательно, так дружно, с такой настойчивостью и энергией, что одушевление невольно передавалось всем окружающим.

То же самое я должен сказать и про организацию – тут вы видите внимательное отношение каждого, солидарность интересов и настойчивое их проведение¹.

Но даже столь благородной мотивации недостаточно для успеха такого грандиозного дела. И возникает естественный вопрос: какие идеи оказали воздействие на деятельность Балакшина, кто те авторы, чьи труды стали настольными для основателя сибирской кооперации?

К сожалению, мы не располагаем в настоящее время данными о личной библиотеке А.Н. Балакшина, так же, как и сведениями о его читательских предпочтениях. Вместе с тем, неко-

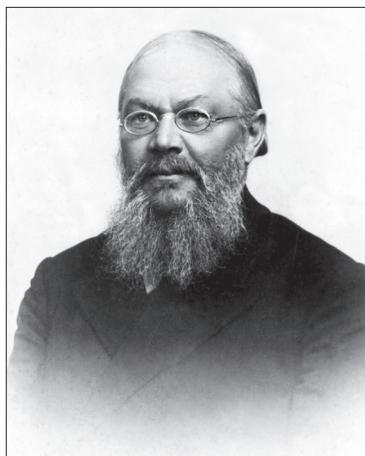
торые выводы мы всё-таки можем сделать.

В настоящее время достоверно известно о личных контактах А.Н. Балакшина с двумя представителями академической среды – французским ученым, профессором Парижского университета Шарлем Жидом и российским ученым Ваханом Фомичом Тотомианцем, преподававшем в Московском и Киевском университетах, Санкт-Петербургском коммерческом и сельскохозяйственном институтах.

Как свидетельствует Тотомианц, Балакшин познакомился с французским ученым в 1910 году на Гамбургском международном кооперативном съезде. По словам Тотомианца, сибирский кооператор, «увлекшись статьями и речами Шарля Жида, приглашал его в Россию, обещая гораздо больше внимания и энтузиазма, чем во Франции»². По мнению Тотомианца, сочинения профессора Жида имели в России в то время гораздо больший успех и распространение, чем во Франции. Скорее всего, именно Тотомианц и познакомил Балакшина с французским ученым, поскольку сам был знаком с ним еще со временем своей учебы в заграничных университетах в 1896-1899 гг.

До момента личного знакомства с французским ученым в 1910 году Балакшин имел возможность достаточно полно ознакомиться с его трудами. К этому времени в России были изданы такие работы Шарля Жида, как фундаментальный труд «Кооперация» (1909 г.), «Социально-экономические итоги XIX столетия» (1906 г.), «Лекции по общественной этике» (1905 г.), «Основы политической экономии» (1896 г.).

Даже по названиям этих трудов французского ученого легко заметить, что для Балакшина, как практика кооперативного движения, интерес могла представлять только работа по кооперации. Хочу обратить внимание, что эта работа была издана в России за год до их знакомства. Все остальные издания – это труды, по выражению самого Жида, идеологического характера. Что в первую очередь могло привлечь А.Н. Балакшина в трудах французского ученого? Мне представляется, как человека независимо мыслящего, лидера по своей натуре, Балакшина в первую очередь привлекло в трудах Шарля Жида отсутствие начетничества,

широкота взглядов и научная эрудиция.

Представляется вполне справедливым характеризовать научный подход Шарля Жида его же словами: «Истина, которую получаешь готовой, как упавшую с неба, не зная, ценой каких усилий она завоевана, подобна золотой монете, приобретенной без труда, - от нее нет никакой пользы»³.

Ясность изложения французским ученым научных доктрин не могла не привлечь сибирского кооператора: «Превосходство всякой теории измеряется исключительно тем, насколько она способна объяснить данное явление. Неважно, кем тогда на практике является данное лицо: интервенционистом или либералом, протекционистом или фритредером, социалистом или индивидуалистом, - всякий здравомыслящий ум по необходимости склоняется перед точным наблюдением или достаточным объяснением.

Но между тем как эти расхождения школ стремятся сладиться в единстве лучше понятой науки, за ними проглядывают вновь рождающиеся деления, менее схоластические и более плодотворные для прогресса науки, так что под старым веером как будто нарождается новый»⁴.

В Интернете Шарлю Жиду посвящено всего несколько строк: «Проповедовал мелкобуржуазный «кооперативный социализм», ошибочно полагая, что капиталистическое производство может быть реформировано путем широкого развития потребительских кооперативов. Утопический характер этого учения критиковался В.И. Лениным». Несправедливо сводить взгляды Ш. Жида к приданнию столь важной роли потребительским кооперативам, которые, как известно, не предназначены для производственных целей. Точнее сказать, что он мог такую важную роль отводить только в совокупности всем видам кооперации – потребительской, кредитной, производственной (как пример – маслодельной).

Пример сибирской маслодельной кооперации как раз и вызывает сомнение в непогрешимости критиков Ш. Жида. Если вспомнить широко известное утверждение, что «Практика – критерий истины», то развитие маслодельной кооперации в Сибири как раз и подтверждает правоту Ш. Жида. Если бы в 1900 году Балакшин выступил в печати с рассказом о том, каких успехов в развитии кооперации он достигнет в 1913 году, нет сомнений, что, в лучшем случае его бы назвали фантазером, в худшем – подняли бы на смех.

Второй ученый, с которым Балакшин был в тесном контакте, Вахан Фомич Тотомианц был известен в дореволюционной России своими многочисленными трудами по кооперации. Тотомианц разделял взгляды Ш.

Жида на развитие кооперации и переводил его труды на русский язык. Тотомианц считал, что кооперативное движение создаст своеобразный общественно-экономический строй, занимающую срединную позицию между капитализмом и социализмом. По мнению Тотомианца, кооперативное движение основывается на христианских ценностях и формирует у своих участников соответствующие моральные нормы. Ярко выражает эту позицию Тотомианца одна из его работ – «Духовная красота кооперации».

Несомненно, что Тотомианца в сибирском кооператоре привлекало и то, что «Балакшин до последнего времени сохранил живой интерес ко всему прогрессивному и юношескую способность воодушевляться»⁵. Контакты между Балакшиным и Тотомианцем сохранились и после того, как оба оказались в эмиграции. В одном из писем Тотомианцу в 1918 г. Балакшин писал, что «болеет душою за Россию»⁶. Не случайно, что именно Тотомианц написал посвященный Балакшину некролог, опубликованный в 1921 году в парижской газете «Последние новости».

Можно только сожалеть, что переписка Балакшина и Тотомианца, скорее всего, погибла во время второй мировой войны вместе с рукописями и уникальной библиотекой ученого.

В сборнике «Незабытые могилы. Российское зарубежье: том 1. (А – В)» сообщается, что А.Н. Балакшину были посвящены следующие некрологи:

- Последние новости. Париж. 1921 г. № 503 от 6 декабря.
- Русский голос. Харбин. 1922 г. № 440 от 6 января; № 689 от 28 ноября.
- Сегодня. Рига. 1925 г. № 31 от 10 декабря.
- Шанхайская жизнь. Шанхай. 1921 г. № 633 от 1 декабря.

Мне удалось познакомиться пока с двумя некрологами: в парижских «Последних новостях» и харбинском «Русском голосе» от 28 ноября 1922 г. В этом номере «Русского голоса» сообщение только о церковной службе по случаю смерти

А.Н. Балакшина. К сожалению, номер «Русского голоса» от 6 января (скорее всего, там и был текст некролога) пока найти не удалось.

Идеи, которые декларировались идеологами кооперации, А.Н. Балакшин смог реализовать на практике: «Чем сильна кооперация? Сильна она единением; «в единении сила», где труды отдельного человека не могут сделать ничего, там соединенные усилия многих людей способны совершать чудеса, лишь было бы согласие и умение».

Мне представляется, что в настоящее время изучение опыта А.Н. Балакшина актуально

Могила А.Н. Балакшина в Лондоне.

как никогда прежде.

Примечания:

1. Сибирский листок: 1901 – 1907. Тюмень. 2003. С. 339.
2. Последние новости. 1921. № 503 от 06.12. С. 2.

3. Жид Шарль История экономических учений. М. 1995. С. 14.
4. Жид Шарль История экономических учений. М. 1995. С. 486.
5. Последние новости. 1921. № 503 от 06.12. С. 2.
6. Последние новости. 1921. № 503 от 06.12. С. 2.

Татьяна ВАСИЛЬЕВА,
заведующая музеем истории г. Кургана

Главное дело Александра Балакшина

После женитьбы на Елизавете Угрюмовской Александр Николаевич Балакшин с женой переехал в Ишимский уезд, где организовал земледельческую коммуну на арендованной земле. Однако коммуна вскоре распалась, и Балакшин переехал в Петропавловск. Затем он некоторое время работал мастером на паточном заводе И.К.Бакина в селе Чернавском.

Желая иметь собственное производство, Балакшин переезжает в деревню Старо-Сидоровку (Логовушка) и берет в аренду у местных крестьян несколько десятин земли под устройство картофелепаточного завода. Завод был выстроен на совместные капиталы Александра Балакшина и Андрея Ванюкова. Кроме паточного завода здесь был небольшой маслодельный завод. Сбыт патоки производился на пряничные заведения Тобольской, Пермской, Оренбургской губерний. Конфетная фабрика А.П.Полякова в Екатеринбурге изготавляла карамель только из патоки, приобретаемой на заводе Балакшина. Чтобы иметь сырье для паточного производства, «Товарищество А. Балакшин и А.Ванюков» сначала закупало картофель у местных крестьян, но вскоре перешло на аренду земель. С 1885 года Балакшин начинает высевать различные сорта картофеля, которые привозит отовсюду, составляет диаграммы средней урожайности и крахмалисто-

сти каждого сорта.

Одновременно он начинает опыт по орошению.

Кроме картофеля «Товарищество Балакшин и Ванюков» занималось посевами яровой пшеницы. Выращивали овес «Триумф». Семена выписывали из Петербурга. Земледельческие орудия в хозяйстве были новейшей конструкции – плуг Ошменца, барона Зигзаг Говарда, культиватор Менцеля, окучник Эккерта. В хозяйстве была своя пасека, на которой можно было видеть целую коллекцию разнообразных ульев. Городство Балакшина была его метеорологическая станция, заведенная им еще в 1879 году. Первый раз итоги своей деятельности А.Н.Балакшин и А.П.Ванюков широко продемонстрировали в 1897 году на научно-промышленной выставке в Екатеринбурге, где были отмечены медалью. Но особенный успех ждал друзей на сельскохозяйственной и кустарной выставке, проходившей в Кургане с 20 августа по 20 сентября 1895 года. Они представили здесь ценную коллекцию культивируемых ими сортов картофеля с двумя гербариумами, коллекцию ульев и сопроводительного оборудования.

Имея данные метеорологических наблюдений за 15 лет, Александр Николаевич представил их в картограммах с характеристиками главнейших метеорологических элементов – температуры, осадков, давления. Для популяризации метеорологических наблюдений Балакшиным у самого входа на выставку была построена метеобудка системы Вильда с полным набором оборудования. За выставку А.Н. Балакшин и А.П.Ванюков были награждены Большой серебряной медалью.

2 сентября в Курган прибыл министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Еромолов. Он обратил внимание на материалы Балакшина, долго беседовал с ним. Здесь же на выставке Балакшин впервые встретился с Владиславом Феофиловичем Сокульским, командированным Министерством земледелия и государственных

Устроители выставки в Кургане. 1895 г.

имуществ в Тобольскую губернию для организации маслоделен. На многие годы они станут оппонентами, каждый из них будет отстаивать свой взгляд на развитие маслоделия. Как член Выставочного комитета Балакшин близко сошелся с губернским агрономом Николаем Лукичем Скалозубовым. Во время пребывания на выставке министра Ермолова Скалозубовым и Балакшиным была высказана мысль об открытии в Кургане Отдела Императорского Московского общества Сельского хозяйства (МОСХ). Ермолов поддержал эту идею, сказав, что это будет вполне своевременно и можно рассчитывать на поддержку правительства. Деятельность МОСХа должна была охватывать юго-западные земледельческие районы Тобольской губернии, т.е. округа Тюменский, Ялуторовский и Курганский. 31 января 1897 года Министерство утвердило программу занятий Отдела и дало разрешение на его открытие.

Учредительное собрание членов Отдела МОСХа состоялось 12 июня 1897 года. Председателем Отдела был избран А.Н. Балакшин. В первый же год по его предложению было начато устройство сельскохозяйственной библиотеки, разрабатывался проект о постановке метеорологических наблюдений в районе деятельности Отдела, проводились поиски способов борьбы с кобылкой, задумались об устройстве в Курганском лесничестве питомника и склада лесных семян для продажи и раздачи населению посадочного материала, был поднят вопрос о поощрении саманных построек.

Александра Николаевича давно волновали вопросы маслоделия. Уже в 1898 году при Отделе МОСХа была учреждена постоянная комиссия по маслоделию и молочному хозяйству, которая была занята наравне с другими делами изучением условий перевозки сливочного масла по железной дороге. По ходатайству Отдела на Сибирскую железную дорогу было дано 50 вагонов – ледников и установлено согласование поездов, благодаря чему масло стало доходить до портов Балтийского моря за 8 дней.

В 1898 году было организовано Курганское сельскохозяйственное товарищество, которое должно было быть дополнением Отдела МОСХа, служить посредником между производителями масла и заграничными рынками его сбыта.

7 сентября 1901 года состоялось открытие съезда молочных хозяев и выставка маслоделия. На съезде А.Н. Балакшин выступил с докладом, в котором проводил идею кооперативных маслоделен.

В результате ходатайства съезда было принято решение Министерства Земледелия о создании Правительственной организации по устройству маслодельных кооперативных товариществ, коротко именуемой – Организация. Заведующим был назначен А.Н. Балакшин.

Организация проделала большую подготовительную работу, произвела обстоятельное обследование условий маслоделия на местах, выработала типы наиболее подходящих заводов, командировала эксперта в Прибалтику

для подыскания надежных мастеров, вступила в сношения по сбыту с 17 русскими и 25 заграничными фирмами. После подготовительной работы было выпущено Обращение к населению. Предлагающее помочь Организации в устройстве артельных заводов. В ответ поступило сразу 56 заявлений. За пять лет существования организации возникла 271 маслодельная артель, объединившая 5200 крестьянских дворов.

Являясь председателем КОМОСХа Балакшин испытывал сильное давление со стороны заводчиков и экспортёров, входящих в состав Отдела и желающих направить деятельность КОМОСХа в свою пользу, тем более, что в числе членов Отдела было очень мало крестьян. Собрания Отдела сделались ареной каких-то пререканий, чуть не судебных разбирательств. В конце концов 26 августа 1905 года на собрании КОМОСХа Александр Николаевич отказался от должности председателя.

В августе 1905 года Александр Николаевич решил баллотироваться в Государственную Думу, чтобы в ней работать на благо Сибири и сибирского маслоделия.

Балакшин сделал попытку организовать в Кургане свою партию, которую назвал «Народным Трудовым Союзом».

10 ноября 1905 года А.Н. Балакшин пишет взвывание к крестьянам Зауралья, в котором предлагает им объединиться в «Народный Трудовой Союз».

Политическая активность А.Н. Балакшина и его попытки баллотироваться в депутаты Государственной Думы были пресечены Курганской полицией. Было возбуждено судебное дело, которое тянулось полтора года. Это не позволило Балакшину выставить свою кандидатуру во 2-ю и 3-ю Государственную Думу.

Приговор Балакшину был вынесен в закрытом судебном заседании 13 ноября 1907 г. он гласил: «Суд пришел к заключению: в инкриминируемом деянии подсудимого Балакшина не заключается состава, приписываемого ему преступления, а потому Суд и полагает признать его в сем деле невиновным, причем судебные издержки... следует принять на счет казны». Казна понесла материальный ущерб, оплатив судебные расходы, а Балакшин – моральный. На этом закончились его попытки, начавшиеся еще в Казанском университете, принять участие в политической жизни России.

Но впереди Александра Николаевича ждало еще более великое дело – создание Союза Сибирских маслодельных артелей. За время следствия противниками Балакшина было сделано все, чтобы отстранить его от заведывания Организацией по устройству маслодельных кооперативных артелей. В Тобольск из Кургана поступали доносы не только о его противоправительственной деятельности, но и обвинения в присвоении семейством Балакшиных сумм, отпускаемых для нужд Организации. Управляющий государственными имуществами Тобольской губернии просит 20 февраля 1907 года губернато-

ра Николая Львовича Гондатти уведомить его, действительно ли Балакшин привлечен к ответственности и совместимо ли это со служебной деятельностью по заведеванию Организацией. Благодаря стараниям Гондатти, Организация по устройству кооперативных маслоделен в 1907 году прекратила свое существование.

Но уже 10 ноября 1907 года был создан Союз Сибирских маслодельных артелей. Двенадцать маслодельных артелей объединились в кооперацию. Которой сужено было стать крупнейшей не только в России. Но и во всей Европе. Разумеется, первым директором был А.Н. Балакшин.

К 1910 году кооперативное маслоделие настолько усилилось, что почти вытеснило частные заводы, а к 1912 году заставило свернуть работу несколько заграничных фирм. Тем более, что в 1930 году Союз открыл в Берлине и Лондоне собственные конторы по продаже масла в Германии и Англии. Благодаря энергичным действиям Балакшина к 1913 году ССМА объединил 560 маслоделен и 500 потребительских артелей. Оборот достиг 14 миллионов рублей. Из них девять миллионов падало на сбыт сибирского масла за границу.

В 1912 году было образовано акционерное общество «Юнион». С этого дня вся работа за

границей шла через «Юнион». Председателем правления «Юнион» стал А.Н.Балакшин. В связи с эти он слагает с себя обязанности директора ССМА и на его место заступает Андрей Александрович Балакшин.

Но многолетняя интенсивная деятельность, постоянная борьба с оппонентами, груз ответственности утомили Балакшина настолько, что он решил уйти на пенсию. Об этом было объявлено на ежегодном декабрьском совещании уполномоченных ССМА в 1916 году. Общее собрание единогласно постановило назначить ему пожизненную пенсию в размере 2500 рублей и просило принять на себя звание Почетного директора «Юниона». Уезжая в Англию, Александр Николаевич очень сожалел о своей Логовушке, где построил свои заводы, о своем доме, где выросли его дети, где вместе с прихожанами строили церковь.

Из Англии Александр Николаевич уже не вернулся в Россию. Он приобрел в пригороде Лондона участок земли и дом, где занимался садоводством. В Англии его навещал старший сын Андрей, бывавший в Лондоне по служебным делам. Скончался Александр Николаевич 28 ноября 1921 года и похоронен на Хайгейтском кладбище, вблизи могилы Карла Маркса.

Татьяна КЛЫКОВА,
преподаватель кафедры экономики
и кооперации ГАУ Северного Зауралья
(г. Тюмень)

Деятельность Союза сибирских маслодельных артелей в оценке А.Н. Анцыферова

Анцыферов Алексей Николаевич (10 августа 1867, Воронеж — 18 марта 1943, Париж) — русский экономист, статистик, теоретик кооперации и деятель кооперативного движения. Профессор Харьковского университета и Харьковского коммерческого института; в эмиграции — один из создателей и руководителей Русского института права и экономики при Парижском университете, один из инициаторов создания Международного института по изучению социальных движений, создатель Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге и Риме.[3]

Научные взгляды и творческое наследие. Основные труды в области теории кооперативного движения. Выступая сторонником Нимской школы, определял кооперацию как хозяйствственные отношения, отличающиеся и от капитализма, и от коммунизма. Её сущностью выступали взаимопомощь, свободное и мирное сотрудничество, — нравственный, то есть христианский принцип любви к ближнему. Исходя из этого, Анцыферов рассматривал кооперацию и капитализм, с его основополагающими принципами — конкуренцией, прагматизмом, разумным эгоизмом, как антагонистические системы. Считал, что исторически неверно связывать возник-

новение кооперации с капиталистическим строем, так как она возникла гораздо раньше. [1]

По мнению А.Н. Анцыферова, Александр Николаевич Балакшин являлся одним из крупнейших деятелей в области самой важной для России земледельческой и сельской кооперации. Глубокая вера в свои возможности, огромная энергия и творческий талант помогли ему создать очень крупное дело, которое не умрет и еще принесет богатые плоды в свое время, когда Россия выздоровеет от охватившего ее безумия и нравственного падения. Увлеченность А.Н. Балакшина кооперативной идеей позволила правильно и трезво оценить нарождавшуюся потребность и реальные условия для приложения кооперативного принципа, найти своеобразную форму кооперативного товарищества, сочетавшую тип производственной сельско-хозяйственной и потребительской сельской кооперации, вполне подходящий для местных условий Западной Сибири. Он сумел победить обычную недоверчивость и косность крестьянской массы, пробудить в ней живой интерес к кооперативному делу и улучшению своего хозяйства, сумел и поставить дело с самого начала на вполне реальную, деловитую почву.

И результаты получились блестящие. Скотоводство и молочное хозяйство Западной Сибири начало развиваться быстрыми темпами. А.Н. Анцыферов также считал, что правительство обязательно должно играть крупную роль в создании кооперативных организаций, однако не приемлет и нарушение самостоятельности кооперации централизованной опекой со стороны государственной власти. При этом ученый обращает наше внимание на следующий момент: помочь кооперации со стороны государства вовсе не означает потерю или уничтожение самостоятельности кооперативного движения, что также актуально и в современном периоде развития сельской кооперации. [2]

А.Н. Анцыферов считал, что кооперативное наследие А.Н. Балакшина имеет не только русское, но и мировое значение, и не должно быть забыто. У А.Н. Анцыферова, сложился образ А.Н. Балакшина как простого, прямого, честного, русского человека, с широкой и любвеобильной русской душой, обладавшего в то же время необычайной для русского человека энергией и даром творчества. Этому творчеству и этой

энергии обязана своим возникновением и развитием сибирская маслодельная кооперация.

Самоорганизация и самоопределение кооперативного движения стали возможны благодаря многолетней, многоплановой и целенаправленной деятельности русских либеральных интеллигентов и непосредственной поддержке государства. Развитие русской кооперации, особенно в сельском хозяйстве, её становление как массовое движение было связано с активным содействием министерства финансов и Государственного банка Российской Империи. Министерство финансов поддерживало кооперацию потому, что она являлась одним из дешевых способов разрешения аграрной проблемы.

Список литературы:

1. Анцыферов А.Н. О природе и сущности кооперации (этюд) // Записки Русского Института сельскохозяйственной кооперации в Праге. – Прага., 1926. Кн. 4.
2. Анцыферов А.Н. Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. - М., 1917.
3. Ижболдин Б. А. Н. Анцыферов как экономист // Новый журнал. 1976. Кн. 124.
4. Фигуровская Н.К. Кооперация. Страницы истории. – М. Выпуск 4. 1994.

Николай КРОТКОВ,

аспирант кафедры экономики
и кооперации ГАУ Северного Зауралья (г. Тюмень)

История Союза сибирских маслодельных артелей (1907-1920 гг.)

Александр Николаевич Балакшин рано познакомился с кооперативными идеями декабристов и в течение своей многолетней деятельности следовал этой программе, которая была нацелена на всесторонний подъём Сибири через укрепление благосостояния народа. Сначала с компаньоном в 1876 году создал крахмало-паточный завод, затем пытался возделывать различные сельхозкультуры. Но постепенно пришел к мысли, что именно молоко и масло наиболее выгодны для производства в сибирских условиях.

Вместе с Тобольским губернским агрономом Н.Л. Скалозубовым в 1895 году А.Н. Балакшин активно участвовал в Кургане в 1-й сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставке Тобольской губернии. Ими был инициирован вопрос о создании в Кургане отдела Московского общества сельского хозяйства, с целью поднятия культуры земледелия и скотоводства в южной части Тобольской губернии. В 1897 году Александра Николаевича избирают председателем 1-го Тобольского отдела Московского общества сельского хозяйства, после 1901 года переименованного в Курганский отдел МОСХ, где в полной мере раскрывается общественная деятельность А.Н. Балакшина.

7 сентября 1901 года А.Н. Балакшин принимал непосредственное участие в подготовке первой выставки продуктов маслоделия в

Кургане. Съезд маслоделов в количестве 102 участников открылся речью А.Н. Балакшина, в которой он провозгласил программу кооперирования маслоделия. В 1902 году Александр Николаевич увез в Москву разработанный проект создания центрального учреждения для организации новых артелей и помощи уже существующим. Вскоре в Кургане появилась новая организация маслоделов - Курганское товарищество для сбыта сельскохозяйственных продуктов, членами могли быть как частные лица, артели, так и корпоративные участники. За 5 лет своей деятельности Организация, которой руководил А.Н. Балакшин (в её штате было всего пять человек) способствовала открытию 273 маслодельных заводов, объединивших 52,5 тысячи крестьянских хозяйств. В 1907 году Курганский союз маслодельных артелей был реорганизован в Сибирский союз маслодельных артелей, который был создан А.Н. Балакшиным вместе с его сыном А.А. Балакшиным, А.И. Грудзинским и при поддержке Н.Л. Скалозубова.

Главной задачей Союза являлось устранение посредничества в торговле маслом и выход на зарубежные рынки. До возникновения Союза 90% сибирского масла попадало в руки экспортных контор, которые произвольно устанавливали цену и фактически грабили зауральское крестьянство. В 1907 году сибирское масло составляло 93,8% экспортного масла России.

С появлением Союза началась жестокая конкуренция за рынок сбыта. Иностранные экспортёры принимали различные меры, чтобы ликвидировать Союз. Распространялись слухи о неизбежном его провале, об отсутствии связей с заграницей. Например, крупнейшая экспортная датская фирма "Сибирская компания" потратила в 1913 году полмиллиона рублей на борьбу с Союзом.

Выйдя на заграничный рынок, А.Н. Балакшин поставил задачу: потеснить продавцов масла из Дании, Франции и других стран. Для этого он сближается с английскими фирмами, заключает с ними договора, предлагает им создать акционерное общество для продажи сибирского масла. На первом году своей деятельности Союз заключил договора с английскими торговыми домами Виллер и Райлер на условии приемки всего союзного масла по сибирским рыночным ценам. В первый же год торговый оборот Союза равнялся 2 миллионам рублей. Через год Союз находит нового партнёра – английскую фирму "Лонсдейль". При этом Союз уже имел право частичного контроля над продажей своего масла в Лондоне. Одновременно при главной конторе в Кургане открылся склад товаров для обслуживания артельных лавок и ряд контор в сибирских городах и в Берлине.

В 1912 году на паевых началах Союз и фирма "Лонсдейль" организуют Союз сибирских кооперативных ассоциаций с ограниченной ответственностью, или кратко "Юнион". Управление делами было предоставлено правлению из 4 директоров: двум - от "Лонсдейля" и двум - от Союза.

Чтобы быть максимально приближенным к местам реализации масла, Балакшин переезжает в Лондон и ведёт дела "Юниона", организации, юридически оформленной агентом Союза по реализации масла за рубежом. В России в 1913 году руководителем Союза становится сын А.Н. Балакшина – Андрей, а его заместителем - Александр Грудзинский. Конторы "Юниона" были созданы в Лондоне, Берлине, прибалтийских портах.

С появлением "Юниона" исчез посредник-оптовик на мировом рынке, что дало огромную прибыль сибирским маслоделам. Основной успех сибирского масла определялся не только его вкусовыми качествами, но и дешевизной. Периоды наибольшего производства сибирского масла соответствовали затишью у конкурентов: Австралии, Аргентины и Новой Зеландии.

Датчане были первыми покупателями сибирского масла. Датские фирмы сортировали сибирское масло и продавали его в другие страны, в основном, в Англию. Пройдя сортировку датскими фирмами, сибирское масло по повышенной цене продавалось уже как датское и приносило огромный доход датским экспортным фирмам.

"Юнион", ликвидируя таких посредников, продавал масло мелким торговцам (в среднем не более 3 бочек одному торговцу), получая от 30 копеек до 3 рублей на пуд, больше, чем по-

лучали оптовые фирмы на том же лондонском рынке и за то же наше масло сибирских скупщиков, конкурентов Союза в Сибири. Закупочные цены на масло в Сибири иностранные экспортёры тут же повысили с 12 до 20 рублей за пуд.

Деятельность Союза была многогранной. Он имел в своём распоряжении заводы, склады машин, мастерские, мельницы, магазины, транспортные средства, проводил широкие торговые операции по сбыту товаров и хозяйственного инвентаря для населения. Эта торговля составляла 1/3 всего оборота Союза и оценивалась в сотни тысяч рублей. Десятки инструкторов Союза оказывали помощь крестьянам-маслоделам, а их, каким-то образом связанных с Союзом, насчитывалось не менее полумиллиона (из 5 миллионов жителей Сибири). Для повышения квалификации мастеров организовывались поездки в Данию и Англию, в сибирских городах проводились выставки молочной продукции, сельхозинвентаря, созданные лаборатории определяли качество масла. Союз издавал газеты и журналы, специальную литературу по маслоделию, открыл школы и курсы мастеров маслоделия, участвовал в многочисленных благотворительных акциях по оказанию помощи малоимущим.

Во время первой мировой войны на внутреннем рынке Союз, кроме заготовок при сбыте масла, занимался заготовкой и сбытом других продуктов сельского хозяйства. Он также снабжал население потребительскими товарами. С этой целью создавались артельные лавки при маслодельных отраслях, склады товаров, открывались магазины. И тем не менее в руководстве Союзом возникли разногласия. Алтайские маслоделы обвинили руководство в том, что оно не защищает интересы местных маслоделов, предает национальные интересы в угоду иностранным фирмам. Конфликт разгорелся, и алтайские маслоделы вышли из состава Союза. Несмотря на это, Союз сибирских маслодельных артелей все еще оставался мощной организацией.

В годы революции и гражданской войны Союз сыграл огромную роль в обеспечении населения продуктами и товарами первой необходимости. Взяв на себя функции органов распределения, кооперативные объединения, в том числе Союз, смогли предотвратить товарный и продовольственный голод. Но неприятие Советской власти сибирскими кооператорами вызвало ответную реакцию большевистского руководства. Декреты комиссаров и их мероприятия разрушили фундамент сибирской кооперации.

В феврале 1920 ССМА ликвидировали. Решением Сибирского революционного комитета от 3 февраля 1920 года его центральная контора в Новониколаевске и масляный отдел Закупсбыта были объединены в секцию по молочному хозяйству Сибирского отделения Центросоюза.

В 1916–1917 годах в Лондоне издавался журнал «RussianCooperation», в котором встречаются статьи Балакшина и за последний год издания как свидетельство его веры в созида-

тельную силу кооперации.

В 1916 году, на 72 году жизни, Балакшин отошел от дел. В одном из писем того времени он подвел итог своей деятельности: «Я был скромным сеятелем, и мне уже не дожить до того светлого дня, когда могучее кооперативное движение объединит все сельское население Сибири и перестроит всю деревенскую жизнь на новых началах. Я твердо верю в скорое наступление этого дня и вперед благословляю».

Начав с оборотного капитала в размере 21

тысячи рублей в 1907 году, спустя десятилетие Союз имел оборот свыше 160 миллионов рублей. Кооперативы, объединяемые Союзом, охватывали десятки тысяч крестьянских хозяйств. Сам А.Н.Балакшин по праву считался одним из лидеров русского кооперативного движения. Союз сибирских маслодельных артелей был мощной организацией, свидетельствующей о мощной силе кооперации, которая смогла возникнуть в нашей стране, благодаря энергично-му, деловому руководителю.

Лариса МОРОЧКОВСКАЯ,
старший преподаватель кафедры
экономики и кооперации ГАУ Северного Зауралья
(г. Тюмень)

Влияние декабристов на воспитание и мировоззрение будущего кооператора

В XIX веке (с 1829 года по 1856 год) в Ялуторовске отбывали ссылку девять декабристов: В.К. Тизенгаузен, А.В. Ентальцев, В.И. Враницкий, А.И. Черкасов, И.Д. Якушкин, М.И. Муравьев-Апостол, И.И. Пущин, Е.П. Оболенский, Н.В. Басаргин. Они оставили благотворный след в истории города.

Следует отметить большой вклад декабристов в переустройство хозяйственной деятельности, активизацию общественной жизни различных слоев населения, распространение передовых взглядов, приобщение местного населения к просвещению, образованию, культуре, науке. Важен их вклад в зарождение и развитие демократических форм хозяйственной жизни и отношений между людьми, в том числе и становление кооперативных форм деятельности. [1]

Декабристы лечили местных жителей, вели научные исследования по ботанике и метеорологии, этнографии. Василий Карлович Тизенгаузен вырастил сад. По инициативе Ивана Дмитриевича Якушкина, и при поддержке протоиерея Степана Яковлевича Знаменского, а также ялуторовских купцов Н.Я. Балакшина, И.П. Медведева, Н.Ф. Мясникова и других в городе были открыты две школы: в 1842 году - всесословная школа для мальчиков, а в 1846 году - первая в Сибири школа для девочек.

Преподавали в них сами декабристы. Иван Дмитриевич Якушкин вёл преподавание с использованием ланкастерского метода, который предполагал обучение и взаимопомощь различных возрастных групп учеников, активное использование наглядных пособий. Учебники по географии и русской истории были составлены декабристом И.Д. Якушкиным.

Некоторые ученики школы стали известными в Сибири, России и даже за ее пределами.

Один из них - Александр Николаевич Балакшин, который основал промышленное маслоделье в Сибири. Его отец купец Николай Яковлев-

вич Балакшин (1792— 1870 гг.), в середине XIX в. входил в 3-ю и 2-ю гильдии Ялуторовска, затем Тюмени.

Как человек передовой и образованный, он сразу же сблизился с декабристами, а Оболенский, Якушкин и Пущин поселились у него в доме, где прожили около года, пока не получили возможности занять более удобные квартиры. В жизни декабристов в Ялуторовске Николай Яковлевич играл значительную роль: пользуясь своим положением, он служил посредником между ними и родственниками в Европейской России. Декабристы вели переписку, получали деньги, книги и журналы на его имя, так как им самим это было запрещено. Н.Я. Балакшин на свои средства выписывал для декабристов массу современных газет и журналов.

Благодаря его способности понимать самых разных людей и отзывчивости, между ним и отбывавшими в Ялуторовске ссылку декабристами установились приятельские отношения. В одном из своих писем, датированном 1850 годом, декабрист Иван Пущин сообщал: «По вечерам собираемся в своем кругу: нас здесь шестеро. Обыкновенно к нам прикомандирована семья Балакшина, знакомого вам человека, верного вашего союзника. Толкуем без конца. Как-то не можем соединиться с чиновным миром. Это не по гордости, а по понятиям и взгляду на вещи.

Скорей понимаю сближение с купечеством — чиновников просто не люблю... Уже нет надежды, что перестанут брать взятки... Бедный народ так привык к этой язве, что не верит возможности другого порядка вещей».

Эти слова подтверждают, насколько доверительными были отношения семьи Балакшиных и ссыльных декабристов.

Николай Яковлевич стремился дать достойное воспитание и образование своему сыну. Общение с декабристами благотворно сказалось на развитии молодого Александра Балак-

шина.

Александр Николаевич окончил первую все-сословную школу для мальчиков в Ялуторовске, затем с серебряной медалью окончил Тобольскую классическую гимназию и поступил в Казанский университет.

Огромное влияние на формирование мировоззрения Александра Николаевича Балакшина оказали его учителя – декабристы.

И.И. Пущин и Н.В. Басаргин, организаторы первой кооперативной организации «Большая артель» (1831 г.), заложили знания о целях, структуре и принципах кооперативных объединений, которые оказались бесценными в его дальнейшей работе.

Декабрист Н.В. Басаргин посвящал значительное время исследованиям социально-экономического устройства Сибири. В его «Записках» есть немало размышлений о выдающейся роли Сибири в будущем страны, этого богатого природными ресурсами и незаурядными людьми края, которого не коснулось бремя крепостного права, сдерживавшее развитие России.

На протяжении всей жизни А.Н. Балакшин следовал в практической деятельности декабристской программе всестороннего подъема Сибири и главному в ней принципу – подъему материального и духовного уровня народа. [1]

Декабристы пытались воздействовать на местное население своим примером, поведе-

нием, поступками. Н.В. Басаргин писал: «Поведение наше, основанное на самых простых, но строгих нравственных правилах, на ясном понятии справедливости, честности и любви к ближнему, не могло не иметь влияния на людей. Можно положительно сказать, что наше долговременное пребывание в разных местах Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей». [2]

Во время пребывания в г. Ялуторовске И.И. Пущин был «душой компании декабристов», проживающих в городе. В его доме часто собирались для общения, проведения досуга, прослушивания музыки, большим любителем которой он был, по существу он являлся основателем своеобразного музыкального салона. [1]

Атмосфера созидания, стремление к знаниям, культуре, прекрасному сформировали мировоззрение и жизненные ценности А.Н. Балакшина, что позволило ему стать образованным, энергичным, деловым руководителем, создавшим мощную кооперативную организацию - Союз сибирских маслодельных артелей.

Литература:

1. Пахомчик С.А. Кооперация и декабристы - Сельский округ, 2007-2008, №12-1, с.31.
2. Пундани В.В. Декабристы в Кургане. Сборник материалов «Живы в памяти потомков», Курган. 2005, с.17.

Ольга КОРЖЕНЬ,

заведующая историко-мемориальным музеем
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Декабристы и купечество

Обманут! Обманул купец: в том дива нет;
Но если кто на свет
Повыше лавок взглянет,-
Увидит, что и там на ту же стать идет;
Почти у всех во всем один расчет:
Кого кто лучше подведет,
И кто кого хитрее обманет.

И. Крылов.

В XIX столетии взаимоотношения двух привилегированных сословий России - дворянства и купечества развивались по своим строгим правилам. У купцов своя мораль: «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи»; «Жизнота не копи, а душу не мори»; «Пусти душу в ад – будешь богат»; «В аду не быть – богатства не нажить».

У дворян существовала своя, она определялась несколькими критериями: воспитанность, образованность, знатность происхождения, чины, награды.

Выходцы из купечества благодаря своим состояниям и, что характерно для 19 века, образованности легко перенимали образ жизни привилегированного сословия – дворян. При этом оба сословия относились друг к другу с не-

приязнью. Встретить дворянином или дворянку в купеческой среде было такой же редкостью, как купца или купчиху в дворянской. Если происходило общение между сословиями, то оно возбуждало всеобщее живейшее и саркастическое любопытство по отношению к тем, кто нарушил обычай своих каст. Исключение могли составлять только очень богатые купеческие семьи, обладавшие достаточными средствами, чтобы «купить» порядочного дворянина в мужья для своей дочери.

В целом дворянство завидовало купечеству, купечество щеголяло своим стремлением к цивилизации и культуре, купеческие жены получали свои туалеты из Парижа, ездили на «зимнюю весну» на Французскую Ривьеру и, в то же самое время, по каким-то тайным психологическим причинам заискивали перед высшим дворянством.

Отношения между купеческим и дворянским сословиями совсем иначе складывались в Сибири. И здесь было несколько причин: первая – образованность и самодостаточность, воспитанность сибирского купечества; вторая – отдаленность дворянства, живущего в Сибири, от основной массы своего сословия; третья – спо-

собность многих сибирских купцов делиться своим капиталом, вкладывая его в развитие образования, культуры и промышленности своего края, что не чуждо и наказанным дворянам. Сосланные в Сибирь дворяне - декабристы-люди действия, купцы сибирские - деятельные натуры. Это в свою очередь и является основными точками соприкосновения, перерастая впоследствии в дружеские отношения двух сословий.

Купечество Сибири владело домовыми строениями, постоянными дворами, лавками, магазинами, транспортом. Основным видом недвижимости являлись дома. Они выполняли две функции: служили местом жительства самого купца и средством получения денег за счет сдачи внаем целого дома или его части. Часть дома могла являться торговой лавкой. Сибирский купец - купец во всем!

Известен факт близкой дружбы в Восточной Сибири декабриста Николая Бестужева с купцом Старцевым. Все дети Н. Бестужева, рожденные в Сибири, были записаны на его фамилию последнего.

А в Ялуторовске разжалованные дворяне общались с семьями купцов И. Мамонтова, В.И. Сесенина, И. П. Медведева, но особенно близко с семьей купца третьей гильдии Николая Яковлевича Балакшина.

В доме русского дворянина, декабриста М. И. Муравьёва-Апостола, по воскресеньям, за ломберным столом, беседовали о политике, культуре два сословия – купцы и дворяне. В 1845 году в письме к Е. А. Энгельгардту И. И. Пущин пишет: «Одна семья, с которой я часто видаюсь, это семья купца Балакшина. Очень человек добрый и смышленый; приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу: в полном смысле слова верный союзник, исполняет наши поручения, выписывает нам книги, журналы, которые иначе должны были бы быть с громкими нашими прилагательными отправляться в Тобольск, прежде, нежели к нам доходит. Все это он делает с каким-то радушием и приязнью». 4.Стр. 197

Он же в письме, датированном четырнадцатым сентябрем 1850 гг., добавлял: «По вечерам собираемся в своем кругу, нас здесь шестеро. Обыкновенно к нам прикомандированывается семья Балакшина, знакомого вам человека, верного вашего союзника! Толкуем без конца. Както не можем соединиться с чиновным миром... Это не по гордости, а по понятиям и взгляду на вещи. Скорей понимаю сближение с купечеством - местных чиновников просто не люблю... Уже нет надежды, что перестанут брать взятки». (4. стр.203)

Внешний портрет купца Н.Я. Балакшина: «...худощавый человек среднего роста с чисто выбритым лицом, коротко подстриженными волосами, сквозь которые пробивалась седина. Его нос имел небольшую горбинку, а глаза вдумчивые с характерным блеском. При разговоре в глаза собеседника бросалась белизна его зубов - Николай Яковлевич не курил». (2. Стр.4)

Обыкновенно Николай Яковлевич был одет

в длиннополый двубортный сюртук серого цвета, который был застегнут на все пуговицы, носил брюки на выпуск и начищенные до блеска ботинки. Вокруг воротничка белоснежной сорочки был повязан чёрный галстук. Внешне он ничем не выделялся, но производил на собеседника приятное и доброжелательное впечатление. Его речь была ровной, а голос тверд. Во время разговора он внимательно выслушивал собеседника, не прерывая его, а говорил, четко высказывая свою мысль.

Так выглядит Николай Балакшин в описании его потомка А. С. Балакшина, взятым из отпечатанной на машинке работы «Четыре поколения». Это единственное, что не хочется подвергнуть сомнению. Мне, как исследователю, понятно его желание преувеличить роль предка в жизни декабристов, особенно в материальной помощи ссыльным. Но стоит сопоставлять эти заметки с эпистолярным наследием декабристов И. И. Пущина, М. И. Муравьёва-Апостола, И. Д. Якушкина, а также записками А. П. Созонович, воспитанницы Муравьёва-Апостола, придают им несколько иной характер.

Например, автор пишет, что, прибыв в Ялуторовск в 1839 году, Николай Яковлевич Балакшин вместе супругой Иенафией Филипповной (род. Минаева), приобретает самый большой дом и даёт кров декабристам И. Д. Якушкину, И. И. Пущину, Е. П. Оболенскому. Это невозможно, так как И. Д. Якушкин прибыл в Ялуторовск в 1836 г. и уже снимал 2 комнаты на втором этаже у местной мещанки Ф. Р. Трапезниковой. Пущин и Оболенский прибывают на поселение в Ялуторовск в 1843 году и арендуют дом у местной купчихи Бронниковой: «...которая, за 250 рублей серебром в год позволяет в своём доме производить некоторые ремонтные работы». (4. стр. 124)

Да и дом, в котором жил Балакшин с семейством, принадлежал купцу первой гильдии Никите Фёдоровичу Мясникову из Ростова. У него служил в течение 35 лет Н. Балакшин. Дом, действительно, был больших размеров (более 10 комнат), поэтому в нем останавливались все высокопоставленные проезжие лица, которые обыкновенно приглашали к себе декабристов. Об этом пишет А. П. Созонович.

Есть исследователи, которые утверждают, что Н. Я. Балакшин помогал декабристам материально, в частности, выделял деньги для постройки здания учебного заведения для мальчиков. Но скромный доход купца с большим семейством (трое сыновей: Александр, Пётр, Константин; дочери: Александра, Ольга, Павла, Анисья, Феофания, Лиза) не позволял оказывать такую материальную поддержку. Невелик был и доход с двух мельниц, и доля в Колчедановских рудниках, участие в прибылях и убытках. А после смерти Мясникова наследники не признали право Балакшина на долю в этих приисках. Так как документально Никита Фёдорович не потрудился «...совершить условия с Балакшиным по всем правилам закона; таким образом, вместо награды он причинил ему, об-

ремененному многочисленным семейством, значительный ущерб...».

Н. Я. Балакшин в жестокие сибирские морозы обеспечивал ребятишек валенками, полу-шубками, выделяя лошадь и сани для доставки детей в школы Ялуторовска из близлежащих деревенек. Все вышеперечисленное делается им совершенно бескорыстно. Дочери Н. Я. Балакшина, следуя примеру отца, бесплатно преподавали рукоделие в училище для девиц.

Ялуторовские декабристы видели, какое скромное жалование получает Балакшин. А Никита Фёдорович Мясников «считал глупостью не извлекать выгоды для своего кармана, когда попадётся совестливый ротозей, не умеющий ни подольщаться к хозяину, ни выпрашивать награды в благоприятные для того минуты».

Однажды, после получения крупной прибыли, Никита Фёдорович вздумал расщедриться: расшутившись с детьми Балакшина, он приказал принести холщёвый мешок и взяв в одну руку мелкую серебряную монету, а в другую медную, пообещал меньшой девочке подарить полный мешок денег по её выбору. Малютка предпочла новенькие, крупные медные монеты. Мясников исполнил обещанное, но хохотал до упаду над тем, что Лизочка не знает толк в деньгах.

Николай Яковлевич Балакшин имел возможность по делам службы ездить в Москву и Петербург, бывал он и в гостях у родственников ялуторовских декабристов, достовляя им долг-

жденные известия. Возвращался в Ялуторовск с письмами и посылками для опальных дворян.

В целом взаимоотношения сосланных в Ялуторовск декабристов и сибирского купца Н. Я. Балакшина были очень дружественными. Дочери Балакшина очень близко общались с воспитанницами М. И. Муравьева-Апостола и с детьми И. И. Пущина. Обучаясь в ланкастерских школах, дети сибирского купца усваивали знания не только в учебных дисциплинах, но и учились жизни, умению вести себя в обществе.

Таким образом, на примере Н. Я. Балакшина и ссыльных декабристов мы видим, что благодаря высокому уровню образованности, моральным, ценностным установкам сосланных в наш край декабристов и сибирских предпринимателей, произошло сближение сословий дворянства и купечества на Сибирской земле, переросшее в сотрудничество. Это оказало впоследствии взаимное благотворное влияние. Так, купцы повысили уровень образованности и культуры, а дворяне все чаще и чаще стали обращаться к предпринимательской деятельности.

Список источников:

- Балакшина О.Н. Запись ее воспоминаний о декабристах в Сибири. Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. стр.378.
 Балакшин А.Н. Четыре поколения. М. 1993.
 Декабристы. Материалы для характеристики. Изд-во М. М. Зензинова. М. 1907.
 Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М. 1978.
 Созонович А. П. Из воспоминаний. М. 1907.

Татьяна БУРЛАКОВА,
 заведующая краеведческим музеем
 ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Особенности экономического развития Ялуторовского уезда Тобольской губернии XIX-начала XX вв.

Становление и развитие экономики Ялуторовского края происходило на протяжении нескольких столетий. При основании острогов, первых русских поселений в Сибири, учитывалось их удачное расположение и возможность будущего хозяйствования. Так, при строительстве Ялуторовского острога Тюменский воевода упоминает в отписке царю и луг возле Тобола, и покосы, и рыбные озера. «...Пашенные все земли добрые и многие, и для сенных покосов и скотских выпусков луга великие и травные». Поэтому данная местность активно осваивалась первыми колонистами – выходцами из северных русских земель. Как отмечал известный исследователь Сибири М.М.Громыко в начале XVIII в. «Ялуторовский дистрикт совершенно определенно вырисовывается как район исключительно крестьянской колонизации», деятельность которого определялась развитием земледелия и нача-

лом становления промышленности, в основе которой лежало сельскохозяйственное производство. Таким образом, крестьянство здесь составляло 80% населения, также хлебопашеством занималась изначальная часть военно-разночинской группы.

Земледельцы получали прибыль больше от рожи, ярицы и овса. Доход приносила рожь и ячмень вдесятеро, овес и пшеница-впятеро, лен-вдвое, конопля - втрое. В 1784 г. пахотной земли в Ялуторовском округе было 178 721 десятина, сенных покосов - 49 180 десятин. Крестьяне сеяли озимую рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овес. В урожайный год с 640 379 посевных четвертей было снято 2 953 686 четвертей.

Селений в то время насчитывалось 326 (в основном, деревни, села, заимки), в которых проживало более 60 тысяч человек.

В XIX в. Ялуторовский уезд числился в числе лидеров Верхотурско-Тобольского земле-

дельческого района. В «Тобольских губернских ведомостях» за 1857 г. отмечалось: «Западная Сибирь обилует самой плодородной землей. Есть там места, где отлично родится хлеб, без всякого удобрения. Особенно плодоносными являются округа: Курганский, Ялуторовский, Ишимский, Тарский. Хлеб здесь почти всегда продается по самым низким ценам: рожь – от 8 до 10 коп. за пуд, пшеница – по 16-17 копеек». Об этом говорят и цифры из справочного календаря за 1896 г.: количество посевного хлеба в Ялуторовском округе составляло – 186 745 четвертей, собрано – 796 493 четверти.

К этому времени в Западной Сибири уже образовался постоянный рынок на продукты земледелия. Хлеб требовали винокуренные заводы. Много овса расходилось по Сибирскому тракту. Хлебу был обеспечен постоянный сбыт в городах. Хлеб из Ялуторовского округа отправляли в северные округа Тобольской губернии.

Второй важнейшей отраслью крестьянского хозяйства являлось животноводство. Держали скот «для хлебопашства и других работ и отправления ямской и почтовой гонбы... и ради пищи». Разводили лошадей, коров, овец, свиней, коз, быков. Зажиточные семьи отличались размерами стад. В сер. XIX в. в Тобольской губернии некоторые зажиточные крестьяне содержали по 50-70 лошадей, до 40 коров и до 100 голов мелкого скота. Крестьяне среднего достатка имели скота втрое меньше. Бедняками считались владельцы 3-4 лошадей и 2-3 коров.

Основу промышленности Ялуторовского округа составляло мукомольное производство. В 18 в. во всей Тобольской губернии насчитывалось около полутора тысяч мельниц, из них в Ялуторовском округе работало 552 (водяных – 193 и ветряных – 359). В 1897 г. действовало 964 мельницы. В 1912 г. – 3 165, в Тобольской губернии 15 290 ветряных и 992 водяных мельниц. Купеческие мельницы выделялись размерами зданий, объемом производства. Наиболее производительными были крупчатые мельницы Товарищества братьев Колмаковых, которые вырабатывали муку нескольких сортов с производительностью на сумму 106 400 руб., купца Иванова (имение Благодатное) – на 16 987 руб., крестьянина Карманова – на 12 тыс. руб. Мельницы были оснащены несколькими водяными двигателями, а на мельнице Колмаковых находилось 9 котлов и 1 паровая машина.

В 1861 г. во всей Тобольской губернии было всего 8 крупчатых мельниц, 5 – в Ялуторовском и 3- в Курганском округах. Рабочих числилось 76 человек, т.е. по 9 человек. Переработано зерна на 95 917 рублей.

Ремесленное производство в округе развивалось в соответствии с внутренними потребностями города и его окружения. Села и деревни обеспечивали город съестными припасами. Близость города как рынка сбыта способствовала развитию в уезде ремесел. В XVIII веке в округе работало два винокуренных завода

(Петровский и Уковский), шесть стеклодувных фабрик (д. Коктюль, с. Заводопетровское), овчинно-шубное производство, шляпная мастерская. В самом городе фабрик не было, здесь находилось 20 купеческих лавок, два питейных дома, винный и соляной магазины.

Благодаря развитию земледелия получили распространение ремесла, связанные с обработкой сельхозсырья – кожевенное, салотопенное, мыловаренное. В список фабрик и заводов по Тобольской губернии с производительностью от 1000 руб. входил кожевенный и салотопенный заводы купца Кузнецова, мыловаренный и салотопенный заводы Колмаковых, салотопенный завод и овчинное заведения Е. Скакутина, салотопенные заводы И. Колосова и Ботова.

Многие волости занимались одним каким-либо промыслом. Процветали здесь семейные мастерские. Например, Шатровская волость славилась выделкой овчин, кож, шитьем из них шуб, полушибков, тулупов, пальто и пиджаков, обуви, рукавиц. Там, что ни дом, то овчинно-шубное заведение с производительностью от 3 до 30 тысяч рублей.

Для многих сибирских состоятельных многочисленных семей было свойственно объединение капиталов. Были зарегистрированы торговые фирмы Злоказовых, братьев Кузнецовых, братьев Ченцовых. В Ялуторовском уезде находилось Товарищество братьев Колмаковых. В их собственной заимке работали разные заводы: крупчатая мельница с паровым двигателем, каменная кузница, кожевня, конная дубильная толчая, салотопенное, пряничное, свечное, кирпичное, крахмально-паточное, маслодельное, маслобойное заведения. На ярмарки Колмаковы привозили муку крупчатку, пряники, масло коровье, сало, кожи, семя льняное, кудель, чай, сахар, патоку, свечи, мыло. Они вели торговлю не только в России, но и с Америкой, Турцией, Монголией и Китаем, имели собственное пароходство в Обь-Иртышском бассейне.

Прибыльными являлись промыслы: рыбный, дровяной. Богатые леса давали возможность делать из них мебель, сита, кованые телеги и сани. Лучшим считался лес из Юргинской волости Ялуторовского округа. Популярным ремеслом среди жителей округа было ткачество, которым занимались 15,4% населения. Главным рынком сбыта холста была Тюмень. Производством холста славились Шатровская, Мостовская, Исетская, Красногорская волости Ялуторовского округа. Извозный промысел был одним из видных источников благосостояния. Им занималось 5 % населения.

В Ялуторовском уезде в конце XIX в. из 34 075 крестьянских хозяйств – кустарными промыслами занимались 15 523, т.е. почти половина. В состав Ялуторовского уезда входили 1 город, 30 волостей; всего населения насчитывалось 178 735 человек.

По данным Сибирского Торгово-промышленного календаря на 1900 г., в городах Тобольской губернии наибольшее количество фабрик было

в Тобольске -61, Тюмени -49, в г. Ялуторовске – не указано, зато в Ялуторовском округе – 429. В 1910 г. в г. Ялуторовске числилось 16 заводов и фабрик с производительностью на сумму 1 100 руб. рабочих было 24 чел. В Ялуторовском уезде, он занимал второе место после Курганского, действовало 762 завода с производительностью на сумму 4 173 966 руб., на которых трудились 2 394 чел.

В начале XX века в городе проживало около 4 600 человек. Имелись ночлежный дом, государственная сберегательная касса, читальня, типография, чайная, 2 пароходные пристани, тюремный замок. Работали две мельницы, одна маслодельня, пивоваренный завод, восемь пимокатных заведений, шесть кирпичных сараев, одна крендельная, две винные лавки, сельскохозяйственные склады. Но они не оказывали значительного влияния на экономическое развитие города, из-за небольших размеров предприятий, маленького количества занятых работников и незначительного количества выпущенной продукции.

Первым крупным промышленным предприятием в г. Ялуторовске стала мукомольная мельница, построенная Е.Д. Гусевой. Строительство мельницы с заграничным оборудованием началось в 1911 г. «Каменная крупчатая вальцовая мельница в пять этажей» была построена за городом. Она была оборудована вальцовыми станками, электричеством, механическим транспортом, складскими помещениями. При ней находилась раструсная мельница, машинное отделение. Производительность ее была высокой: 70 тонн сортовой муки в сутки. Здание мельницы сегодня является памятником промышленной архитектуры, техники и технологии мукомольной промышленности и складского хозяйства начала XX века.

Как отмечали уполномоченные (депутаты) на одном из заседаний: «...доходы у города были маленькие. Да и город Ялуторовск сам по себе слишком незначительный, мало населен. Жители в нём бедные. Хлебопашная земля ценится недорого. Цены на весь жизненный припас и другие предметы сильно увеличиваются». Приходная часть состояла из средств, получаемых от налогов, сборов и пошлин, доходов от городских имуществ и других источников: с кирпичных сараев, кузниц, с рыбной ловли, городской скотобойни, городских весов и мер, рыбных столов, с питейных заведений, оптовых винных складов, гостиного двора и др. Собирался налог в размере 1% прибыли с гильдейских предприятий. В 1897 г. прибыль Ялуторовских предприятий, таких, как: перевозочные, гостиницы, рестораны, трактиры, торговля галантерейными товарами, коврами, одеждой, обувью, хлебом, мехом, кожами, фарфором, фаянсом, стеклом и др., составила 5-10 %. Наибольшие отчисления в городской бюджет шли с «питейных» прибылей, а также аптечных и парфюмерных товаров (13-25 %).

Основной доход во все времена городской казне давала торговля. Во второй половине XIX

в. г. Ялуторовск и его округ становятся крупным торговым центром Западной Сибири. Об этом свидетельствуют ярмарки с высоким торговым товарообменом. В Ялуторовске проходило четыре ярмарки. Наиболее крупная – Никольская, проходила с 2 по 6 декабря, где, кроме масла и кож, шла большая торговля предметами местных крестьянских промыслов (деревянная и глиняная посуда). Большим спросом пользовались на ярмарках кожаная обувь, мочала, рогожи, деревянные бытовые изделия (ведра, ушата, лопаты), экипажи (сани, телеги, дровни). Со стекольного завода ялуторовского купца А.И. Пороумова, крупнейшего стеклозаводчика Тобольской губернии, привозили оконное стекло. Зимой 1857 г. было продано до 200 ящиков стекла, в каждом из которых находилось по 120 листов. Стоимость ящиков составила 19 руб. серебром. Основные покупатели стекла приезжали из Тары, Омска, Канска.

Наиболее значительным явлением были ярмарки и торжки, которые проходили вне городов. В Ялуторовском округе насчитывалось 20 ярмарок и 35 торжков. Общий оборот всех ярмарок Ялуторовского округа в 1884 г. достигал суммы свыше 4 млн. рублей.

Торговые обычай зависели от существовавших гужевых трактов. Изменения в товарный и пассажирский извоз внесло появление пароходства. В 1865 г. по судоходным рекам Тобольской губернии прошло 23 парохода. В 1893 г. по рекам Западной Сибири прошло 102 парохода и 200 барж. Суда использовались разных размеров и типов. Для перевозки соли, хлеба и других продуктов предназначались вместительные дощники. Владельцами небольших пароходов были Е.Д. Гусева, бр. Колмаковы, бр. Злоказовы. Но нерегулярное пароходное сообщение не могло обеспечить транспортировку всей массы грузов, шедших в Сибирь и из Сибири. С приходом железной дороги торговля оживилась еще больше. Свои товары и сырье Ялуторовск стал подвозить к Кургану. Наряду с маслом вывозили зерно (в 1891 г. было отправлено около 4 млн. пудов или 80 % всего груза), кожи, сало на европейский и мировой рынки. Встречным потоком сюда везли сельскохозяйственные орудия: плуги, бороны, сеялки, веялки-сортировки, сепараторы.

Таким образом, экономика Ялуторовского края имела аграрный характер, была ориентирована на сельскохозяйственное развитие края и способствовала укреплению административных, экономических связей Ялуторовска с другими городами Сибири.

Елизавета ЧЕДУРОВА,
профессор Горно-Алтайского
государственного университета
(г. Горно-Алтайск)

Сибирский промышленник и кооператор

Использование отчетов инспекторов Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства Сокульского, томского губернского агронома Бажаева, а также материалы обследования тобольского агронома Скалозубова во многом раскрыло картину зарождения промышленного маслоделия, корни которого уходили в хозяйственный переворот в крестьянском земледелии и скотоводстве, в развитие меновых отношений и новое техническое оснащение сельскохозяйственного производства. Успешность кооперативного движения, как свидетельствует его история, тесно связана с активностью и особым характером его деятелей. В отношении маслодельческой кооперации Сибири историк, Н.А. Макаров выделяет деятельность, с одной стороны, правительственные инструкторов и агрономов, а с другой – созданную одним из лидеров сибирского предпринимательства А. Балакшиным Организацию по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири (1902–1907 гг.), которая содействовала широкому распространению кооперативного движения и придания ему законных форм развития.

Крупнейший сибирский промышленник – кооператор Александр Николаевич Балакшин родился 9 ноября 1844 г. в г. Ялуторовске Тобольской губернии. Сын сибирского купца, выпускник декабристской школы. Его отец Николай Яковлевич дал сыну домашнее образование по учебникам, составленным декабристами: И.Д. Якушкиным, И.И. Пущиным и Е.П. Оболенским, находившимися в ссылке в г. Ялуторовске. Ссыльные декабристы оказали значительное влияние на жизнь семьи Балакшиных, формирование культа знаний.

А. Балакшин продолжил обучение в Тобольской мужской гимназии, которую окончил с серебряной медалью. В 1860 г. поступил в Казанский университет на «естественный разряд», был слушателем лекции прогрессивного историка А.П. Щапова. Но за участие в 1861 г. в студенческих кружках он был исключен из университета и сослан в Ялуторовск под надзор полиции [1, с.9]. После ссылки он поступил в Военно-медицинскую академию, но уже через год по семейным обстоятельствам оставил ее, вернулся в Ялуторовск и занялся земледелием в Ишимском уезде. Вместе с друзьями образовал земледельческую коммуну, которая вскоре распалась. Затем служил у частных предпринимателей.

В 70-е гг. XIX в. А. Балакшин обосновался в д. Луговушка Введенской волости Курганского уезда. В 1876 г. совместно с А. Ванюковым построил крахмально-паточный завод. Здесь же ими было устроено опытное поле для вы-

ращивания картофеля и первая Зауральская метеорологическая станция. Завод садил от 150 до 200 десятин картофеля. Для хранения семенного картофеля имелись при заводе три земляных подвала длиною до 20 сажень, шириной в три сажени и глубиною до 2 аршин. Для выращивания на опытном поле выписывались следующие сорта картофеля: Алкоголь, Красный Луковичный, Насенгрундский, Роза Эльденась, Магнум Бонум и др. [2, с.35]. В Курганском округе только один завод Балакшина и Ванюкова приготовлял картофельный крахмал для продажи.

В Курганском округе в 60-х гг. было выстроено 11 паточных заводов, в 70-е г. открыто еще 5 заводов. Так, в 1874 г. число заводов увеличилось до 27, на которых выварили 196 тыс. пуд. патоки. В эти же годы стали открываться мелкие пряничные заведения, которые и были главными потребителями патоки [2, с.24].

С 1895 г. А.Н. Балакшин организует и возглавляет Курганский отдел Московского общества сельского хозяйства, способствовавший поднятию культурного земледелия и скотоводства в регионе. Занимаясь их изучением, А.Н. Балакшин регулярно информирует российских министров, в частности С.Ю. Витте, о состоянии земледелия и маслоделия в Сибири, о путях преобразования края. В своей деятельности он следовал декабристской программе всестороннего подъема Сибири через укрепление материального благосостояния народа. Для развития промышленности региона он считал необходимым знакомить русское общество и сибиряков с огромными богатствами края, привлекать капиталы российских и сибирских купцов для их разработки. В своих прошениях он неизменно выдвигал идею создания центрального учреждения для организации новых и помощи существующим крестьянским артелям Тобольской губернии.

В 1901 г. в Кургане собрался первый съезд маслоделов Зауралья, по предложению курганского предпринимателя А.Н. Балакшина на нем была создана Организация по устройству маслодельных товариществ. Предложения, выдвинутые им, были обсуждены в январе 1902 г. Особым совещанием (по вопросу о мерах содействия производству и сбыту сибирского масла), созданном при Министерстве финансов. Министерство признало «желательным» создание организации «для устройства и для руководства по операциям кооперативных маслодельных артелей» с предоставлением на указанную цель в распоряжение Министерства земледелия и государственных имуществ кредит в размере 7 тыс. руб. ежегодно. Контроль за расходованием кредита, по его пред-

ложению, должно было осуществлять «лицо от министерства». Вместе с тем совещание признало необходимым распространить на Западную Сибирь действие мелиоративного кредита для «воспособления» маслодельным артелям в деле устройства и оборудования маслоделен[3, л.3; с.7]. Предложения Особого совещания нашли поддержку у департамента земледелия. 11 мая 1902 г. он уведомил всех о том, что министр земледелия и государственных имуществ утвердил программу деятельности организации для устройства в Западной Сибири маслодельных товариществ.

Круг «действий» новоучрежденной организации состоял в следующем: проявлять инициативу в деле учреждения товариществ; устраивать счетоводства в товариществах, разъяснять порядок ведения операций и давать советы при возникновении каких-либо затруднений; руководить постройкой заводов; сообщать сведения относительно мест приобретения инвентаря; быть посредником между товариществами и фирмами, торгующими принадлежностями маслоделия; указывать те или иные технические усовершенствования; рекомендовать мастеров; посредничать между товариществами и торговыми фирмами в случае возникновения недоразумений; содействовать товариществам в получении кредита в государственных и частных кредитных учреждениях и у отдельных лиц; ходатайствовать о «нуждах» отдельных товариществ; доставлять правительственныйм учреждениям всякого рода справки; собирать и сосредотачивать сведения о ценах, запасах товара, фирмах, сивающих масло или торгующих принадлежностями молочного хозяйства.

Руководствуясь предписанием, организация открывает в 1902 г. молочные лаборатории, которые были оснащены специальными приборами и имели возможность проводить анализы и контролировать качество молока и масла на заводах. В этом же году департамент земледелия выделил на строительство школы молочного хозяйства 100 тыс. руб. и обязался ежегодно выделять по 10 тыс. руб. на ее содержание. В этой школе должны были учиться на «мастеров-маслоделов и техников по маслоделию». Курганский отдел императорского Московского общества сельского хозяйства во главе с А.Н. Балакшиным активно включился в реализацию правительственной программы: он устраивал ежегодно конкурсы маслоделов с выдачей премий мастерам за лучшие сорта масла, что благоприятным образом сказывалось на улучшении техники маслоделия[4, с.3].

Организация по устройству маслодельных кооперативных товариществ занималась не только составлением проектов типовых маслозаводов, снабжением маслоделов инвентарем и оборудованием, постановкой правильной отчетности, а также всячески способствовала организации сбыта масла. За 5 лет (1902–1907 гг.) своей деятельности она при штате в 5 человек способствовала открытию в 1903 г. - 34 кооперативных маслодельных заводов, в 1904 г. – 71,

в 1905 г. – 118, в 1906 г. – 178 (12 заводов были приобретены у частных предпринимателей), а уже в 1907 г. действовало 263 артели, охвативших 52 тыс. крестьянских хозяйств. На этих заводах производилось масла на 5 млн. руб. в год. О своих успехах и достижениях кооператоров организация регулярно писала в своей газете «Известия» [5, с.35].

Стремление сибирских маслозаводчиков объединиться в товарищества для совместной покупки необходимых им принадлежностей и для непосредственного сбыта масла всегда было присуще сибирским сельским хозяевам. Первое товарищество такого рода было образовано в Кургане еще в 1901 г. В марте 1907 г. в Барнауле возник Союз маслоделов Алтайского округа, летом этого же года образовано Товарищество Кайнских маслоделов на станции Чаны.

Организация по устройству кооперативных маслодельных товариществ стремилась ознакомиться практически с ходом торговли материалов и принадлежностей молочного хозяйства, необходимых в маслодельной промышленности, а также и непосредственным экспортом масла прямым покупателям, как внутри страны, так и за границей.

Результатом этих стремлений было не только ознакомление с делом, но явились возможность завязать непосредственные отношения с прямыми покупателями.

Летом 1907 г. Организацией был выработан Устав Союза Сибирских Маслодельных артелей, согласно нормального Устава для сельскохозяйственных товариществ. На базе этой организации в ноябре 1907 г. А.Н. Балакшин вместе с сыном Андреем и А.И. Грудзинским организовал крупнейшую кооперативную организацию – Союз Сибирских маслодельных артелей. Главной задачей Союза являлось устранение посредничества в торговле маслом и выход на зарубежные рынки. За 1907-1917 гг. число маслодельных артелей возросло с 12 до 1410. В 1907 г. начав с оборотного капитала в размере 21 тыс. руб., к 1917 г. оборот Союза составлял свыше 160 млн. руб. [6, с.15,21].

А.Н. Балакшин умер в 1921 г. в Лондоне и захоронен на Хайгейтском кладбище.

Библиографический список:

1. Балакшин А.С. Сергея Александрович Балакшин. М., 1990.
2. Балакшин А.Н. Наблюдения и опыты над культурой в хозяйстве Балакшина и Ванюкова в Курганском округе Тобольской губернии 1877-1886 гг. Екатеринбург, 1887.
3. Государственный архив Омской области (ГАО). – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 3.; Балакшин А.Н. Отчет Министерству Земледелия и Государственных имуществ за 1902 г. - СПб., 1903.
4. Обзор деятельности Курганского отдела московского общества сельского хозяйства за 14 лет его существования (1897-1910). – Курган, 1911.
5. Балакшин А.Н. Отчет главному управлению землеустройства и земледелия заведующим организацией по устройству кооперативных маслодельных товариществ в Западной Сибири А.Н. Балакшина за 1907 г. - СПб., 1908.
6. Чайковский Н.В. Союз Сибирских маслодельных артелей. - Пг., 1914.

Лидия ПЛОСКОВА,
краевед (г. Ялуторовск)

Ялуторовское маслоделие и его роль в экономике страны

Маслоделие - одно из производств, которое играло огромную роль в экономической жизни сибирского населения. В 1895 году Департамент маслоделия назначил в Тобольскую губернию инструктором по молочному хозяйству Владислава Феофиловича Сокульского. Он создал первые артельные маслодельни: две в Курганском уезде и две - в Ялуторовском (в д. Морево (1897 г.) и Скородуме), оснащенные паровыми машинами. Первый же год показал перспективность начатого дела. Моревский завод погасил стоимость здания и части инвентаря и даже приобрел новое оборудование. Выгоды от маслоделен были очевидны. Сибирское масло, представленное в 1899 году на Всероссийской выставке молочного хозяйства, было отмечено наградами. Малую золотую медаль получили Скородумская и Суерская маслодельни, бронзовую - Емуртлинская. Ценнейшие качества сибирского масла: сухость (низкий процент воды), высокий процент жира - обеспечили ему достойное место на заграничных рынках. С приходом железной дороги скотоводы-маслоделы перестали быть предметом беззастенчивой эксплуатации скупщиков. Вместо двух рублей за пуд масла они стали получать по 10-12 рублей от шведов и датчан, которые «нахлынули сюда с первыми поездами». Задача Союза сибирских маслодельных артелей, созданного А.Н.Балакшиным, заключалась: в объединении артельных заводов, в обеспечении необходимыми материалами, централизованной продаже масла и продвижении его за границу без посреднических контор.

В начале XX века в Ялуторовском уезде действовали 54 маслодельных завода. Фирмы и конторы (Тов. Бр. Ченцовых в Новой Заимке, торговый дом Э.Ф. Эсман в с. Падун, торговый дом «Василий Кузнецов с Братьями и К. с. Юргинское и др.) отправляли масло в Лондон и Данию. А топленое масло шло в Турцию.

По данным Сибирского торгово-промышленного календаря на 1 января 1910 года в Ялуторовском уезде было 55 артельных заводов, 17 751 поставщик молока, 71889 коров, 178 сепараторов, 61 маслобойка, 79 мастеров-маслоделов, 197 рабочих, занятых в производстве масла. Кроме того, работали 20 частных маслодельных заводов, на которых было занято 59 рабочих.

Союз сибирских маслодельных артелей открывал свои конторы в Сибирских городах. В 1912 году была открыта контора в Ялуторовске.

Открытие конторы в Ялуторовске сопро-

вождалось определенными трудностями. Во-первых, сюда сразу же потянулись экспортёры. Открывается Приуральская контора. Чуть позже открывает свою контору Сибирская компания. Затем открывает контору Фиент, и во время масленичного сезона на горизонте временно появляется Бронгерсман, которому Сибирская компания уступает свои подвалы и служащих. Такая солидарность была понятна: они активно вели борьбу с объединением населения. И задачу они поставили определенную - внесение разлада в объединение артелей в Союз сибирских маслодельных артелей. «Ведь Сибирь с её масляной промышленностью - такой для них лакомый кусочек, лишиться которого для них равносильно полному поражению на поле браны со всеми последствиями для пораженного», - писал в своем докладе заведующий Ялуторовской конторой В.Ильинченко.

Открытие артельных лавок также не обрадовало местных торговцев. Посыпались, как из рога изобилия, всякие небылицы о Союзе. Дело доходило до подкупа. Начались разъезды по окрестным деревням. Предлагалось угощение и даже деньги, только бы артельщики отказались от своей лавки. «Но как бы противники Союза не кричали, какие бы нелепые слухи не распускали - мы уверены, что население Ялуторовского района в недалеком будущем соберется воедино под знаменем Союза Сибирских маслодельных артелей»¹.

Таким образом, сибирское маслоделие было кооперировано на 70 процентов.² По количеству артельных маслоделен Ялуторовский уезд занимал второе место (70,1%), после Курганского. В обороте внешнего экспорта сибирская маслодельная продукция занимала 75 % всего экспортируемого масла за границу. В 1913 году в Сибири было заготовлено 3 млн. 687 пудов товарного масла. Накануне первой мировой войны общее производство масла в России составляло приблизительно 8 000 000 пудов, из них 5 000 000 пудов дала Сибирь. Масло продавалось на крупных рынках: Курган, Ялуторовск, Омск, Петропавловск, Ишим. Первое место по количеству проданного масла занимал Ялуторовский рынок.

Ялуторовский уезд 317 714 пудов 38 фунтов
по цене 12 руб 85 коп за пуд
Омский 209 743 пуда по цене 12 р. 02 к.
Ишимский 59 403 п. 39 ф. по цене 12 р. 07 к.

Союзное, сибирское масло на заграничных рынках знали под маркой «Белый лебедь». Изображение «Лебедя» печаталось на пергаментной бумаге. (В отчете за 1913 год по Ялу-

торовской конторе в остатке значится: «пергаменту с «Лебедями» 310 штук). Мы не нашли ответа на вопрос: Почему была выбрана такая торговая марка? Наверное, это как-то связано с символикой. Всегда считалось, что белый лебедь — символ надежды и благополучия.

Новый подъем начинается с 1923 года. В 1920 - годах в Ялуторовске организ

ется Раймолосекция. К июню был сформирован штат разъездных инструкторов из семи человек. В ходе проверки выяснилось, что оборудование требует ремонта, не хватает молочной посуды. Некоторые заводы не работали из-за нехватки мастеров-маслоделов. Значительно уменьшилось количество скота на 40-45 %. В 1921 году по распоряжению Центромолосекции происходит объединение маслозаводов, а некоторые переоборудуются в пункты приемки молока. В 1921 году 90 заводов возобновили производство масла, но вскоре, вследствие «бандитизма и засухи», вынуждены были прекратить работу. Масло, выработанное к этому времени и не сданное на склады, было конфисковано красноармейцами и «бандитами».

В срочном порядке уже в ноябре 1921 года принимаются меры по восстановлению маслозаводов, открытых еще в период с 1907 по 1917 годы. Имели они оборудование (сепараторы: Альфа-Лаваль, Пони, Альфа-Нобель, голштинские маслобойки, датские маслообработники), приобретенное в тот же период и требовавшее ремонта или полной замены.

В целях обеспечения населения жировыми продуктами повсеместно проводилась масляная проразверстка. «Сливочное масло должно содержать жира не менее 84 %, соли не более 1.25%, без каких либо примесей». Это еще раз подтверждает факт исключительно качественного сибирского

ВОЙ
ЕТЬ
СЛОДЬЛЫНХЪ Артелей
годъ.
—
по 19 октября 1913 г.

доклада в другой. В 1924 году на совещании Тюменского Окрсельсоюза речь идет о необходимости дальнейшего развития маслоделия на территории бывшего Ялуторовского уезда, как наиболее перспективного.

В Ялуторовске маслодельный завод с маслозаводом был построен в 1913 году.

Выпускалось масло экспортное 1 и 2 сорта, сладко-сливочное, парижское. В 1925 году в Ялуторовске была организована маслодельная артель. Она вошла в состав Тюменского окружного Союза маслодельных артелей. Число артельщиков - 80. Коров - 163. За 1925 год было выработано 40 пудов (661 кг). Продано Союзу 32 п. 14 фунтов. С 1 октября 1925 по 1 июня 1926 год выработано 582 пудов. Увеличилось поголовье до 268. В 1927 году за 2 квартал выработано 8044 пуда.

Закупалось масло Маслосоюзом, Маслогосторгом. Отгружалось по нарядам, шло и на внешний рынок. Заготовкой масла занимались и другие конторы. Сибторг, Руссот, Хлебопродукт и Маслоэкспорт представляли серьезную конкуренцию Маслосоюзу. Так как в их штате работали люди, которые прекрасно знали ялуторовское маслоделие и имели связи с маслодельными заводами еще до революции. Борьба шла за ялуторовское масло, которое по-прежнему считалось одним из лучших в Сибири. Рынок был обеспечен «чистым по вкусу и хорошим по обработке продуктом». Цена на русское масло держалась на уровне цены за превосходное немецкое сливочное масло и употреблялось населением под оригинальной торговой маркой «Белый Лебедь».³

Из Сибири в 1925 году на экспорт ушло 175 пудов, в 1926 - 332. В Германии основными потребителями нашего топленого масла были районы Рура и Рейна, а также Южная Гавария.

Таким образом, А.Н. Балакшин не только сумел угадать назревавшие среди крестьян потребности, но и найти правильный путь, встав во главе кооперативного движения Си-

бири, выработав основные его положения.

Не случайно, в начале 1930-х годов, именно Ялуторовск был выбран под строительство нового завода по переработке молока. Достаточная сырьевая база, опыт сибирских маслоделов, через Союз сибирских маслодельных артелей продававших качественное масло в Германию и Англию, были существенными аргументами в принятии такого решения. В программе пятилетнего плана на 1933-1937 гг. было подчеркнуто: «Сибирь была и должна оставаться всесоюзной базой экспортного значения по животному маслу». Выпуск масла на заводе не прекращался и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

9 октября 1967

смена З.С. Зябловой приступила к производству новинки - сухого масла. «Расфасованный в жестяные банки, этот вязкий концентрат представляет собой высокожирные сливки, в которых процент жира доходит до 76 %» - сообщала газета «Ленинский путь».⁴

В 90-е годы XX века на предприятии функционировали две линии по производству животного масла с выработкой до 2,5 тонн в час. В сентябре 1997 года предприятие приняло участие в выставке «Сибирское маслоделие» в Кургане. Из тридцати участников смотра-конкурса по маслу ялуторовские маслоделы заняли почетное третье место. Продукцию с маркой завода можно было увидеть не только на Тюменском Севере. Сухие молочные продукты поставлялись на Кубу, в Афганистан, Монголию.

Не случайно и то, что в начале нового тысячелетия в Краеведческом музее был реализован выставочный проект «Хлеб и Масло Сибири», где жители и гости города могли познакомиться с историей маслоделия Сибири и, в частности, Ялуторовского уезда. Целый раздел был посвящен А.Н. Балакшину - основателю кооперативного движения в Сибири и Союза Сибирских маслодельных артелей. «В единстве сила» - вот главный девиз того дела, которому он посвятил многие годы своей жизни.

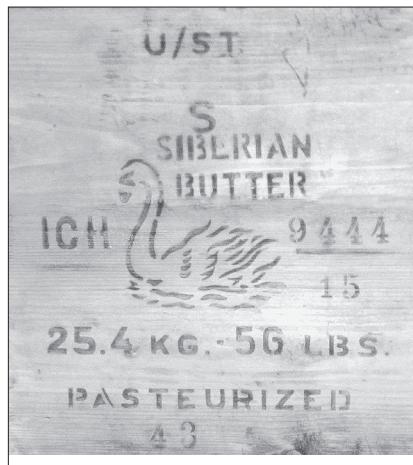
Примечания:

1. Народная газета. Из доклада о деятельности Союза за 1913 год.

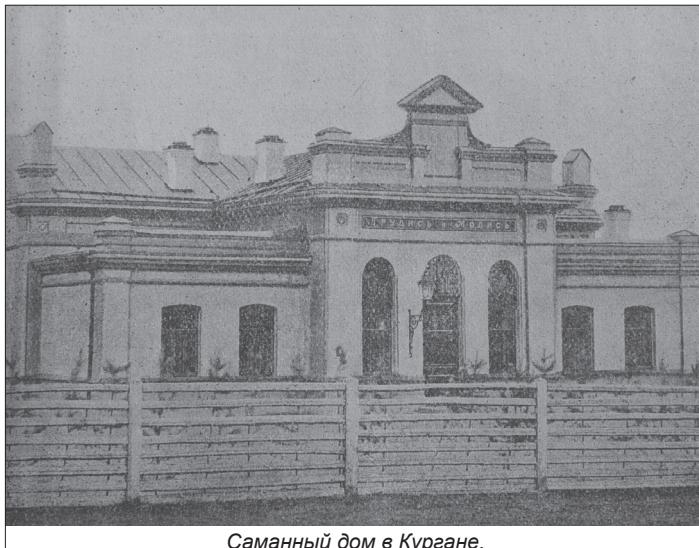
2. РГАЭ. Доклад о состоянии молочного хозяйства Сибири в 1924 году.

3. РГАЭ. Документы Маслосоюза за 1927 г.

4. Газета «Ленинский путь». № 166, 15.10 год.

«Белый лебедь» - товарный знак Союза маслодельных артелей.

Саманный дом в Кургане.

Наталья АРТЕМЬЕВА,
научный сотрудник музея «Дом природы»
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Творческий мир Лидии Корнишикиной

Каждая выставка народного искусства — это всегда открытие, открытие мира красоты и мудрости. Сегодня мы откроем для себя ещё одну судьбу, ещё одну историю и поближе познакомимся с очаровательной доброй женщиной, милой мастерицей Лидией Ивановной Корнишикиной, в девичестве Шелковкиной. Она родом из села Крупское Омской области, которое сформировалось внезапно, ещё в довоенное время, в результате объединения колхозов, совхозов, и постепенно исчезло с лица земли, растворилось и почти забылось со сменой поколений. Землю, на которой когда-то стояли дома, располагались хозяйские постройки, тянулись улицы — распахали, и осталось лишь небольшое заброшенное кладбище.

Местонахождение своей усадьбы дети семьи Шелковкиных узнают по вкопанному в землю железному столбу, это отец вкопал, да так крепко и надёжно, что стоит до сей поры. А было их у отца с матерью шестеро: Люба, Василий, Лидия, Александр, Николай и младшая Маша.

Отец, Иван Спиридонович Шелковкин, был мастер на все руки — делал вёдра, плёл корзины, шил сбруи, да ещё какие! Мастерил сани двухместные — кошевки, занимался ремонтом любой техники. В свои 14 лет Иван Спиридонович смастерил деревянный велосипед, стащив у мамы и бабушки колёса от прялок, за что и схлопотал от обеих, ведь прялочка — то имела свою цену в каждой семье. Во время Великой Отечественной войны Иван Спиридонович имел броню, потому как работал на военном заводе в Омске.

Мама, Мария Ивановна, в девичестве Алексеева, из большой семьи. Алексеевы жили на берегу Иртыша, в огромной деревне под названием Большой Атмас. Что только не выращивали на поле — да всё, вплоть до арбузов — настолько почва была плодородной. В семье Алексеевых родилось 18 детей, выжило 12, а из них на войне погибло ещё двое. Мария вышла замуж за Ивана Шелковкина, родила шестерых детей, но вырастить, как говорится, «поднять на ноги» не успела, ушла рано, не дожив и до сорока лет. Отец женился почти сразу, перевёз всё своё многочисленное семейство в село Егорьевка Кормиловского района. Мачеха, Мария Федосеевна, была доброй, очень хорошей

женщиной. Работала телятницей, дояркой, а в молодости, в войну трактористкой. Жили одной семьёй, вместе с родителями Марии Федосеевны. Держали своё хозяйство: коров, овец, поросят. Дед Федосей выделявал шкуры для дублёнок, освоил лозоплетение, сам занимался заготовкой прута — мочил, чистил, сушил. Курил самосад, и вот, бывало, сядет к печечке, откроет заслонку и курит. А печка в доме стояла русская, на полкухни. Частенько в гости к деду заходил кто-нибудь из соседей, так просто, пообщаться. Очень любила Лида такие вечера, когда все собирались в доме; в тихой уютной обстановке ребяташки на печке внимательно слушали неторопливую содержательную беседу мужчин, слуячи из жизни или невероятные истории бывалых охотников. Баба Наташа в основном вязала носочки, варежки, этому же обучила и внучек, за что Лидия Ивановна осталась ей благодарна, в жизни пригодилось не раз.

Вышивать научилась тоже рано, лет в семь — старшая сестра Люба показала. Это уж потом, на уроках труда в школе, умение закрепилось — вышивали небольшие картинки, украшали вафельные полотенца. Учительнице звали, как и маму, Мария Ивановна. Очень уж все радовались, когда в школе появилась швейная машинка. Шили всё подряд: ночные сорочки, юбки, штаны — и наряжались, всё носили с удовольствием. Окончив восемь классов, Лидия поступила в ПТУ на штукатур-маляра, плиточника-отделочника. Здесь заниматься рукоделием было некогда, любимое занятие ушло на второй план, а на первом была учёба, различные студенческие конкурсы и соревнования, сдача норм ГТО.

На одном из молодёжных вечеров, во время подготовки к Новому году, встретила интересного парня, немного старше себя, по специальности — тракториста. Виктор Корнишикин, в то время уже окончивший профессиональное училище механизаторов, приехал в Омскую область по распределению на работу. Сам родом с Ульяновской области, из города Барыш. Оставшись в 16 лет без родителей, он, по наставлению родного дяди, получил специальность тракториста. После чего отслужил в рядах Советской Армии целых 3,5 года. По характеру весёлый, добрый, отзывчивый, душа любой компании.

Поженившись, молодые решили строить новую жизнь на новом месте – отправились в Казахстан, в город Рудный. Здесь находился Соколовско–Сарбайский горно-обогатительный комбинат, на котором добывали железную руду и оправляли на Челябинский металлургический завод, для выплавки стали. Молодожёнов встретили, дали комнату в бараке. Виктор и Лидия устроились на кирпичный завод, и работали здесь на протяжении десяти лет. Виктор Григорьевич был неоднократным победителем соцсоревнования, получил две медали. Там же, в Казахстане, у них родились дети: сын Сёра и дочери Маша и Наташа. Обязанности по дому распределялись так: папа очень вкусно готовил, а мама сама делала ремонт в квартире. Вязала для всех варежки да носочки. Был такой случай, когда Лидия Ивановна выручила целую группу детского сада – с чешками было трудно, и она для ребятишек навязала следников.

В 1980 году сосед приехал с севера и сагитировал Виктора отправиться с ним поработать, годика хоть на три. Для начала муж поехал «на разведку», на целых 11 месяцев, а потом приехал за семьёй. Добраться до места в то время, да и сейчас, можно было только на самолёте, а из Казахстана так и вовсе с пересадкой: Кустанай – Тюмень, Тюмень – Красноселькуп.

К жизни на Дальнем Севере Лидия Ивановна, как считала, подготовилась основательно: всем ребятишкам и себе купили тёплые сапоги на молнии, до колена. А когда с трапа вертолёта шагнули на красноселькупскую землю – провалились в няшу – снег с водой.

Раиса Ивановна Томилина – добрая знако-

мая и очень хороший человек, предложила Корнишкиным поселиться у себя, во второй половине вагончика, пока им не отвели место в бараке. Виктор Григорьевич работал в нефте – газоразведочной экспедиции, а Лидия Ивановна устроилась сначала контролёром на электростанции, а потом бухгалтером – кассиром в ЖКХ.

В 1987 году, спустя семь лет, семья получила трёхкомнатную благоустроенную квартиру в двухэтажном доме. Здесь, в Красноселькупе, они прожили 26 лет. Здесь же, на севере, у них родились внуки. Дед души не чаял во внуках, а внуки в дедушке. Каждые выходные он собирал ребятишек к себе, занимался с ними, а бабушка Лиза угощала стряпней. Вечером в воскресенье родители разбирали их по домам.

В 2001 году не стало Виктора Григорьевича, а Лидия Ивановна ещё несколько лет, до 2006 года, жила здесь, рядом с надёжными, проверенными друзьями: Голиковыми, Долинными, Айвазянц, Лепихинами, Шариковыми и Хайловыми, и в радости и в горе – всегда вместе. В Ялуторовск попала «по собственному желанию» – вычитала объявление «бегущей строкой». У Лидии Ивановны восемь внуков: Владимир, Вера, Дмитрий, Екатерина, Владислава, Ярослава, Сергей и Анна. Две внучки сейчас учатся в Тюменских ВУЗах, и частенько навещают бабушку, остальные приезжают на каникулах или когда бывают в отпусках.

С удивительным творчеством Лидии Ивановны Корнишкиной познакомила выставка в музее «Дом природы». Вниманию посетителей были предложены изделия, выполненные в разных техниках: вышивка крестиком, бисером, вязание крючком.

Рукотворные фантазии Натальи Бородиной

Наталья Юрьевна Бородина родилась в первый день февраля в городе Ялуторовске. Семья в то время проживала в доме, на перекрёстке улиц Тобольская и Оболенского. Мама, Зинаида Петровна, ожидала появления дочери в одиночестве, пока муж, молодой солдат Юрий Ефремов, служил на Кольском полуострове. До сих пор хранится у Зинаиды Петровны телеграмма, известившая о гибели её мужа и отца годовалой их дочери с таким содержанием: «... погиб при исполнении воинского долга, сообщите – прибудете или нет». Молодая женщина с маленьким ребёнком осталась одна. Сама из детского дома, послевоенная сирота, понимала – надо строить жизнь дальше. По специальности товаровед, работала продавцом – с утра и до позднего вечера.

Второй муж Зинаиды Петровны, Пётр Фёдорович, стал для маленькой Наташи добрым отцом, никогда её не обижал. Через пару лет родилась сестрёнка Вера, а потом и братик Толя. Ребятишки в семье жили дружно. Всей семьёй читали книжки вслух, занимались фото-

графией. Девочки шили, вязали, а брат любил выжигать, что-то мастерить, читать. А когда у Анатолия появилась своя маленькая комната, то читать он мог все ночи напролёт. После того, как все засыпали и мама просила выключить свет – Толя принимался читать с фонариком, под одеялом.

Отец был неплохим охотником и частенько приносил трофеи. Из шкурок Зинаида Петровна шила всем шапки. А когда Пётр Фёдорович привозил целую кучу уток – всей семьёй садились и принимались их теребить. Пером набивали подушки. Поскольку брат много читал про индейцев – смастерили себе лук и стрелы, и большие перья тут пришлись кстати.

Родители папы, Юрия Георгиевича, несмотря на то, что сын давно погиб и сноха второй раз вышла замуж, поддерживали её и продолжали помогать Зинаиде в воспитании детей. Бабушка, Мария Фёдоровна, была искусная мастерица: шила на машинке, ткала на кросах полосатые половички, сама окрашивая ткань. Вязала скатерти, салфетки, вышивала и

гладью, и крестиком, в сложной технике ришелье. Этому виду вышивки научила сына Юрия, а он, в свою очередь Зинаиду, когда ещё дружили, до свадьбы. На стене у них в доме висели вышитые картины, так называемые «дорожки», на комоде лежала вышитая скатерть. А комод и круглый стол с опускающимися боками, и табуретки к нему, и этажерки, и стулья, и буфет – всё было изготовлено руками дедушки Георгия Лаврентьевича. Покупной был лишь диван с валиками, да железная кровать, с панцирной сеткой. Внучата часто бывали у бабушки с дедом в гостях. И за кроснами посиживали, и вышивкой интересовались.

Бабушка Маша научила внучек вязать на спицах и крючком. В детстве, вспоминает Наталья Юрьевна, ещё в школе, шила она для подружек мягкие игрушки, да раздарила.... И ни одной похожей!

Окончив школу на «5» и «4», Наталья решила, что профессию для себя выберет по душе, не захотела поступать в ВУЗ, и подала документы в Тюменское швейное училище, на швею. Получив диплом мастера по пошиву верхней одежды, устроилась в КБО, где проработала 6 лет. Вышла замуж. Позже сын Женя, видя, какая мама мастерица, тоже решил себя попробовать в рукоделии и даже ходил в кружок «Макраме». Наталья Юрьевна, будучи швеёй, в полной мере применяла свои умения: и муж, и сын, да и она сама были всегда нарядными, даже во времена большого дефицита одежды. Никогда не покупали в магазине брюки, курточки, рубашки, платья, блузки, юбки. Шила модные сумки из плотной ткани с аппликацией, и в автобусе все с интересом рассматривали папу с сыном в одинаковых курточках-штормовках. Женя в детский сад ходил в красивых шортиках с лямочками, а на груди кармашек с аппликацией. «Помнишь эти шортики?» – спросила Наталья Юрьевна у повзрослевшего сына. «Помню..., как бежать в туалет, так не могу отстегнуть эти лямочки, хоть реви».

Когда Женя учился в школе, занимался рукопашным боем. Служить пошёл в 1998 году в Ставропольский край, а попал в Чечню, во вторую военную компанию. Конечно, маму не сразу поставили в известность, а потом, когда она об этом узнала – не отходила от телевизора, не пропустила ни одной программы новостей, переключая с одного канала на другой.

Потом ещё раз был отправлен на три месяца в Чечню, но это уже когда работал в милиции. После чего женился. Сейчас проживает вместе с семьёй в Тюмени. Внуку Олегу 9 лет, а внучке Настя 4 года. Они уже заняты делом: Олежка занимается в секции айкидо, Настя помогает бабушке шить игрушки. Вместе изладили большого кота, а на Новый год из ниток и воздушных шариков изготовили симпатичного снеговика.

Однажды, ещё в 1987 году, побывав по путёвке в Румынии и в Болгарии, на берегу Чёрного моря, выбирая себе на память сувенир, среди различных ракушечных бус, вязаных шляп и изделий обратила внимание на плетёные из тонкого прута шкатулки и сумочки. Наталья Юрьевна всегда хотела научиться плести корзинки из лозы, но уж больно трудоёмкая эта работа – заготовка материала для плетения. Из положения вышла очень просто – использовала газетные трубочки, а поделки – не отличишь от натуральных изделий, из веточек. Неплохо получались корзинки, вазы, миски и рыба. Несколько раз по заказу плела огромных щук, напольные вазы – на подарок. Среди работ Натальи Юрьевны особое место занимают мягкие игрушки. Вышитые картины украшают стены домов друзей и родственников. Кстати, недавно Наталья Юрьевна нашла через единую социальную сеть ещё одну свою родственницу по линии отца – троюродную сестру Татьяну, в Якутии. Так что, вероятно, в скором времени, сувенир ялуторовской мастерицы отправится в Якутию. Изделия Натальи Бородиной демонстрировались в «Доме природы», на выставке «Рукотворные фантазии».

Наталья Юрьевна сменила несколько профессий. Была нормировщиком в воинской части, часовым мастером в «Рембыттехнике», выучившись на бухгалтера, стала бухгалтером-кассиром и кадровиком. Общий стаж работы 37 лет. Эта милая женщина и сейчас трудится, с лёгкостью совмещая работу и домашние хлопоты, а также занятие рукоделием.

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
директор ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Наградные документы из 1959 г.

Собирая по просьбе ялуторовских музейщиков материал для новой книги с рабочим названием «Ялуторовск в годы войны» (к 70-летию Победы), сотрудники Центра хранения страхового фонда обнаружили документы 1959 года, касающиеся празднования 300-летия г. Ялуторовска. Титульная надпись гласила: «О награждении Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР 65 рабочих и служащих г. Ялуторовска в связи с 300-летием города».

О существовании этого списка последний раз вспомнили в 2009 году, когда Ялуторовск готовился к проведению праздничных торжеств по случаю 350-й годовщины со дня основания острога и слободы. Крупная историческая дата нашла отражение в наградных документах отдельных граждан, которые хранятся в музейных фондах. И вот теперь, благодаря уникальной находке архивариусов, мы можем опубликовать полный список лучших представителей городского сообщества, отмеченных этой наградой.

Всего в архивном деле 136 листов. Это характеристики, ходатайства городских органов власти, решение Тюменского облисполкома, подписанное председателем Д. Крюковым и за секретаря И. Поповым, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 декабря 1959 года за подписью председателя Президиума Н. Органова и секретаря С. Орлова.

А также - «Отписка Тюменского воеводы Федора Веригина, о поставлении Ялуторовского острога и учреждении новой слободы на месте старого Татарского городка Явлутура». Нахождение этого древнего акта среди официальных документов советской эпохи выглядит несколько странно, но все объясняет комментарий, сделанный директором Ялуторовского музея И. Терентьевым. Уважаемый историк и краевед, будущий основатель Тюменской картинной галереи, анализируя текст документа, в котором впервые упоминается русское поселение на берегу Тобола, неподалеку от впадения в него реки Исеть, делает однозначный вывод: датой основания Ялуторовска следует считать именно 1659 год. История – дама лукавая. Коснитесь прошлого любого населенного пункта – и сразу вам назовут несколько дат основания. Так было и в отношении Ялуторовска. Главная ошибка современных летописцев заключалась в некорректном переводе времени со старого летоисчисления на новое. Иван Степанович Терентьев расставил все точки над «и»: от упоминаемой в Отписке даты 7167 надо отнять 5508. Наверное, аргументированная позиция директора музея послужила одним из доводов того, чтобы в 1959 году, впервые в своей многовековой истории, Ялуторовск масштабно отметил юбилейную дату - с изданием брошюры И.С. Терентьева «Ялуторовск. Исторический обзор», праздничным торжеством в районном

Доме культуры, массовым гулянием на Базарной площади и награждением большой группы горожан, тоже массовым.

Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР в связи с 300-летием со дня основания города Ялуторовска и за активное участие в хозяйственном и культурном строительстве награждены:

Балахонцев Дмитрий Васильевич – заведующий отделом торговли исполнительного комитета Ялуторовского районного Совета депутатов трудящихся.

Береснева Пелагея Ивановна – работница мельзавода.

Бородулин Иван Григорьевич – главный бухгалтер лесозавода.

Бурдакова Фаина Васильевна – врач городской больницы.

Веселовский Рафаил Сергеевич – учитель семилетней школы №7.

Веселовская Капитолина Ивановна – учительница семилетней школы №7.

Вешкурцев Федор Иванович – инструментальщик автотранспортного хозяйства.

Витте Маргарита Федоровна – учительница средней школы №1.

Вшивцев Иван Александрович – стекловар стеклозавода «Коммунар».

Габышев Сергей Васильевич – слесарь ремонтного завода.

Девятериков Павел Андреевич – пенсионер.

Долгополов Трофим Афанасьевич – заведующий складом лесозавода.

Домченко Аркадий Иванович – старший вагранщик ремонтного завода.

Евдокимов Владимир Матвеевич – директор средней школы.

Жигайло Семен Тимофеевич – председатель правления промартели имени Куйбышева.

Жилин Евгений Иванович – заведующий организационным отделом Ялуторовского райкома КПСС.

Жуков Медос Клементьевич – шофер автотранспортного хозяйства.

Зяброва Зоя Семеновна – аппаратчица молочно-консервного завода.

Иванов Георгий Семенович – весовщик станции Ялуторовск Свердловской железной дороги.

Иванов Дмитрий Александрович – старший мастер ремонтного завода.

Иванова Евгения Тимофеевна – инструктор Ялуторовского райкома КПСС.

Ильина Анна Трифоновна – лаборантка мельзавода.

Ильичев Илья Яковлевич – плотник молочно-консервного завода.

Клюсов Афонасий Николаевич – директор лесозавода.

Комлев Михаил Дмитриевич – начальник от-

дела сбыта лесозавода.

Кравец Александр Григорьевич – работник охраны мельзавода.

Лаврентьев Арсений Захарович – рабочий молочно-консервного завода.

Лев Ева Моисеевна – врач городской больницы.

Липихин Василий Петрович – мастер лесозавода.

Малышев Лука Иванович – старший мастер ремонтного завода.

Мальцев Иван Петрович – заведующий погрузочным пунктом станции Ялуторовск Свердловской железной дороги.

Мамонтов Виктор Павлович – главный инженер молочно-консервного завода.

Матис Евдокия Сергеевна – телеграфистка станции Ялуторовск Свердловской железной дороги.

Медведчиков Дмитрий Емельянович – начальник цеха лесозавода.

Мясников Михаил Александрович – технолог молочно-консервного завода.

Некрасов Михаил Иванович – шофер автотранспортного хозяйства.

Некрасов Петр Иванович – рамщик лесозавода.

Овчинников Владимир Карпович – председатель комитета профсоюза лесозавода.

Островский Николай Иванович – станочник лесозавода.

Павленко Дмитрий Матвеевич – электромонтер станции Ялуторовск Свердловской железной дороги.

Пеннер Анна Павловна – учительница средней школы №1.

Перепелюк Александра Степановна – учительница средней школы №1.

Питерская Августа Степановна – учительница средней школы №1.

Плотникова Надежда Никитична – учительница средней школы №2.

Полещук Екатерина Ильинична – главный зоотехник инспекции по сельскому хозяйству исполнительного комитета Ялуторовского районного Совета депутатов трудящихся.

Попова Нина Петровна – учительница средней школы №1.

Постовалов Тимофей Михайлович – шофер лесозавода.

Пугачева Татьяна Григорьевна – работница мясокомбината.

Русакова Афанасия Ильинична – выбойщица мельзавода.

Рыбин Тихон Игнатьевич – слесарь молочно-консервного завода.

Савин Афанасий Яковлевич – рамщик лесозавода.

Сазонов Андрей Григорьевич – врач районной больницы.

Сачков Сергей Иванович – директор молочно-консервного завода.

Симонова Любовь Алексеевна – учительница средней школы №2.

Старовойтенко Михаил Николаевич – шофер молочно-консервного завода.

Стрельников Федор Деомидович – началь-

ник цеха мельзавода.

Тотолин Александр Андреевич – мастер мясокомбината.

Тресвятский Николай Самуилович – учитель средней школы №1.

Устюгов Григорий Кондратьевич – слесарь лесозавода.

Халилов Ахмет – рабочий лесозавода.

Худышкин Кондратий Борисович – секретарь исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся.

Чудинов Евгений Андреевич – шофер молочно-консервного завода.

Шайкина Екатерина Владимировна – учительница семилетней школы №7.

Шеперева Елизавета Андреевна – пенсионерка.

Ярков Леонид Иванович – машинист водокачки станции Ялуторовск Свердловской железной дороги.

Почетной грамотой Тюменского облисполкома награждены:

Балахонцева Нина Павловна – врач городской больницы.

Береснева Надежда Гавриловна – заведующая учетом РК КПСС.

Бородина Любовь Степановна – учительница семилетней школы №4.

Веселовский Сергей Сергеевич – фельдшер больницы.

Глушкова Антонина Георгиевна – главный врач детской больницы.

Егерев Леонид Павлович – врач-хирург городской больницы.

Жилина Ида Дмитриевна – врач городской больницы.

Кугаевский Петр Николаевич – заведующий райпланом райсовета.

Матвиенко Александр Данилович – главный врач поликлиники.

Одегова Нина Андреевна – лаборант городской больницы.

Русских Клавдия Михайловна – врач-невропатолог больницы.

Рыбин Артемий Евсеевич – заведующий общим отделом райисполкома.

Стояновская Валентина Ивановна – учительница средней школы №2.

Прошло с той поры, как видим, 56 лет – почти целая человеческая жизнь. Многие фамилии из наградного списка и сегодня на слуху, трое из них – В.П. Мамонтов, З.С. Зяброва и С.Т. Жигайло – почетные граждане города. П.А. Девятериков, названный в Указе пенсионером, много лет возглавлял райисполком, в том числе и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Пенсионерка Е.А. Шеперева – известный в Ялуторовске работник аппарата исполнительных органов.

Обращаю внимание на тот факт, что к 300-летней годовщине Ялуторовска ни один работник культуры не удостоен высоких наград, в том числе и директор музея И.С. Терентьев. Столь прискорбную избирательность отнесем к разряду парадоксов.

Выставки Ялуторовского музея в драмтеатре

26 февраля Ялуторовский музейный комплекс и Тюменский драматический театр провели презентацию сразу двух выставок, посвященных Году литературы.

На выставке «Жизнь коротка – искусство вечно», посвященной крупному российскому предпринимателю и меценату Савве Ивановичу Мамонтову, родившемуся в г. Ялуторовске в 1841 году, представлены экспонаты из фондов ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» и федеральных музеев-заповедников «Абрамцево» и «Поленово». Это документы, фотографии, редкая книга. Впервые жители Тюменского региона могут познакомиться с фотографиями, посвященными жизни и деятельности С.И. Мамонтова в различные периоды второй половины 19-начала 20 вв. Выставка рассказывает о семье Мамонтовых, знаменитом Художественном кружке в Абрамцеве, театральных постановках, деятелях искусства, окружавших семью Мамонтовых, строительстве Архангельской железной дороги.

Здесь же представлены наиболее значимые предметы из фондов ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс». Среди них оттиск личной печати Мамонтовых, копия свидетельства о рождении С.И. Мамонтова и его крещении в градо-Ялуторовской Вознесенской церкви, фотопортреты потомков С.И. Мамонтова, проживающих в Москве и Аргентине, которые побывали в Ялуторовске, начиная с 1991 года, бюст С.И. Мамонтова (бронза) работы лауреата Ленинской премии В.Е. Матросова (г. Москва), подаренный музею коллективом Ялуторовского горпищекомбината, «Абрамцевское лото».

Выставку «Жизнь коротка – искусство вечно» посетил Председатель Государственной Думы РФ, руководитель оргкомитета Года литературы Сергей Нарышкин, в период проведения в Тюмени Второго инвестиционного форума. Сергей Евгеньевич дал старт новому историко-просветительскому проекту «100 великих предпринимателей и меценатов России». Уроженец Тюменской земли С.И. Мамонтов – одна из самых достойных кандидатур на вхождение в этот славный список великих россиян.

Вторая выставка «Земля благословенная» также связана с миром искусства. На ней представлены хранящиеся в запасниках ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» линогравюры тюменского художника Александра Ивановича Мурычева (1918-1986 гг.), родившегося в д. Онуфриево Исетского района в старообрядческой семье. Ученик Александра Митинского, он прошел большой жизненный путь, участвовал в Великой Отечественной войне, потерял ногу. С 1961 года – член Союза художников РСФСР. На выставке представлена серия «Гравюры о Тюмени», созданная в 1970-е годы, и линогравюра «Ялуторовск – город памяти декабристов».

Новые выставки представили тюменской интеллигенции заведующая музеем драмтеатра Надежда Васькова, сотрудники ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» Павел Белоглазов, Татьяна Бурлакова, Наталья Буракова, Ирина Петелина и ветеран ялуторовской культуры Лидия Плоскова, исследователь жизни и деятельности С.И. Мамонтова.

«Русская палитра» в Ялуторовске

Москва, Елец, Казань, Пермь, Козьмодемьянск, Чебоксары, Тюмень... Ялуторовск стал 18-й точкой на пути передвижения по России уникального передвижного выставочного проекта «Русская палитра». Постоянными участниками и организаторами выставки являются три человека: Иван Кириллов (художник, коллекционер, автор и руководитель проекта), Мария Подкопаева (живописец, автор большинства созданных образов), Юлия Речкалова (реставратор, подготовившая значительную часть коллекции в экспозиционное состояние).

Примечательно, что выставка открылась в последний день зимы, поразив всех богатством убранства народной одежды и красочностью сюжетов живописных полотен. Первыми ее посетителями в выставочном зале краеведческого музея ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» стали мастера народного творчества, доморощенные художники, участники театра мод, общественного объединения «Единомышленники», лауреаты и дипломанты регионального фестиваля им. С.И. Мамонтова, были и

те, чья продукция, изготовленная в народном стиле, вошла в списки «100 лучших товаров России» и «100 лучших товаров Тюменской области».

Представлял выставку сам руководитель проекта. Естественно, всех в первую очередь интересовало, с чего начался этот проект и чем обусловлена нетрадиционная для сегодняшнего художественного мира тематика картин.

- Когда я учился в Московской академии живописи, ваяния и зодчества, приходилось часто выезжать на этюды на Русский Север. Мне нравилась отдаленность от цивилизации, нравился сохранившийся облик старинных сел и деревень. Именно на Русском Севере – Архангельская область и Карелия – как нигде в России сохранился старинный уклад жизни... До сих пор сохранились села, где на праздник «обряжаются» в старинную «снаряду» и выходят на улицу, водят хороводы, поют приуроченные к этому празднику песни. На Печоре, в Усть-Цильме, каждую весну проводят «горку». Женщины и девушки в шелковых рубахах с

золотыми поликами, в широких сарафанах с кружевными нашивками по подолу, в больших, повязанных по особенному старинных платках собираются из разных деревень на праздник с песнями и хороводами. В Курской и Воронежской областях еще бытуют сельские песенные обряды, где можно увидеть старинные домотканые шерстяные сарафаны с многочисленными ровными складками на спине, широкие пояса с бантиками, яркие клетчатые поневы, расшитые тончайшими черными графическими узорами.

А как было положено начало коллекции народного костюма? Вот что сказал Иван Кириллов:

- Лет пять назад, гуляя по Рождественской ярмарке, наткнулся я на лоток, где помимо сценических а-ля народных костюмов продавали и старинные русские рубахи и сарафаны из домотканой пестряди. И мысль родилась сама собой – вернуть в нашу жизнь вечные пейзажи Севера. Реконструировать традиционный быт народа. Включить в свои живописные произведения

русский народный костюм. Коллекция постоянно пополняется. Что-то нахожу сам в экспедиции, что-то покупаю, что-то удается выменять у коллекционеров. Наступил момент, когда коллекция начала перерастать рамки частной костюмерной художника. Держать все это народное богатство под замком было бы серьезной ошибкой. И вот, в один прекрасный день, родилась идея совместить два самых больших увлечения в моей жизни – живопись и собирательство народной одежды.

Это объясняет главную особенность выставки: здесь рядом с народными костюмами из девятнадцатого века соседствуют живописные картины, созданные организаторами проекта, органично дополняя седую старину.

Следует также отметить, что в интерьере выставки перед ее открытием прошла церемония подведения итогов интернет-конкурса, приуроченного ко Дню влюбленных, на лучшую фотографию молодых пар, сделанную в музейных экспозициях. И что-то теплое шевельнулось в юных душах, впитавших в себя колорит «Русской палитры».

Историческая картинка музея признана лучшей

27 июня в Ялуторовске прошли торжества в честь 356-й годовщины города. Главным мероприятием большой праздничной программы стало костюмированное шествие предприятий, организаций и учреждений.

Коллектив ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс» вышел на праздник с исторической картинкой, посвященной Году литературы и 200-летию великого уроженца сибирской земли П.П. Ершова. В литературных героях, размещенных на автомобильной платформе, зрители легко угадывали черты Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Ю.В. Друниной. Здесь же рядом с Музой литературы можно было увидеть А.С. Пушкина с портретом П.П. Ершова. Всем известно, что гений русской словесности, прочтя сказку «Конек-Горбунок», благословил в мир большой литературы сибирского сказочника. Знаковым элементом композиции стала книга «Возвращение Тобольска», авторы - художник Нина Казимова (Санкт-Петербург) и недавно ушедший из жизни писатель Валентин Распутин (Иркутск). В офортах этого уникального издания Фонда «Возрождение Тобольска», приобретенного музеем при поддержке депутата Тюменской областной Думы Ф.Г. Сайфитдинова, запечатлены крупнейшие деятели российской культуры Семен Реме-

зов, Федор Достоевский и, конечно же, Петр Ершов.

В момент прохождения колонны по главной улице города сотрудники музея дарили горожанам книжные закладки, выпущенные к Году литературы, с портретами знаменитых земляков - Михаила Знаменского, Саввы Мамонтова, Юлии Друниной.

Музейная картинка получила главный приз оргкомитета Дня города в номинации «Лучшее декорированное транспортное средство».

Накануне главного праздника в Ялуторовске прошло торжественное собрание, на котором чествовали лучших людей города. Коллектив одного из структурных подразделений учреждения – краеведческого музея (заведующая Татьяна Бурлакова) отмечен Главой города В.Н. Смеликом за реализацию крупного выставочного проекта «Ради жизни веков грядущих» и передвижной

выставки «Ялуторовск в годы Великой Отечественной войны», которая с успехом демонстрировалась во Дворце культуры, учебных заведениях города.

Страница юного краеведа

Николай БАГАЕВ,
студент Тюменского государственного
института искусств и культуры

Зарождение краеведческого движения в г. Ялуторовске

Процесс зарождения краеведческого движения в городе Ялуторовск в 20-е годы XX века, рассмотрение предпосылок к созданию и начало работы Ялуторовского краеведческого кружка – эта тема является актуальной, поскольку ранее не была исследована отдельно, а лишь в рамках изучения истории города Ялуторовска, а также в истории Ялуторовского музеяного комплекса. В данной работе использовались материалы из протоколов заседаний Ялуторовского краеведческого общества за 1927-1928 гг.

Согласно Геральду Николаевичу Матюшину, кандидату исторических наук, краеведение – это совокупность знаний о том или ином крае, изучение его природы, истории, экономики и быта. Знание географических, природных особенностей той территории, на которой обитал человек, было жизненно необходимым, так как без этих знаний человек попросту бы не выжил в данных условиях. Эти знания о правильном использовании того, что находится вокруг человека, передавались из поколения в поколение, ибо за счет них человек и выживал. С появлением письменности эти знания стали фиксироваться, также как и различные события внутри государств и обществ, а также знания о других народах. В качестве примера можно назвать знаменитого Геродота.

На Руси «коллегой» Геродота, в плане сбора и записи краеведческих данных, можно смело считать монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, с его трудом «Повесть Временных Лет». Нестор, и прочие летописцы, дают в своих трудах описания племен, проживающих на территории Руси, их расселение, их язык, обычаи. Однако эта информация довольно субъективна, поскольку в своих трудах летописцы выражали свои симпатии и антипатии, а также это зависело от региона, где велась работа над летописью, либо же от заказчика. Но, несмотря на это, предоставленные в летописях данные несут в том числе и краеведческий характер.

В XIX веке в гуманитарных науках четко выделилось 2 принципа: «изучать и знать народы, чтобы лучше ими управлять» и «изучать и знать народ, чтобы помочь ему, чтобы бороться за его освобождение». Первого принципа придерживались ученые, работающие по государственному заказу. Второй же принцип был присущ ученым, состоящим в тех или иных революционных организациях. Эти ученые, в основном, изучали тот край, в котором отбывали ссылку за свою деятельность. Сегодня этих людей называют представителями «демократи-

ческого течения в историческом краеведении». «Демократы» также занимались просвещением населения, стремились распространить полученные и накопленные знания, пытались привить детям гуманные идеи, обличали действующую власть, господствующие классы, и их действия.

После Октябрьской революции 1917 года новой властью была сформирована иная система управления культурой. Руководство всей духовной жизнью общества передавалось в руки Наркомата просвещения.

В январе 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) при Академии наук. Издавались краеведческие журналы и сборники как всесоюзные, так и в отдельных регионах. Если до Великой Октябрьской социалистической революции в России было 160 краеведческих обществ, то к концу 1922 г. в стране насчитывалось 516 краеведческих организаций, в том числе 285 музеев. Тюменское Общество по Изучению Местного Края основано 3 августа 1920 г. Основателем его является Павел Августович Мартэн. Проводилась активная научно-исследовательская работа, публиковались доклады, очерки, организовывались выставки. Краеведы участвовали в научных съездах, совместных исследованиях с другими научными организациями. Также была составлена так называемая памятка краеведа, в которой были представлены правила и рекомендации по обработке полученных сведений о родном крае. В докладах заседаний ТОИМК говорилось о том, что в Тюменском регионе огромное количество рабочего материала для ученого-краеведа, и о необходимо правильно использовать эти знания во благо региона и людей, живущих в нем. Из приоритетных задач было также указано «создание краеведческих ячеек на местах, привлекая все культурные силы края. Среди комсомола надо повести агитацию за краеведческое дело».

Что касается положения дел в Ялуторовске, то в 1921 году в городе уже окончательно прекратились боевые действия, и к тому моменту городское хозяйство успешно восстанавливалось. Ликвидация неграмотности населения началась во второй половине 20-х годов XX века. Одним из первых важных шагов в новом мероприятии было создание Союза Учителей в 1919 г. Появились школы нового типа – Единые трудовые школы 1-ой и 2-ой ступени. На тот момент в них работало 28 учителей, которые также являлись инструкторами по ликбезу.

В основном, именно из них сформировалась некая интеллектуальная элита города и района. Именно эти люди и заинтересовались краеведение или, если говорить точнее, своим краем, тем местом, где они живут и работают. В 20-е годы и образовался Ялуторовский Кружок Любителей Краеведения. Инициатором основания кружка и музея можно считать Марфу Дмитриевну Чукавину.

6 июня 1927 года прошло организационное собрание ялуторовских любителей краеведения, и именно на этом собрании М.Д.Чукавина сделала заявление о начале переписки Тюменского Окружного Музея и Тюменского Общества Изучения Местного Края с Ялуторовском. Тут же Чукавина заявила о необходимости создания музея в Ялуторовске и одновременно с ним и краеведческого общества. Объяснила она это тем, что и музей без краеведов, и краеведы без музея «немыслимы». Главной задачей краеведческого кружка было отмечено «изучение местного края в его производственном и экономическом отношении в применении этого изучения к улучшению местного края». Инициатива была встречена с энтузиазмом всеми присутствующими. И на собрании было постановлено организовать Ялуторовский Краеведческий кружок при Городской Библиотеке.

На следующих заседаниях были определены устав и правление кружка, его план работы, обязанности и функции правления, а именно: управление кружка, его имуществом, принятие итоговых решений по собраниям, предоставление отчетов о работе общему собранию и др.

Разумеется, были указаны полномочия и обязанности и общего собрания членов Краеведческого Кружка: рассмотрение годовых отчетов, принятие доходно-расходной сметы, обсуждение общих вопросов, утверждение состава правление и прочее. Все решения принимались посредством открытого голосования.

Процедура вступления в кружок для любого желающего была, в целом, несложной. Для этого надо было подать письменное заявление, обязательно подписанное двумя представителями этого кружка, которые рекомендуют подающего заявление. Это заявление оглашалось на общем собрании, и решался вопрос, принять или нет того или иного желающего в состав кружка.

В ходе обсуждения на заседании было принято решение о том, что целесообразнее будет поделить деятельность кружка и музей на 3 раздела, были выбраны руководители этих разделов, а также были определены их сферы деятельности.

1. Природоведческий раздел (Руководитель Шадрин)

1.1. Геология (Изучение почв и воды).

1.2. Ботаника (Здесь члены кружка должны были составлять гербарии и выбирать образцы всех растений, произрастающих на территории города и района).

1.3. Зоология (Члены кружка должны были работать с палеонтологическими коллекциями и проводить новые палеонтологические рас-

копки. Таюже должны были работать с чучелами животных и создавать новые).

2. Трудовой или Трудоведческий раздел (Руководитель М.Д.Чукавина)

2.1. Кустарная промышленность города и района.

2.2. Сельское хозяйство города и района.

2.3. Кооперационное производство города и района.

(Для данного раздела рекомендовалось привлекать к работе по сбору информации сороганизации, корреспондентов и статистов).

3. Обществоведческий раздел (Руководитель М.И.Гостева)

3.1. Археология района.

3.2. История города и района.

3.3. Революционные движения края.

3.4. Быт, этнография и прочее.

3.5. Советское строительство на территории города и района.

Такое разделение обязанностей членов кружка и музея способствовало, как видно, не только изучению особенностей города и района в плане истории и природных особенностей, но и давало анализ современного города в экономическом и социальном плане, с дальнейшим применением этих знаний во благо самого Ялуторовска.

Также был разработан устав Ялуторовского Краеведческого Кружка, в котором целью было прописано «всестороннее изучение Ялуторовского района, его природы, истории, литературы, промышленности и социальной жизни. Распространение знаний среди широких масс населения и всемерное содействие развитию деятельности Тюменского окружного Музея». Конкретными же задачами ставилось «собирание и разработка научных материалов и коллекций по всем отраслям знаний». Под научным материалом и коллекциями подразумевались естественно-исторические коллекции, различные наблюдения, собранный этнографический материал, записанные местные сказания, легенды, песни, поверья, обряды, особенности местного разговора, археологические, исторические, социально – экономические и прочие материалы. Различные наблюдения, сбор вышеупомянутого материала, записи также входили в список задач кружка.

Средства для кружка получались несколькими путями:

1. Взносы членов общества.

2. Пожертвования в пользу общества и музея.

3. Субсидии правительственные и общественных учреждений.

4. Сборы за вход музей, а также за лекции и выставки, проводимые в музее.

Согласно плану работы по организации филиала Тюменского музея в городе Ялуторовск, необходимо было сделать следующее: составить карту Ялуторовского района; собрать коллекции и предметы музейного значения через любителей краеведения (которые не всегда могут быть членами кружка), школы и комсо-

мол; приступить к собиранию, охране, фиксированию материалов о декабристах; обратить внимание на охрану археологических, исторических и культурных памятников (курганов, городищ, стоянок, а также старых зданий, школ и прочих объектов); вести систематические фенологические наблюдения; собрать материалы по истории революционных движений в районе (начать работу со списками ссыльных и их трудами); собрать материалы по истории района; собрать коллекции по природе; музей организовать по 3 отделам - природа, труд, общество; иметь карту по каждому разделу, наносить на нее имеющиеся данные; вести тетрадь для записи собираемых сведений; вести дневник музея.

Таким образом, подготовительные работы

были завершены, и вся работа общества была направлена на открытие первого в городе Ялуторовске музея.

Список литературы:

1. Матюшин Г.Н. Историческое краеведение: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов и спец. № 2108 «История». - М.: Просвещение, 1987.
2. Сибирские летописи. - СПб., 1907.
3. Токарев С.А. История русской этнографии. - М., 1966.
4. История России с древнейших времен до наших дней/ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. М.: Проспект, 1999-544С.
5. Белов С. Тюменское общество изучения местного края в 20-е годы // Ежегодник ТОКМ. 2001.-Тюмень, 2002.
6. Летопись. От Елисея Гилева и Петра Ульянова до наших дней// Сост.: Т.Г.Бурлакова; Под ред. П.К.Белоглазова.-Тюмень: «Три Т», 2009.
7. Протоколы Заседаний Ялуторовского Общества по изучению края за 1927-1928 годы. ЯМК. КП 519/4 Л. 1-4 об.

Музей и природа

Евгений БАЯНОВ, Татьяна ОРЛОВА,
научные сотрудники музея «Дом природы»
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»,
Наталья КИСКИНА, студентка ТюмГУ

Гнездование ходуличника в Ялуторовском районе

Ходуличник (*Himantopus himantopus* L., 1758) – кулик средних размеров, примерно с голубем. Птица обладает контрастной черно-белой окраской и довольно необычной внешностью. Является рекордсменом в птичьем мире, как обладатель самых относительно длинных ног, которые превышают длину туловища. Ноги очень тонкие, имеют яркую красную окраску и в полете вытягиваются далеко за обрез хвоста. Имея такие длинные ноги, ходуличник может прекрасно кормиться на мелководье, добывая корм в воде или со дна водоема.

Обычные местообитания этой птицы относятся к теплым широтам. Но в последние десятилетия ходуличники стали довольно регулярно появляться, в том числе и на гнездовании, в южных районах Тюменской области: Сладковском, Казанском, Бердюжском, Армизонском. При этом места гнездования чаще всего непостоянны, поскольку птицы очень зависят от наличия отмелей, следовательно, от гидрологического режима водоемов в каждый отдельный сезон.

Известны единичные случаи гнездования ходуличников севернее, в районах, соседних с Ялуторовским: в Тюменском районе в окрест-

ностях пос. Борки в 1991 году¹ и в Заводоуковском районе, возле с. Новая Заимка в 2008 и 2009 годах². П.С Ситников встречал пару ходуличников в Аромашевском районе, возле пос. Комсомольский, но гнездование там не зафиксировано.

Для Ялуторовского района литературных данных о встречах или гнездовании этого вида нет. Таким образом, гнездования ходуличника, зарегистрированные при обследованиях озера Старый Кавдык (координаты N 56°47', E 66°16') в 2014 и 2015 годах, очевидно, отмечены впервые в Ялуторовском районе.

Озеро Старый Кавдык довольно большое, площадью 6,44 км², практически не имеет водосборной площади. В него не впадают реки и ручьи, а северо-западнее озера расположена сеть осушительных каналов. Возможно, поэтому озеро обмелело и значительно залилось. Таким образом, сформировался биотоп, благоприятный для гнездования ходуличников.

При первом обследовании 1 июня 2014 г. на озере были встречены две птицы. Они проявляли гнездовое беспокойство: поднимали крылья, отводили от гнезда, отгоняли крачек. Найдено одно гнездо, построенное на маленьком островке до полуметра, диаметр гнезда 17-18 см, лоток 12-15 см, выложен кусочками стеблей. Кладки в гнезде еще не было или гнездо было разорено воронами.

Во время второго посещения, 16 июня 2014 года, на озере встречено до 8 беспокоящихся птиц. В том же гнезде находилось одно слабо насиженное яйцо.

Егерь охотничьей базы областного общества охотников и рыболовов, расположенной на озере Старый Кавдык, Степан Алексеевич Ульянов рассказал, что впервые увидел на озере две пары ходуличников весной 2014 года. Раньше он никогда не встречал таких диковинных птиц и поэтому обратил на них внимание. А в конце июля он наблюдал над озером стайку до 20 птиц, что свидетельствует об успешном гнездовании ходуличников.

Нынешним летом мы вновь обследовали озеро, уже целинно, в поисках гнездования редких птиц. 6 июня 2015 года в той же части озера было отмечено около 12 ходуличников, они проявляли беспокойство. Поиск гнезд осложняется тем, что в этом месте очень мощный слой ила затрудняет движение лодки. Но именно в таких топких труднодоступных местах зачастую и гнездятся ходуличники. Сами птицы прекрасно передвигаются по топким участкам и находят там достаточно корма.

В итоге вновь было найдено одно гнездо с кладкой. Оно располагалось на краю трост-

никово-рогоузово-пепельниковой куртины, на плавающем основании корневища пепельника болотного на небольшом грязевом скоплении. Размеры гнезда: 18 см, высота верхнего края над водой 4 см, лоток 10 см, глубина лотка 0,5 см. Яйца темно-оливковые, конические, с темно-бурыми пятнами, размеры: 43,2x32,2 мм, 44,1x32,5 мм. Яйца были отложены недавно, имели слабую насиженность, к тому же кладка из двух яиц была явно неполной, обычно в гнездах этих птиц бывает 3-4 яйца. Но факт гнездования ходуличников летом 2015 года был зафиксирован.

Ходуличник внесен в Красную книгу Тюменской области и Красную книгу Российской Федерации (3 категория редкости, редкий вид). Отстрел его запрещен, за нарушение предусмотрена административная ответственность.

До отлета и молодые, и взрослые птицы обитают обычно в местах гнездования. Как многие кулики, ходуличники быстро развиваются, рано встают на крыло и улетают очень рано, уже в августе.

Хочется надеяться, что все ходуличники, обитающие на озере, благополучно переживут перелет на зимовку (а зимуют они в Африке и на юге Азии) и вернутся для

гнездования в наш район.

Список используемых источников:

Азаров В.И. Редкие животные Тюменской области и их охрана. Амфибии, рептилии, птицы и млекопитающие. – Тюмень: «Вектор Бук», 1995. – 272 с.
Лумпов В.А. Орнитофауна памятника природы «Новозаимский парк» и его окрестностей. // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Вып. 14 - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. - С. 112-116.

Екатерина СЕВОСТЬЯНОВА,
младший научный сотрудник музея «Дом природы»
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Ландшафты и пейзажи Ялуторовского района

Территория Ялуторовского района никогда не рассматривалась с точки зрения визуально-го восприятия ландшафтов, и такое исследование проведено впервые.

Целью данной работы является изучение эстетических свойств ландшафтов Ялуторовского района и их классификация.

Картографической основой для разработки классификации и составления прикладной карты явились фондовые материалы кафедры физической географии и экологии ТюмГУ за раз-

ные годы (дипломные работы Т.Б. Желниной, А.А. Матошиной и др.)

Для классификации пейзажей применена известная структурно-генетическая классификация ландшафтов, автором которой является В.А. Николаев (1979, 2000).

В соответствии с принятой классификацией все пейзажи исследованной территории Ялуторовского района принадлежат отделу земных пейзажей, классу равнинных пейзажей.

Следует учитывать также ландшафтно-зо-

нальные различия их облика. Территория района находится в природной зоне лесостепи, следовательно, здесь выделяется один тип пейзажей - равнинные лесостепные, которые подразделяются на плакорные, террасовые, пойменные и озёрно-болотные.

Наибольшие площади занимают плакорные лесостепные пейзажи. Природно-территориальные комплексы этого рода представлены на западе района и частично на крайнем востоке. В западной части соответствуют высотам 50-70 м, а в восточной – 90-100 м.

Для природных комплексов восточной части района характерно слабое дренирование из-за небольшого перепада высот, преобладает в основном плоский рельеф, что делает эти природные комплексы однообразными, монотонными и непривлекательными при визуальном восприятии.

В западной части района преобладают пологоувалистые озёрно-аллювиальные дренированные супесчаные равнины, покрытые сосновыми лишайниками и сосново-берёзовыми мелкотравными лесами на дерново-подзолистых почвах, которые имеют наибольшую эстетическую ценность.

В состав рода плакорных лесостепных пейзажей входят несколько видов пейзажей, которые, согласно иерархической классификации ландшафтов, соответствуют урочищам.

Таким образом, выделяются следующие природные пейзажи:

Пологоувалистые лесо-полевые пейзажи (пологоувалистая глинистая равнина с распаханной луговой степью на лугово-черноземных почвах с редкими березовыми травяными лесами по лощинам на серых лесных почвах) – являются довольно привлекательными, так как основу пейзажей составляют красочные луга, сочетающиеся с редкими березовыми лесами, которые очень благоприятны для прогулок. Отрицательными чертами пейзажей можно назвать большую степень распаханности территории, которая нарушает гармоничное сочетание пейзажных элементов.

Плоскоравнинные лесо-луговые пейзажи (плоская равнина с оstepненными лугами и осиново-березовыми осветленными травяными лесами на серых лесных почвах) – имеют большое сходство с предыдущими пейзажами, но обладают большей привлекательностью, так как здесь преобладают естественные, не распаханные луга в совокупности с осиново-березовыми осветленными лесами.

Пологоувалистые лугово-полевые пейзажи (пологоувалистая суглинистая равнина с оstepненными преимущественно распаханными лугами на лугово-черноземных осололедовых почвах с березовыми травяными лесами на серых лесных почвах) – имеют невысокую степень эстетической привлекательности из-за большой доли распаханности территории, и только участки с березовыми травяными лесами представляют собой пейзажно-эстетическую ценность.

Плоскоравнинные лугово-болотные пейзажи (плоская с западинами равнина с суходольными лугами и осоково-вейниковыми болотами по западинам на лугово-болотных почвах) – представляют собой сочетание лугов с участками болот. Данные виды пейзажей уступают по степени привлекательности другим пейзажам этого рода. Вид сырых лугов, часто закустаренных, и закочкаренных низинных болот снижает их эстетическую привлекательность.

Пологоувалистые лесные пейзажи (пологоувалистая песчано-глинистая равнина с сосново-березовыми лесами на дерново-сильноподзолистых почвах) – основу их составляют сосново-березовые травянистые леса, характеризующиеся благоприятной атмосферой для душевного спокойного отдыха человека, и, кроме того, обладают ягодно-грибным ресурсным потенциалом.

Террасовые лесостепные пейзажи располагаются в основном на востоке и юге района. На востоке соответствуют надпойменной террасе реки Тобол, а на юге – реки Исеть. Преобладающие здесь высоты – 60-80 м. Для ПТК характерны хорошее дренирование, заметный перепад высот. Наиболее привлекательными здесь являются пологоволнистые дренированные надпойменные террасы, покрытые сосново-березовыми и березовыми ягодно-мшистыми лесами на дерново-подзолистых почвах. Значительная часть этого типа местности занимают малоэстетичные для восприятия человека территории с вырубками, заболоченными лесами, пашнями. Выделяются следующие виды пейзажей:

Пологоувалистые мелкобугристые лесные пейзажи (пологоувалистая мелкобугристая песчано-глинистая равнина с сосново-березовыми травянистыми лесами на дерново-подзолистых почвах) – они повторяют облик ранее описанного пейзажа, но отличаются мелкобугристостью и большей расчлененностью рельефа, что делает их более привлекательными.

Пологоувалистые мелкобугристые лесные пейзажи (пологоувалистая мелкобугристая песчаная равнина с сосновыми лишайниками и травяными лесами на дерново-подзолистых почвах) – основную картину пейзажного облика составляют сосновые леса, которые характеризуются мягкостью красок и благоприятной атмосферой для душевного состояния человека.

Значительную часть района занимают заболоченные комплексы, представленные озёрно-болотными пейзажами (расположены в основном на западе района). ПТК данного типа местности не дренированы или слабо дренированы, имеют разную степень привлекательности и могут быть использованы для сбора ягод и грибов, охоты и рыбной ловли. Для территории района типичны низинные болота. В северной части встречаются рямы, облесённые угнетённой сосной. Большую часть занимают низинные осоково-тростниковые болота.

Плоскоравнинные лесо-болотные пейзажи (плоские ровные и мелкокочкарные травяные

кустарничково-травяные, иногда с сосной и березой болота с торфяно-болотными и торфяно-глеевыми почвами) – обладают низкой степенью привлекательности, так как территория переувлажнена и труднопроходима, леса преимущественно низкобонитетные, густые и малопригодны для прогулок.

Плоскоравнинные болотные пейзажи (плоские ровные и мелкокочкарные топяные с зыбунами, гипново-осоковые и осоково-вахтовые болота со среднемощными торфяными залежами и торфяно-глеевыми почвами) – являются непривлекательными, так как лишены красочности и малопригодны для пребывания, также отрицательным фактором является переувлажненность территории и сырой воздух.

Низинные болотные пейзажи (плоские с западинами глинистые низины с полынно-типчаковыми и солянково-полынными группировками на солонцах, солончаках луговых и лугово-черноземных почвах в сочетании с тростниками и займищами на лугово-болотных почвах): займища – это труднопроходимые и малопригодные для пребывания территории, заросшие тростником, что касается солянково-полынных поверхностей, то по красочности растительности они даже превосходят предыдущие.

Низинные лесо-болотные пейзажи (котловинообразные углубления между речей с угнетенным низкобонитетным сосняком и тростниково-осоковыми болотами на торфяно-болотных почвах) – обладают низкой степенью привлекательности из-за большого переувлажнения, а также темных красок, способствующих созданию угнетенного, угрюмого настроения.

Низинные болотные пейзажи (плоские низинные болота с сочетанием осоково-вейниковых, осоково-тростниковых болот на лугово-болотных, местами солончаковых почвах) – труднопроходимые территории с достаточно однообразным травяным покровом, сочетающимся с многочисленными болотами. Они довольно скучны и не привлекательны.

В особую группу можно выделить приозерные пейзажи, так как вид озер всегда является привлекательным, они имеют широкий угол обзора и глубинно-пространственную перспективу. Это лучшие пейзажи для размещения рекреационных зон. Особый колорит вокруг озер создают заросли тростника и кустарников, выступающих часто в качестве своеобразных кулис, углубляющих перспективу пейзажа, делая его богаче сюжетами.

Пойменные лесостепные пейзажи представлены реками крупных (Тобол, Исеть) и мелких (Бочанка, Коктюль) порядков. Большая часть пойм распахана или нарушена, из-за этого пейзажи теряют свою красочность и привлекательность, остальные заняты разнотравно-злаковыми лугами в сочетании с кустарниковой растительностью, местами с берёзовыми редколесьями.

Реки создают фокальные оси пейзажей, увеличивают их красочность и разнообразие, создают впечатление динамики, движения в

природе и привлекают к себе внимание возможностью организации отдыха у воды.

Особое значение имеют высокие участки правобережий рек, с которых открываются красивые виды за счет расширяющегося кругозора и увеличивающейся глубины пейзажной перспективы.

Долинные речные пейзажи (долинные комплексы рек с березовыми травяными лесами и злаково-разнотравными лугами на аллювиально-луговых почвах) – это наиболее привлекательные пейзажи, которые образуются при сочетании красивых видов рек с разреженными березовыми лесами по берегам и красочными разнотравными лугами.

Плоскоравнинные луговые пейзажи (плоская местами гравийная пойма с разнотравно-злаковыми и злаковыми лугами с кустарничковыми зарослями на пойменных луговых почвах) – это очень яркие и красочные пейзажи с глубинно-пространственной перспективой и имеющие большой угол пейзажного обзора.

Низинные лугово-болотные пейзажи (старичные понижения с осоковым влаголюбивым разнотравьем на аллювиально-болотных почвах) – хотя эти пейзажи уступают по эстетичности предыдущим пейзажам, однако они являются более привлекательными, с более яркими и разнообразными растительными группировками по сравнению с пейзажами болотного ряда водораздельных и террасовых поверхностей.

Проанализировав многообразие пейзажей в соответствии с вышеописанной классификацией, можно сделать вывод, что наиболее привлекательными, с точки зрения визуального восприятия, являются пойменные ландшафтно-пейзажные комплексы. Они сочетают наиболее притягательные природные объекты: водные пространства, луга, разреженные и освещенные леса.

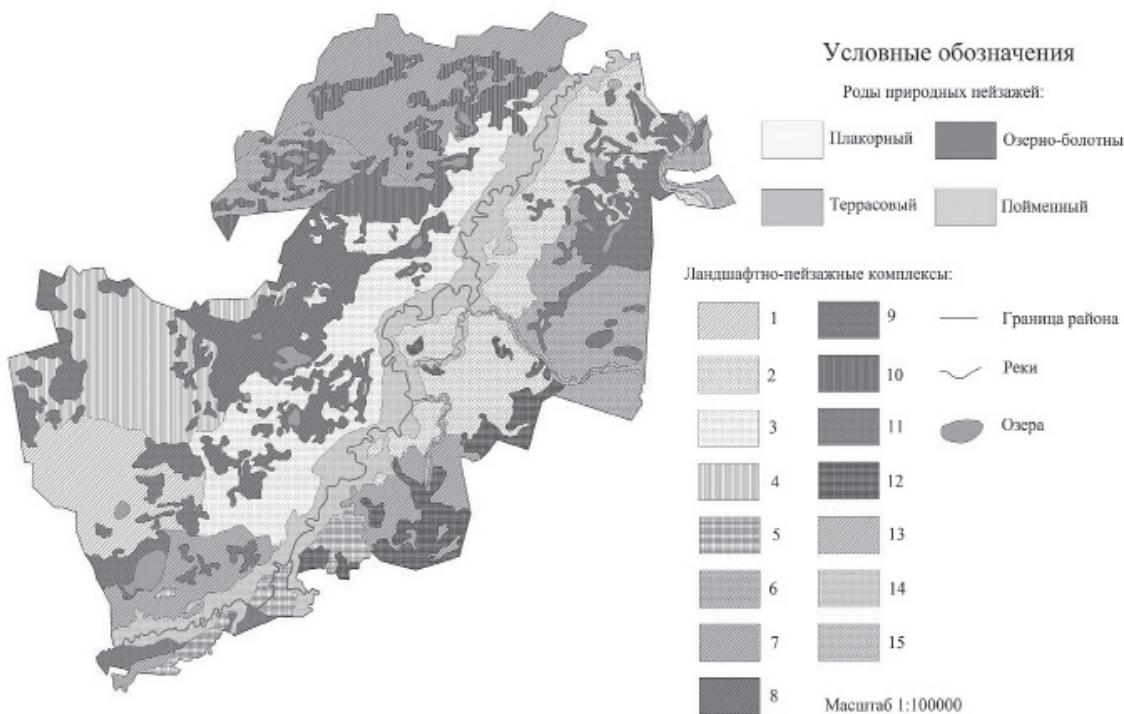
Наименьшую эстетическую ценность имеют пейзажи болотного рода, так как они малокрасочные, однообразные и маловыразительные для восприятия.

Промежуточное положение занимают пейзажи плакорные и террасовые. Они представляют собой определенную эстетическую ценность, но из-за антропогенного вмешательства (пашни, пастбища, и др.) теряют свой пейзажно-эстетический потенциал.

Таким образом, на территории Ялуторовского района можно выделить 15 видов природных пейзажей, которые объединяются в 4 рода (плакорный, террасовый, озерно-болотный, пойменный) и являются частью лесостепного типа равнинных пейзажей.

Приведенная классификация является пояснительной легендой к ландшафтно-пейзажной карте Ялуторовского района (Рисунок 1).

Ландшафтно-пейзажная карта Ялуторовского района

Легенда к карте

Индекс	Ландшафтно-пейзажные комплексы	
	Пейзаж	Ландшафт
1	Пологоувалистый лесо-полевой	Пологоувалистая глинистая равнина с распаханной луговой степью на лугово-черноземных почвах с редкими березовыми травяными лесами по лощинам на серых лесных почвах
2	Плоскоравнинный лесо-луговой	Плоская равнина с оstepненными лугами и осиново-березовыми осветленными травяными лесами на серых лесных почвах
3	Пологоувалистый лугово-полевой	Пологоувалистая суглинистая равнина с оstepненными преимущественно распаханными лугами на лугово-черноземных осоледелых почвах с березовыми травяными лесами на серых лесных почвах
4	Плоскоравнинный лугово-болотный	Плоская с западинами равнина с суходольными лугами и осоково-вейниковыми болотами по западинам на лугово-болотных почвах
5	Пологоувалистый лесной	Пологоувалистая песчано-глинистая равнина с сосново-березовыми лесами на дерново-сильно-подзолистых почвах
6	Пологоувалистый мелкобугристый лесной	Пологоувалистая мелкобугристая песчано-глинистая равнина с сосново-березовыми травянистыми лесами на дерново-подзолистых почвах)
7	Пологоувалистый мелкобугристый лесной	Пологоувалистая мелкобугристая песчаная равнина с сосновыми лишайниками и травяными лесами на дерново-подзолистых почвах
8	Плоскоравнинный лесо-болотный	Плоские ровные и мелкокочкарные травяные кустарничково-травяные, иногда с сосновой и березой болота с торфяно-болотными и торфяно-глеевыми почвами
9	Плоскоравнинный болотный	Плоские ровные и мелкокочкарные топяные с зыбунами, гипново-осоковые и осоково-вахтовые болота со среднемощными торфяными залежами и торфяно-глеевыми почвами
10	Низинно-болотный	Плоские с западинами глинистые низины с полынно-типчаковыми и солянково-полынными группировками на солонцах, солончаках луговых и лугово-черноземных почвах в сочетании с тростниками замищами на лугово-болотных почвах
11	Низинный лесо-болотный	Котловинообразные углубления междуречий с угнетенным низкобонитетным сосняком и тростниково-осоковыми болотами на торфяно-болотных почвах
12	Низинный болотный	Плоские низинные болота с сочетанием осоково-вейниковых, осоково-тростниковых болот на лугово-болотных, местами солончаковых почвах
13	Долинный речной	Долинные комплексы рек с березовыми травяными лесами и злаково-разнотравными лугами на аллювиально-луговых почвах
14	Плоскоравнинный луговой	Плоская местами гривистая пойма с разнотравно-злаковыми и злаковыми лугами с кустарничковыми зарослями на пойменных луговых почвах

Литературная страничка

Маргарита ЧЕКУНОВА
(г. Ялуторовск)

Альбом уездной барышни
Тает день, и солнце-лев
Золотую прячет гриву.
Жмутся пчёлы суетливо
Под назойливый напев.
Пляшут блики у крыльца,
Вальс доносится из дома.
Как мне высказать другому
Эту радость до конца?

* * *

Нам жизнь и юность, и свобода
Даны, чтоб жертвовать собой,
И близких малую заботу
Соединить с своей судьбой.
Пусть сердце, вещий наш глашатай,
Спасёт от праздности пустой.
Гори, сиянием объята,
Планида жизни молодой!

Синяя картина

Синий вечер, синий лёд,
Белой выюги синий лёт.
Синий смех вдали аллей,
Синий сон глухих полей.
Синий след от тени лип,
Детских санок синий скрип.
Сизой тьмы седой укор,
Синий спуск со снежных гор.
Шорох шины, хруст и тиши,
Смутный профиль синих крыш,
Звёзды синей вышины
Синей мглой обожжены.
Всё прозрачней и синей
Очертанья новых дней...

Снимаем фильм о декабристах

Беспрестрастно, как пристав, в озябших листьях,
Возвышается с камерой выверенный штатив.
Мы снимаем с тобой «Декабристов»
в потёмках мглистых,
За ладошку историю судорожно схватив.
В павильонах музейных, в избушках,
почти бедняцких,
Забредает в окошко небесная киноварь.
Мы придумаем снег на сошедшей
с ума Сенатской,
Рудники и дороги, Ялуторовск, ночь, январь.
Есть герои, но в списках их нет, нет в списках!
Всем им фраки изменников сшиты, изволь, накинь!
Вольнодумцев своих, декабристов,
в потёмках мглистых
Мы рисуем сквозь крик: «Поколение, верь таким».
Пусть расскажут наутро все глянцы,
все СМИ и глянцы:
«Сняли фильм о прошедшем»
(им новость - всегда товар).
Офицеры, заступники, рыцари, вольтерьянцы,
Неотступно, я с вами.
Ялуторовск. Ночь. Январь.

Геннадий КАРКИШКО
(г. Ялуторовск)

Я тебя никому не отдам

* * *

Я тебя никому не
отдам,
Ни дождям, ни лихому
ветру,
Ни холодным чужим
городам,
Ни стопервому
километру.
Ты со мной, ты душою
во мне,
Пусть завидует вся округа,
Полушепотом в тишине:
«Никуда теперь друг без друга!»
Лишь одно может нас разлучить –
В час тревоги призыв набата.
Долг – Отчизне своей служить,
Это главное, это свято!
Но и там ты меня вдохновишь
Своей верностью, мужеством, силой.
Нас не сможет ничто разлучить,
Даже холмик над братской могилой!
Я счастливейший человек,
Мы с тобой неразлучны навек!

Острог

На высоком берегу Тобола
Виден наш Острог издалека.
Будто мановением Эола
Возвратился он через века.
И, как встарь, сторожевые башни
Озирают степи за рекой,
Охраняя слобожан и пашни
Крепкою казацкою рукой.
Не однажды сдерживали стены
Полчища намётных степняков.
Остаются в памяти нетленны
Подвиги острожных казаков.
Смолк уже давно за далью мглистой
Посвист сабель и каленых стрел.
А Острог штурмуют лишь туристы,
Памятью коснуться ратных дел.
Так от поколенья к поколенью
Крепость свой завет передает:
«Родину беречь самозабвенно,
Становиться в строй, коль час придет!»

Геннадий СУХИХ
(г. Ялуторовск)

О грибах, и не только

Белянки

Шла война, и поля заселял березняк,
Оставались полянки- проплешины.
С посевной всю войну не справлялись никак
Старики и подростки, и женщины.
Даже плакали, глядя на эти поля,
Ветераны, совсем уже древние,
Что гордились всю жизнь,
что их кормит земля,
И любили её всей деревнею.
И, конечно, никто не подумал никак,
Что в ближайшие годы голодные
Всей деревней пойдут в молодой березняк
Поздней осенью, сильно холодною.
И увидят: полянки в лесочке белы:
Там бессчтно волнушек-белянок.
Так спасенье пришло от голодной беды,
И надежду терять стало рано.
Все полянки покрыты белянками сплошь –
Межу шляпками палец не вставишь!
Как грибы собирать тут – не сразу поймёшь.
Чуть ошибся – и шляпку раздавишь.
Вот лопату фанерную кто-то нашёл –
Сразу дело пошло очень бодро,
Будто чудо-машинку кто вдруг изобрёл,
Наполнялись корзины и вёдра.
А потом две подводы в лесок подошли,
И грибы старикам развозили:
«Принимайте подарок земли,
На которой трудились и жили».

Грузди

Груздем называйся –
В корзину отправляйся!
Там ты и повстречаешь
товарищев своих,
Таких же симпатичных
Груздей – парней отличных,
Конечно же, сырых.
Компанией большою
Обычно вы растёте,
Скрываясь под листвой,
Год-два назад опавшей,
Надёжной крышей ставшей
Над каждой головой.
Голов же там десятки,
И все они в порядке –
Ведь голова своя
У каждого груздя.
Но, грибнику на счастье,
Особого согласья
Меж головами нет:
Одна растёт спокойно
И держится достойно,
Другая - прёт на свет,
Приподнимает крышу
И тянется всё выше...
Тут у груздей провал –
Грибник их отыскал.
Трагедии не видно
И драмы в этом нет.

Нам было бы обидно
Не знать груздей букет:
По вкусу, аромату
Не спутаешь ни с чем.
Грибу-аристократу
Замены нет совсем.
Закуской превосходной,
Заправкой для супов
Гриб этот благородный
Служить всегда готов.

Подосиновик

«Вот, посмотри, я гриб нашёл
Всего один за целый день,
А ведь лесочки обошёл
У трёх соседних деревень».
«Чудит мужик, - подумал я, -
Полна корзина в два ведра.
Зато на треть пуста моя,
Хотя хожу в лесу с утра».
Мы разошлись, и память мне
Вдруг подсказала: за рекой
Обычай есть чудной такой
(Бытует он не только тут):
За Вяткой люди те живут,
Что губами грибы зовут.
Все абсолютно: от опят
До белых, рыжиков, груздей.
Там только «губница» варят,
Но уж никак не суп грибной.
Идут укроп и сельдерей
Приправами к похлёбке той.
Неповторимый аромат
Разносит «губница» окрест,
Когда побольше в ней маслят –
Двойной к похлёбке интерес.
А подосиновик попал,
Хотя б один на весь котёл, –
То соберутся стар и мал
И дружно сядут все за стол.
Любой сегодня будет рад
Особой «губницы» хлебнуть...
Совсем не вкус и аромат
Похлёбки той являются суть.
Понятно, суть совсем в другом:
Лишь подосиновик грибом
Считают люди за рекой.
И вот в котле кумир лесной –
Отправлен щедрою рукой.
Но не развенчан он пока:
Слов нет, шикарен гриб на вид.
Того же встретил мужика,
И он опять мне говорит:
«Я гриб нашёл, опять один».
Смотрю – в одной из двух корзин
И подосиновик лежит.

Сбор грибов в тундре
Большеземельская тундра
К северу от Воркуты,
Тебя забыть очень трудно –

Поистине сказочна ты.
Картинки полярной осени –
Что-то из области грёз.
Грибы собирать довелось мне
Средь карликовых берёз.
Они там деревьев повыше
И, я пошутил бы, наглей.
Под шляпами их, как под крышей,
Берёзки ползут по земле.
Тут лес в перевёрнутом виде:
Бывало, по тундре идёшь –
Сначала обабок увидишь,
Под ним и берёзку найдёшь.

1972 г.

Опята

Коль сегодня в вашем лукошке
Нет ни белых грибов, ни груздей,
Походите по лесу немножко –
Будет вам неплохой трофей.
Оглянитесь вокруг – и точно
Вы увидите на пеньках
Сотни мелких грибочков сочных,
И всего в сорока шагах.
Пять минут – лукошко набито,
Да ещё и большой пакет...
Пусть опята не так имениты,
Но грибов урожайнее нет.
И они хоть куда годятся –
И сушить, и мариновать...
Пусть и те грибники не гордятся,
Что опят не хотят собирать.

Грибная пора

Знать, грибная пора, раз дожди начались
И туманы – не будет обмана:
Мы с корзинками в лес первый раз собрались –
Где-то ждёт нас обабков поляна.
Помню, как нам однажды на них повезло.
У деревни с названием Чечкино
Там за десять минут я нарезал ведро –
Шли рядами они бесконечными.
Как по уровню, все они шляпки несли,
Ни одна над другой не возвысилась,
Будто споры грибов рассеивать привлекли
Чудо-сиялку точного высева
Восемнадцать корзин мы набрали втроём,
Пошли: «На год с продовольствием!»
Рядом с лесом к тому ж был большой водоём,
Освежились мы в нём с удовольствием.
Не забудется чудная вылазка та.
Может, нынче подобное встретится?
Очень редка такая грибов густота...
Но надежда на фарт всё же теплится.

Дожди

Зёрна поселял – утешься и жди,
Что вовремя всё состоится:
В начале июня прольются дожди,
И дружно взойдёт пшеница.
В сроки на колос пойдёт, процветёт,
Зёрна нальёт отличные,
Если же влагой не обойдёт
Июль посевы пшеничные.
Если лето своё не отдаст –

Август не станет осенним,
Сбором пшеницы порадует нас
И закромов наполнением.
Поля не имеют ни крыш и ни стен –
Цеха под открытым небом.
Капризам природы подвержены все
Те люди, что связаны с хлебом.
Дожди же нередки не там, где нужны,
Где ждут их, молитвенно просят,
А там, где все силы напряжены –
Где жнут и молотят, и косят.

За белыми!

У нас запас почти готов
Солений, маринадов...
Но не из белых всё грибов.
И нам идти, не трята слов,
В поход за ними надо.
Есть грузди, рыжики у нас –
Грибы-аристократы.
Но вот не сделали запас
Тот, что дороже всех для нас,
И, может быть, стократно.
К грибам мы белым знаем путь,
Места давно известны.
Вот только дожди пройдут –
И курс возьмём на лес мы.
Туда, где царь грибов нас ждёт
На взгорках, мхом покрытых.
Там собираем каждый год –
И нынче подфартит нам.
Красавцы крепкие стоят
На белом мху рядами...
Который первым выбрать ряд –
Не вдруг решаем сами.
У тех головка потемней,
У этих толще ножка,
Опора третьих – чуть длинней,
Потоньше – лишь немножко.
Любой из нас всегда готов
Набрать их самых разных.
Конечно, белых сбор грибов –
Для нас великий праздник.

Маслёнок

По душе не всем маслята –
Мол, невзрачен внешний вид.
За столом, скажу, ребята,
Гриб вас этот покорит.
А в лесу его видали?
Он там явный верховод.
По числу его едва ли
Гриб какой-то обойдёт.
Лёг в корзинку – не боится
Ни дождя, ни зноя он:
Раз в рубашке смог родиться,
То надёжно защищён.
Свежим он повсюду годен –
Жарить в масле, суп варить,
В маринаде превосходен,
Долго можно сохранить.
Он зимой вам пригодится,
Если много наслушаешь.
Ароматный суп сварится
И пельмени могут быть.

Можно и икру грибную
Из маслёнка вам подать.
Вас, поверьте, ни в какую
От неё не оторвать.
А когда неурожай и голодные года
Нашей жизни угрожали,
Выручал он нас всегда.
В осень позднюю, бывало,
Нас слегка пугал мороз,
Уж дороги заметало,
А маслёнок рос и рос.
Чаще целыми мостами –
Не ленись и собирай.
И возил его возами
Весь голодный Вятский край.
Никогда не позабудешь
Щедрость этого гриба.
До могилы помнить будешь –
С ним свела сама судьба.

Дружная семейка

Сидят на пенёчке
В недальнем лесочке
Опёнок и братьев его, может, сто.
Семейка такая
Ещё молодая,
Пока её даже не видел никто.
Тропинкой идёте –
На них набредёте.
Наполнить корзинку – немного труда.
С верхом наберётся,
И вам не придётся
На «тихой охоте»
ходить никуда.
С удачей такою
Тропою прямою
Вы можете гордо до дома шагать
И там на скамейке
О дружной семейке
Друзьям рассказать.

Надежда умирает последней

Домик с крышей набекрень
Рыболовам пригодился.
От десятка деревень
Только он и сохранился.
Опустел мой отчий край,
А ведь шумным был когда-то,
Свой имел он каравай
От землицы небогатой.
И гармонь по вечерам
Нас на танцы приглашала.
Все теперь по городам,
Для кого гармони мало.
Наши беды на виду
У райцентра и столицы.
Но когда, в каком году
Край наш бедный возродится?
На каких дрожжах таких
Суждено ему подняться?
Только ясно, что без них
Вряд ли можно оклематься.
Без затрат и без хлопот
Вся разрушилась округа.
Возрожденье же пойдёт,

Всем понятно, очень тugo.
И куда ни погляди,
Лишь препоны да преграды.
Но иного нет пути –
Подниматься всё же надо.
Не секрет ни для кого –
Это делать всё народу.
И помощницей его
Надо выбрать нам свободу.
Ту, которая пока,
О себе не зная, дремлет,
Ни одна её рука
Не ласкает нынче землю.
Тем рукам необходим,
Справедлив и неусыпен
(Пусть под именем другим),
Петр Аркадьевич Столыпин.

Память хранит

Геннадию Кулакову

Иногда налетит бессонница
И терзает ночь напролёт.
Тут и детство, и юность вспомнятся,
И забытое вдруг всплывёт.
Всё былое предстанет за ночь,
И, конечно же, школа - тоже,
И тебя, Геннадий Иванович,
Моя память забыть не может.
И во сне, бывает, я вижу:
На уроке в классе сидим.
И село за окном - Сорвики,
В нём красавец храм-исполин.
После школы всего однажды
Повстречались как-то с тобой,
Помнишь, в Кирове?..

Да, не каждый
Может спорить, как ты, с судьбой.
Прямо скажем, с ней, беспощадной,
Ты не в спор, а в схватку вступил,
Оказался бойцом отважным
И заслуженно победил.
А потом работал достойно.
Ни протез и ни костили
Педагогу в труде беспокойном
Помешать никак не могли.
Ясно, лучше б без них обходиться,
Но ведь ты - реалист всегда:
Продолжал на совесть трудиться,
Послаблений не ждал никогда.
И к тебе судьбе побеждённой
Повернуться лицом пришлось.
Тут мы скажем определённо:
В личной жизни всё удалось.
И супруга, и дети, внуки -
Видишь, рядом с тобой идут
Всей семьёю, взявшись за руки.
Счастье, радость тебе дают.

Нам пишут

Борис ВИТЛИН
(г. Москва)

Я служил в дивизии генерала Уварова

Здравствуйте, уважаемые сотрудники Ялуторовского музеяного комплекса! Хочу еще раз поблагодарить вас за ту огромную работу, которую вы проводите по сохранению памяти о людях, давших нам жизнь и сложивших голову за Родину и нас, живых.

Читая вашу книгу о Ялуторовске в годы войны, я увидел статью о человеке, о котором в моей памяти сохранилось много хорошего. Это генерал Уваров Петр Петрович-командир дивизии, в которой я прослужил 7 лет. Младшему офицеру непросто написать о своем комдиве, но воспоминания о тех далеких и непростых годах прочно сидят в моей памяти, и я хочу поделиться ими.

В 1962 году я с отличием окончил Саратовское военное училище и по совету своего преподавателя выбрал в/ч 14245. Так я оказался в этой дивизии, в полку, которым командовал полковник Крапивин. То, что я увидел, повергло меня в шок - полк, как и вся дивизия, был в стадии формирования. Офицеров в дивизионах 2/3 от штата, а из солдат только взвод обеспечения. Жили в казарме, разгороженной на отсеки по 15-20 человек в каждом. Ракетчиков были единицы, остальные со всех видов войск. Старшие командиры в основном из артиллерийской бригады, на базе которой формировалась ракетная дивизия. У всех грудь в орденах и медалях, что было предметом зависти у нас, молодых лейтенантов. Каждый день до обеда самостоятельно изучали матчасть в классах, а потом гоняли в футбол на плацу.

Полковника Уварова П.П. первый раз увидели и услышали на общем построении дивизии в честь Ноябрьских праздников. 1963 год запомнился тем, что впервые в феврале увидели комдива в генеральской форме; летом нас всех разогнали по площадкам и приказали не высывать нос, а на следующий день прошел слух, что приезжали посмотреть шахтную пусковую установку Хрущев и Кастро; а осенью объявили о подготовке полка к заступлению на боевое дежурство.

В конце года наш полк выехал на Байконур для проведения практических стрельб. По итогам сдачи зачетов честь произвести пуск ракеты досталась нашей боевой группе, в которой я был начальником расчета прицеливания. Пускали с печально известного «Неделинского» старта и впервые после его восстановления по-

лучили оценку «хорошо». Встречали нас в дивизии с большим триумфом, все получили денежные премии, а я из рук командира дивизии ценный подарок.

Встреч с комдивом было много: и на партийных конференциях, и на слетах офицеров по обмену опытом, но особенно запомнились три из них. Когда мы принимали материальную часть, на нашем старте возникли большие проблемы в сооружении заправки окислителем. Приехал комдив с главным инженером дивизии и пошли в загазованное сооружение. Можно задать вопрос, а зачем генералу самому лезть в сооружение, ведь подчиненных много? А вот здесь и проявилось все лучшее, что было ему присуще - самому все увидеть, оценить и принять решение. Мы видели, как они с «зелеными» лицами выходили из сооружения, чтобы отдохнуть и опять туда. А ведь пары азотной кислоты никому здоровья не прибавили. Вторая встреча состоялась при постановке на боевое дежурство. Сколько проникновенных слов мы от него услышали! Он не скрывал тех трудностей, которые будут у нас и только просил потерпеть и с честью выполнить поставленную задачу. Ведь кроме службы приходилось решать задачи жилья, учебы детей и т.д. Уже в 1965 году наш полк переехал в новый военный городок со всей инфраструктурой. Третья встреча была, когда водителем МАЗа случайно был повреж-ден обтекатель рулевого двигателя второй ступени ракеты. Другой бы устроил разнос всем подряд, а Петр Петрович посмотрел все сам, выслушал специалистов и наказал нам не опускать руки и продолжать боевое дежурство, а все остальное решит сам.

В 1969 году я поступил в ВИА им. Дзержинского в Москве. От бывших сослуживцев я знал, что комдива перевели в Москву в одну из академий начальником

кафедры. В конце 70-х, когда я уже служил в ГИУ РВ, я на Тверской улице случайно встретился с Петром Петровичем. Я проходил мимо, поприветствовал его, и вдруг он подзывает меня и говорит, что не помнит мою фамилию, а вот что зовут меня Борис, помнит. Вот пример настоящего командира, который помнит одного из многих сотен офицеров, прошедших через его дивизию! Минут 30 мы вспоминали все хорошее, связанное с нашей дивизией. Светлая память о Петре Петровиче Уварове навсегда сохранится в моей памяти.

Генерал П. П. Уваров в Музее боевой славы дивизии.

От редакции: Это письмо написал Борис Борисович Витлин, сын командира 1276 стрелкового полка, который формировался в Ялуторовске в августе-ноябре 1941 года и вошел в состав 384-й стрелковой дивизии. Очерк о его отце майоре Б.М.Витлине, который погиб

в 1942 году под Старой Руссой, был опубликован в книге «Ялуторовск в годы Великой Отечественной войны», изданной к 70-летию Победы, вместе с очерком о генерале П.П.Уварове, уроженце Ялуторовска, командире первой в СССР ракетной дивизии.

Вера КУБАСОВА
(г. Ялуторовск)

Встретились на фронте

Своих бабушку и дедушку я совсем не помню, только если по фотографии, они ушли из жизни, когда мне было не больше трёх, но память о них осталась в моей душе, ведь они были поистине великие люди – ветераны Великой Отечественной войны. Моя мама мне очень часто о них рассказывает. Однажды она поведала мне историю, как познакомились и полюбили друг друга ее родители. Мне захотелось современникам рассказать эту историю, которая случилась в годы войны.

Его звали Николай Рубба. Широкоплечий, среднего роста, абсолютно лысый, играл на аккордеоне и гитаре. Никто не мог и представить, что этот балагур и весельчак являлся разведчиком. Он был настолько силен, что однажды, взяв «языка» в плен и ведя его под конвоем, при попытке к бегству, Николай ударили беглеца кулаком по голове и, не рассчитав силы, убил.

Нину Николай повстречал в далеком 43 году, когда служил в полковой разведке, куда была прислана эта маленькая, хрупкая девушка, с русыми волосами и голубыми, как небо, глазами. Нина была переводчиком на допросах, так как владела немецким языком в совершенстве.

На войне есть всё: боль, слёзы, печаль и радость, смерть и, конечно же, любовь. Они встретились глазами и влюбились друг в друга с первого взгляда. Короткие встречи, крепкие объятия, поцелуи при луне: «Эх, Нина, Ниночка, Нинок – душа моя!», – ласково называл он ее. «Ах, если бы, милый, не было войны!», – смеясь, вторила она ему.

Однажды, они не успели даже попрощаться, его отправили в разведку, а когда он вернулся, то ее в штабе уже не оказалось, – отправили по заданию в другое место. Они не знали друг о друге ничего, только имена, ни адреса, ни фамилии. Контакты были утеряны на-

Анна, Юрий, Юлия, Сергей и Владимир.

всегда. Николай всё время думал о ней, тосковал, искал, но всё было напрасно.

Как только война закончилась, Нину отправили работать в школу учителем немецкого языка. В деревне, куда ее направили, она встретила Павла, который работал фельдшером. Он долго ухаживал за ней и, наконец, сделал предложение. Шли месяцы, и она согласилась стать его женой. Павел ей нравился, но любви, той самой, обжигающей душу и сердце, не было.

Николай же вернулся домой лишь в марте 47 года, по направлению поступил в Томский педагогический институт на исторический факультет, проучился всего год, но так как денег не хватало, ему пришлось перевестись на заочное отделение и идти работать. Его отправили в Святославскую среднюю школу.

Приехав в Святославку, Николай, первым же делом, с чемоданом в руках, отправился устраиваться в школу. Директор принял его с распростертыми объятиями и повел знакомить с коллективом. А дальше... Дверь в учительскую распахнулась, а за столом, кропотливо заполняя журнал, сидела та самая маленькая женщина с голубыми глазами.

– Нина! – закричал он, выпустив чемодан из рук, и бросился к ней.

– Коленъя! – Нина со слезами на глазах побежала навстречу.

Он крепко прижал ее к себе, казалось, они простояли так целую вечность, все учителя смотрели на них, не шелохнувшись, воцарилась гробовая тишина, наверное, можно было услышать, как бьются в унисон их сердца.

В этот же вечер они вместе забрали ее вещи из дома Павла и стали жить вместе. Плодом их любви стало шестеро детей – Николай, Анна, Юрий, Юлия, Сергей и Владимир.

На протяжении всей жизни, до самой смерти, он называл ее «Нинок – душа моя!».

Анна ГНЕДОВСКАЯ
(г. Москва)

Привет из Портленда

Все присланные материалы вы можете использовать, с моей стороны никаких возражений нет. Кире Мак-Илвеен, внучке Наталии А н д р е е в ны Балакшиной-Додж (Доброзвольской), которая проживает в Портленде, штат Орегон, я сообщу по e-mail. Я уверена, что она будет только рада. Мы с ней постоянно переписываемся и посылаем друг другу небольшие посылки с оказией. Наталия Андреевна и моя бабушка Вера очень дружили в молодости (они погодки).

У моих родственников по линии моей бабушки Веры Константиновны Ванюковой (дочери

Семья Балакшиных. 1858 г.

Марии Александровны Балакшиной и Константина Андреевича Ванюкова) также хранятся старые семейные фотографии, которые можно было бы отсканировать или переснять и прислать. Часть пересекается с американскими и канадскими материалами, но, насколько я помню, есть и другие фотографии. Я точно помню, что у бабушки была фотография Александра Балакшина в окружении многочисленных внуков, например.

И.Ф. Балакшина. Г. Ялуторовск.
Художник Карл-Петер Мазер.

Я попробую сфотографировать портрет Иоаны Филипповны в лучшем качестве и при хорошем освещении (у сына есть фотоаппарат с очень хорошей оптикой). На обратной стороне портрета полустерная надпись: «Снято Въ (?) Я-(?) и 13 Генваря 1857 (?) года». Последняя цифра нечеткая, но с 90% вероятностью это цифра 7.

Возможно, это Ялуторовск. Перед «Я» что-то похожее на «л», но может быть, это «г» - город. Я бы очень хотела узнать, кто мог быть автором портрета...

От редакции: Нам удалось установить автора портрета. Это шведский художник Карл-Петер Мазер, который, путешествуя по Сибири, писал портреты декабристов, в том числе и И.И. Пущина и И.Д. Якушина. Портрет И.Ф. Балакшиной сделан в Ялуторовске в 1851 году. В фондах ЯМК есть его копия работы художника Н. Мостового.

А.Н.Балакшин в Лондоне. 1910-е - начало 1920-х гг.

Леонид ПЕШЕВ,
краевед ветеранского движения «Память»
(с. Горюново Заводоуковского района)

Имя Витлина увековечено в списках братской могилы № 55 в г. Старая Русса

Уважаемые работники Ялуторовского музея!

Сообщаю, что по вашей просьбе в соответствии с законом Российской Федерации об увековечении памяти погибших при защите Отечества провел поиск места захоронения командира 1276 стрелкового полка (Ялуторовского) майора Витлина Б.М., который погиб 25

февраля 1942 года у деревни Балагижа Старорусского района Новгородской области.

Привожу короткие выдержки из ответов, полученных на мои запросы из соответствующих ведомств.

Из Министерства обороны РФ:
«В созданном Минобороны России обобщен-

ном банке данных «Мемориал», содержащем сведения о погибших и пропавших без вести защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны (материалы размещены на сайте: www.obd-memorial.ru), имеется информация из донесения о безвозвратных потерях о том, что майор Витлин Б.М. погиб 25 марта 1942 г. и первично захоронен: Ленинградская обл., Старорусский р-н, д. Белагижа, севернее 1500 м. (так в документе, распечатка прилагается).

По существу Вашего вопроса направлено письмо главе администрации Старорусского муниципального района Новгородской области (прилагается).

О принятых мерах Вы будете проинформированы вышеуказанным органом местного самоуправления.

С уважением,

Начальник Управления Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества В.Попов».

Из отдела военного комиссариата Новгородской области по городам Старая Русса, Холм,

Старорусскому, Холмскому, Парфинскому и Поддорскому районам:

«На Ваше обращение сообщаю, что по картотеке военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях, погибших и похороненных на территории Новгородской области в течение 1941-1945 гг. майор Витлин Борис Маркович...не числится.

В 50-60-е годы останки воинов с братского захоронения д. Бологих (так в тексте) перезахоронены на воинское кладбище г. Старая Русса.

В настоящее время имя Витлина Бориса Марковича увековечено внесением в список, захороненных в братской могиле в г. Старая Русса Новгородской области, являющийся приложением к «Учетной карточке воинского захоронения» - паспорту №55...

Врио начальника отдела А.Калагин».

Мною также направлены ходатайства в районный объединенный РВК г. Старая Русса, научному сотруднику Новгородского музея-заповедника Ивановой Асе Федоровне.

К сказанному выше добавлю, что имя Б.М. Витлина, как меня заверили, будет занесено на плиты воинской могилы №55 к 71-й годовщине Победы.

Памяти Матушкина

С прискорбием сообщаем, что 6 августа на 67 году отошел в Вечность Матушкин Станислав Васильевич (в крещении Иоанн).

Родился Станислав Васильевич в 1949 г., вырос в г. Ялуторовске.

С серебряной медалью окончив в 1966 г. ялуторовскую среднюю школу №1, получил в Тюменском индустриальном институте специальность машиностроителя.

Будучи директором завода «Строймаш», используя свои отличные знания и талант руководителя и воспитателя, создал крепкий работоспособный коллектив. Потом стал успешным тюменским предпринимателем, создав и возглавив ООО «Промизмет».

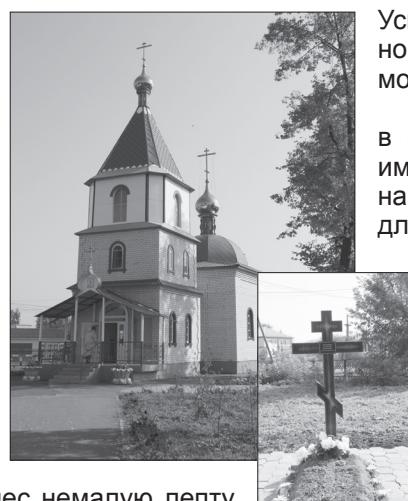
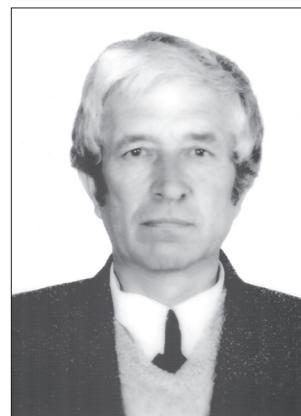
После принятия таинства Крещения жизнь его пошла по пути духовного возрастаия в вере и творения добрых дел на благо ближним. Заслужил любовь и уважение работников своего предприятия. Неприхотливый в быту, Станислав Васильевич, довольствуясь малым, стал жертвовать деньги на нужды храмов. Внес немалую лепту

в реконструкцию Ялуторовского Успенско-Никольского храма и в строительство Воскресной школы.

Узнав о намерении руководства ялуторовской областной больницы №23 в лице ее главного врача Смагина А.А. построить на территории больницы часовню, он поддержал инициативу. По благословению Архиепископа Тобольского и Тюменского Димитрия, при поддержке городской Администрации и при духовной поддержке Успенско - Никольского храма Матушкин Станислав Васильевич полностью на свои средства построил церковь во имя иконы Божией Матери «Целительница». Прихожане Успенско - Никольской церкви и построенного меценатом храма «Целительница» молятся о его упокоении.

Надеемся, что в истории нашего города, в народной памяти ялуторовчан славное имя благотворителя и мецената Матушкина Станислава Васильевича, сделавшего для г. Ялуторовска столь значимый в социальном и воспитательном значении подарок, займет достойное место и будет сохранено для потомков.

Церковный Совет
Настоятель Успенско-
Никольского Прихода
протоиерей Георгий Санников

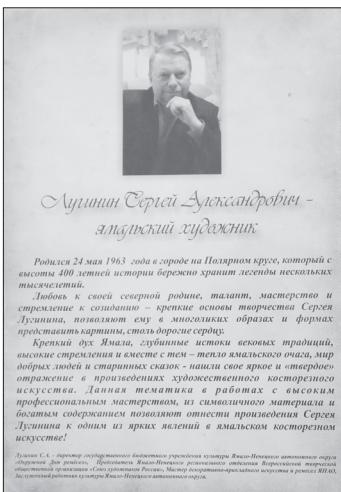
Музей глазами фотографа Валерия Петрова

21.01.2015. Открытие Года литературы в Ялуторовске.
Презентация фильма ГТРК «Регион-Тюмень» «Страсти по Савве»

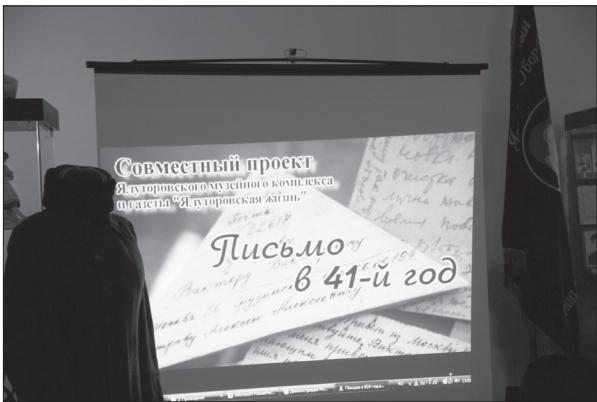
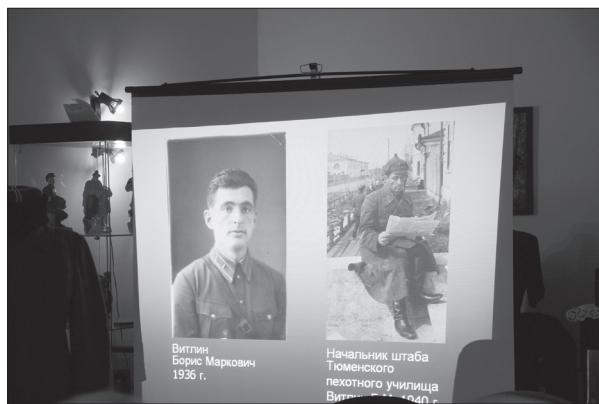
28.01.2015. Открытие выставки ямальского художника Сергея Лугинина

6.02.2015. Литературно-краеведческий центр г. Тюмени.
Презентация альманаха и книги «Наедине со временем»

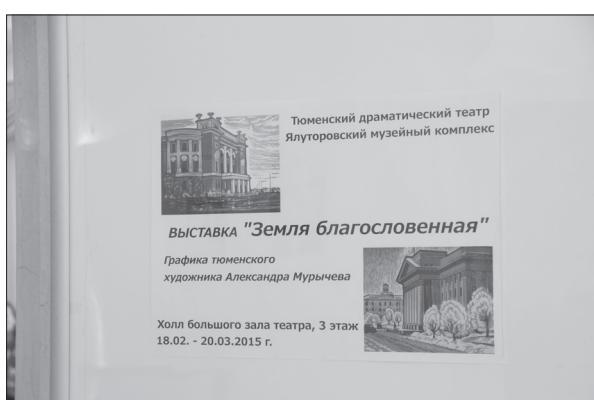
19.02.2015. Заседание историко-краеведческого клуба

23.02.2015. Дворец культуры. Презентация выставки «Ялуторовск в годы Великой Отечественной войны»

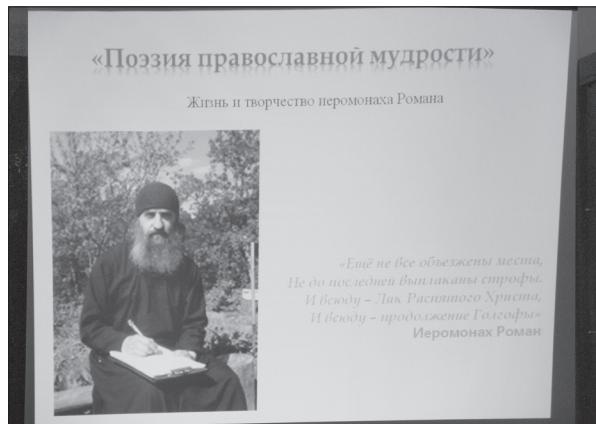
26.02.2015. Драмтеатр. Презентация выставок «Жизнь коротка - искусство вечно» и «Земля благословенная»

28.02.2015. «Русская палитра»

20.03.2015. Музейная гостиная о творчестве иеромонаха Романа

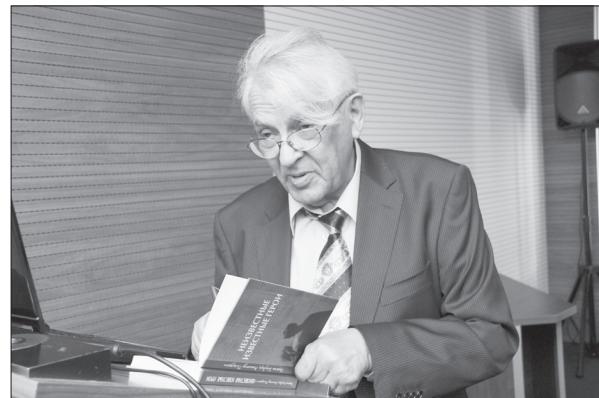
15.04.2015. Автопробег «Земляки-разведчики»

23.04.2015. Акция Согретые Сибирью

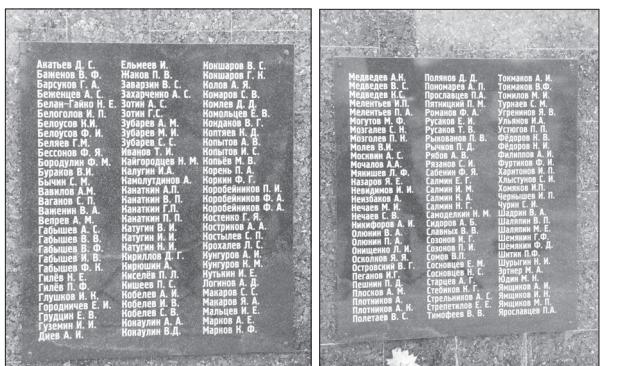
30.04.2015. Презентация книги Р. Гольдберга и А.Петрушина
«Неизвестные известные герои»

7.05.2015. Открытие выставки «Ради жизни веков грядущих»

8.05.2015. Открытие памятника воинам-лесозаводцам

9.05.2015. 70-летие Победы в Ялуторовске

15.05.2015 Литературная гостиная «С Чеховым по Сибири»

16.05.2015. Международная акция «Ночь музеев»

5.06.2015. Пушкинский праздник

17.06.2015. Открытие выставки «Традиции русского чаепития»

31.07.2015. Презентация фильма «Августа, дочь декабриста»

24.09.2015. Открытие выставки Геннадия Ратанова

Ялутур-городок

историко-краеведческий альманах

Выпуск десятый

На первой странице обложки - 22 июня 2015 г. в Ялуторовске.

На форзацах и последней странице обложки - схемы построения войск на Параде Победы в Москве. 24 июня 1945 г.

Адрес редакции: 627010, г.Ялуторовск, ул. Революции, 75

ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Тел./факс: (34535) 2-01-94.

Адрес электронной почты: admin@yalutmuzei.ru

сайт - www.yalutmuzei.ru

Перепечатка материалов и их распространение,

в том числе в электронной версии,

допускается только с разрешения

ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс».

Ссылка на «Ялутур-городок» обязательна.